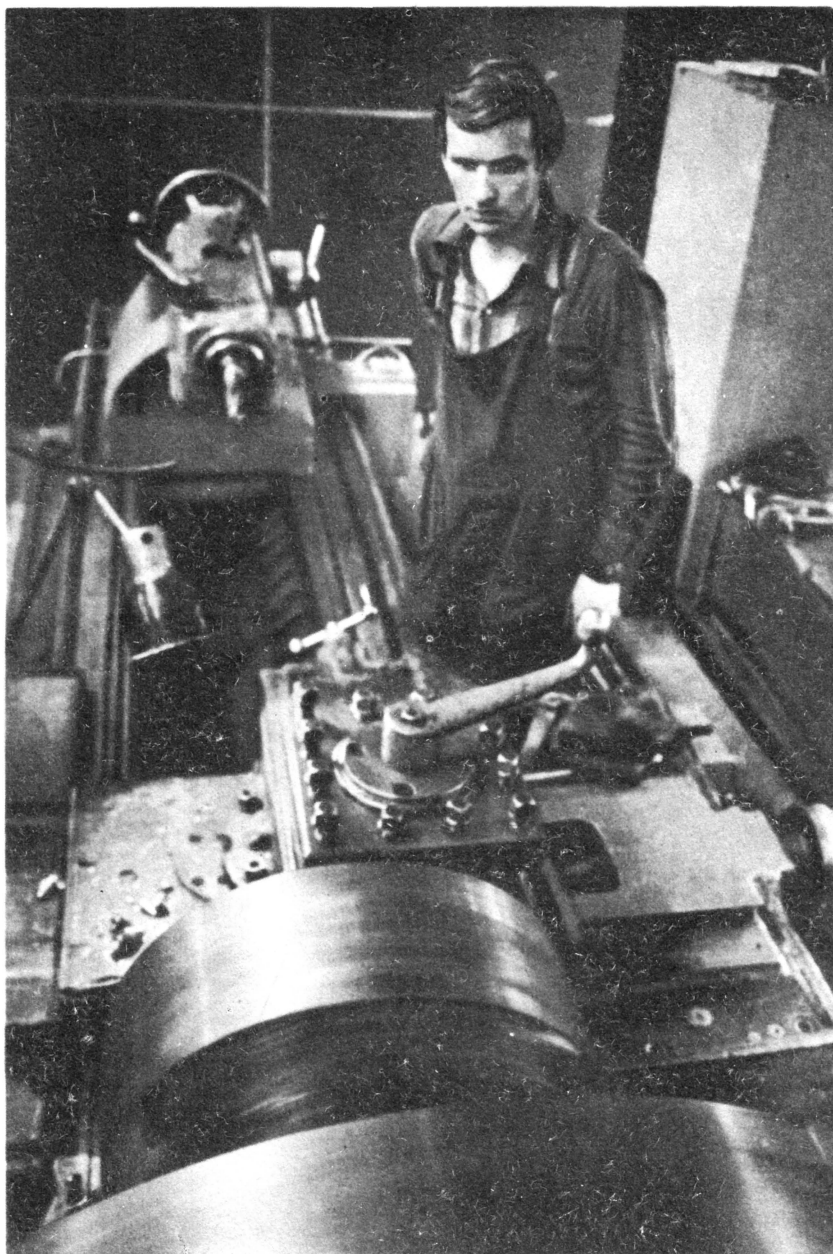

уральский

следопыт

№12*** 1980

Его главная должность — токарь. Его рабочее место — за станком. Александр Гришин обрабатывает металл: из бесформенных болванок делает изделия очень точные, очень нужные для объединения «Турбомоторный завод» — кокили, пресс-формы.

Но токаря нередко можно увидеть и за столом, внимательно изучающим чертеж. Делается это не из праздного любопытства: иных документов, кроме чертежа, на детали нет... А должен быть технологический процесс, в котором указывались бы и способ обработки, и время. Но производство индивидуальное, изделия не повторяются или, в лучшем случае, идут небольшими партиями, поэтому Александру приходится быть одновременно и токарем, и технологом, и нормировщиком, и даже инструментальщиком, потому что деталь требует специального резца, особой оснастки. Но как раз такое сочетание умственного и физического труда Гришину очень нравится. Оно дает возможность применять на практике знания, полученные в машиностроительном техникуме, работать творчески.

Хорошее правило выработал в себе токарь: прежде чем приступить к обработке той или иной детали, подумать, как быстрее и лучше ее сделать. У него очень высокий, пятый разряд мастерства, десятилетний опыт работы за станком, и это в сочетании с чувством ответственности дает отличные результаты. Передовик из года в год опережает календарь. XXVI съезд партии молодой токарь намеревается встретить досрочным выполнением производственных заданий.

Знакомись с жизнью Александра Гришина и диву даешься: как это у него на все хватает времени. Ведь, кроме всего, он еще и активный общественник. Только в цехе он выполняет четыре ответственных поручения: член партийного бюро, заместитель секретаря парт-организации, а у себя на участке — партгрупорг. Комсомольцы выбрали его членом своего бюро. Вы представляете, сколько времени приходится тратить Александру, чтобы добросовестно (а по-другому работать он не может!) выполнять только эти поручения!

Но у него есть и еще одно: вот уже шестой год он член горкома комсомола. И везде о нем — как о человеке, как о работнике, как об общественнике — высокого мнения. Поэтому его друзья, товарищи по работе очень обрадовались, когда узнали, что Александру Гришину присвоили звание лауреата премии Ленинского комсомола.

ГЛАВНАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Анатолий
ВАЙНБЕРГ

Фото
В. Борисова

В номере:

М. Петров ЗЕМНОЙ ЛИМБ	2
ВЫ СПРАШИВАЛИ	6
Р. Преснецов АРТИСТ С ВЯТКИ	7
П. Коверда ЗНАМЯ ГОРНОРАБОЧИХ	8
В. Пашин КОСТРОМСКОЙ ДРУГ ЛЬВА ТОЛСТОГО	8
В. Гаглоева ЭТОТ ДОМ НА ЧИСТЫХ ПРУДАХ...	9
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	10
Ю. Надточий ТРИ ВЕРШИНЫ ТОБОЛЬСКА	12
А. Тумбасов ПОРТРЕТЫ ЕВГЕНИЯ ШИРОКОВА	16
В. Юдин ИРБИТСКИЙ ЖЕЗЛ МЕРКУРИЯ	19
В. Пономарев СЕЙ КАМЕНЬ ЗАВЕТНЫЙ	20
Р. Валеев ВЕЧЕРОМ В ИСПАНСКОМ ДОМЕ. Повесть. Окончание	22
Л. Куликов ЗОЛОТАЯ БАБОЧКА. Сказка	37
З. Янтовский «НЕЗАУРЯДНЫЙ МАСТЕР ЗАНЯТОЙ ФАБУЛЫ»	42
С. Другаль СВЕТЛЯЧКОВАЯ ПОЛЯНА. Рассказ	45
КАЛЕЙДОСКОП. МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА	60
ЗНАТЬ ЖИВОЕ ПО ИМЕНИ-ОТЧЕСТВУ	64
А. Лейфер КРЫЛАТАЯ СИБИРЬ	68
В. Мезенцев ДОЛГИХ ВАМ ЛЕТ ЖИЗНИ	70
И. Легонькова, А. Конторович МОСТЫ ЧЕРЕЗ НЕВУ	75
В УМА ПАЛАТУ	76
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» В 1980 ГОДУ	78
НАШИ ЛАУРЕАТЫ	80
ПРИЗ УЕХАЛ В ТЮМЕНЬ	80

Редакционная коллегия:
 Станислав МЕШАВКИН
 (главный редактор),
 Муса ГАЛИ,
 Алексей ДОМНИН,
 Спартак КИПРИН,
 Владислав КРАПИВИН,
 Юрий КУРОЧКИН,
 Давид ЛИВШИЦ
 (заместитель главного
 редактора),
 Геннадий МАШКИН,
 Николай НИКОНОС,
 Анатолий ПОЛЯКОВ,
 Лев РУМЯНЦЕВ,
 Константин СКВОРЦОВ,
 Игорь ТАРАБУКИН
 (ответственный секретарь).

Художественный редактор
 Маргарита ГОРШКОВА
 Технический редактор
 Людмила БУДРИНА
 Корректор
 Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
 620219,
 Свердловск, ГСП-353,
 ул. 8 Марта, 8
 Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
 Сдано в набор 29.08.80 г.
 НС 11592
 Подписано к печати 15.10.80 г.
 Бумага 84×108¹/₁₆.
 Бумажных листов 2,62
 Печатных листов 8,8
 Учетно-издательских листов 10,8
 Тираж 249 000.
 Заказ 564.
 Цена 35 коп.
 Типография издательства
 «Уральский рабочий»,
 Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
 З. БАЖЕНОВОЙ.

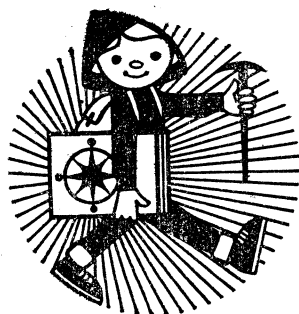
© «Уральский следопыт», 1980 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
 ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
 НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
 ДЛЯ ДЕТЕЙ
 И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
 СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
 РСФСР
 СВЕРДЛОВСКОЙ
 ПИСАТЕЛЬСКОЙ
 ОРГАНИЗАЦИИ
 И СВЕРДЛОВСКОГО
 ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
 С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
 СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
 КНИЖНОЕ
 ИЗДАТЕЛЬСТВО

№12 * 1980

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ЗЕМНОЙ ЛЮБ

Михаил
ПЕТРОВ

Рисунки
А. Банных

Григорьев

Начальник партии Григорьев сидел на парте, когда мы переступили порог распахнутой двери единственного класса начальной школы лесоучастка. Стол учителя был аккуратно прикрыт газетой.

— Прибыл,— полувопросительно сказал он, глядя на Плюснину.

— Здравствуй! — Иринарх Васильевич сбросил рюкзак на пол.

— Познакомься... Наш новый работник, лесотехнический закончил.

— Ну, ну,— Григорьев легко прыгнул с парты.

Рука у него оказалась крепкая, ладонь широкая, шершавая. Я представился и добавил:

— В ваше распоряжение.

— Ну-ну! Ешьте и пойдем в кино.

Григорьев сдернул со стола газету. Там была недоеденная жареная картошка, хлеб и килька в томате. Пустая консервная банка торчала тут же. Нам есть не хотелось, но для приличия мы все же покопались в тарелках.

Я пыжился и старался показать себя человеком бывалым, грамотным. Когда Григорьев сообщил, что проверки инструмента он уже сделал, ожидая нас, я, выбирая кильку покрупнее, поправил его, сказав: «проверки». Сам же инструмент: нивелир, теодолит — назвал приборами. Георгий Алексеевич ничего тогда не сказал, только чуть дрогнули его узенькие «чаплинские» усики. А после кино он буднично объявил:

— Завтра поведем пикетаж: Плюснин — нивелировку, я продолжу трассирование. Подъем в шесть.

Разбудил меня Иринарх Васильевич.

— Сходи за водой,— попросил он. Возле крыльца Григорьев делал гимнастику.

— Привет! — сказал я.

Он салютнул рукой, не прерывая приседаний. Был он хорошо сложен, с развитыми мышцами. На крепкой шее прочно сидела красивая голова.

Я достал из колодца студеной воды, испил до ломоты в зубах и оглянулся. Поселок уже проснулся: курились над крышами серенькие дымки. В холодноватом воздухе от-

давало свежестью и ароматом трав. Неизъяснимо радостное ощущение моего присутствия в этом мире проникло в каждую клеточку, вселило бодрящую уверенность.

Когда я вернулся, Плюснин уже успел приготовить глазунью, вскипятил чайник, поставил на стол вчерашнюю кильку и тоненькими пластиками нарезал хлеб.

После завтрака к нам подошли рабочие, направленные с лесоучастка. Двух женщин Григорьев определил к Плюснину на нивелировку: работа реечника считается легкой. Мне он выделил двух молодых парней, а с тремя постарше ушел сам. Вместо инструктажа сунул мне книжицу величиной в ладонь и толщиной в спичку: «Памятка пикетажисту». Смутное понятие о пикетаже я, конечно, имел, но теодолит внушал мне опасение.

Забив нулевой пикет, начальный репер был уже сделан начальником партии, мы размотали стальную двадцатиметровую ленту. Я объяснил ребятам, как работать со шпильками. Рабочие неплохо орудовали топорами. Один тесал сторожки, другой точки. То и другое полагается забивать через каждые сто метров, да еще на изломах профиля. Мы шли бойко... до первого поворота. В институте у нас была практика по геодезии, но работу с теодолитом я знал только в общих чертах. И теперь теодолит меня не слушался. Я замерил угол поворота трассы при правом круге, потом при левом, результаты должны были совпадать. Ничего близкого. Я повторил замеры. Снова не получилось. Ребята в ожидании выкурили уже десяток сигарет. Я понял, что геодезии не знаю.

Я лег на траву рядом с ребятами и честно признался:

— Не получается.

— А нам не к спеху,— сказал тот, что выглядел постарше,— мы не сдельщики, мы поденщики. Работал не работал — день провел, пять рублей гони, и без вычетов.

Остервенело я принялся изучать памятку, данную мне Григорьевым. Но приемов работ с теодолитом там не было. Тогда я стал напрягать память, пытаюсь вытащить из ее тайников последовательность опе-

раций при работе с инструментом. Но цепь где-то была разорвана.

Нивелировщик идет следом за пикетажистом, такова технология, и зачастую наступает ему на пятки. Иринарх Васильевич опустил ся рядом со мной.

— Перекур или...

— Или,— сказал я.

Он не спеша загасил сигарету и пошел к установленному теодолиту. Я встал рядом. Второй паренек, помоложе, подошел тоже.

— Смотри и запомни,— сказал мне Плюснин.

Неторопливо, подчеркнуто последовательно он замерил угол. Ошибка в измерении при обоих кругах была допустима. На миг мне показалось, что инструмент не кучка пригнанных друг к другу железных деталей, а живой организм. Умный и добрый, если с ним обращаться правильно.

— Понял?

— Не знаю.

— Давай сам,— и сбил лимб.

Я повторил все действия моего наставника. Просчитал отсчеты и чуть не запрыгал от радости. Значение угла было то же, что и у Иринарха Васильевича.

— Ну, топайте,— сказал Плюснин. И мы пошли.

Этот предметный урок внушил мне уважение к геодезии, как к науке практической. Тут было над чем поразмыслить.

Мы работали весь день. Теодолит был послушен. С этого дня он стал моим любимым инструментом и никогда меня не подводил.

— А быстро вы его оседлали,— сказал паренек, наблюдая мои манипуляции по замеру угла очередного поворота трассы.

— Давай научу!— предложил я.

Парню было интересно, и он быстро схватывал, повторяя за мной: «Верньеры... Лимб... Алидата...» Но мне это было нужнее, чем ему. Еще в институте я знал, что если что-то кому-то объясняешь, то и сам понимаешь глубже.

Домой мы вернулись в сумерках. Всю обратную дорогу тот, что постарше, ворчал: «Хитер ваш начальник, поденщину подсунул, а мы и клюнули. С утренней зорьки до заката вкальвать, это же четырнадцать часов— две смены, по трешке за смену не выходит. Нет, может, вы там энтузиасты, романтики, а мне такая романтика ни к чему». Больше он не появлялся.

Поздно вечером, проверяя мои записи в полевом журнале, Григорьев взглянул на Плюснина:

— Помог?

— Было маленько,— сознался Иринарх Васильевич.

Григорьев был прирожденный геодезист, как прирожденным бывает хороший хирург. Много раз я любовался его работой. Он как-

то одним броском ставил теодолит над точкой— вершиной угла. При чем треножник у него раскрывался враз, и уровни инструмента почти сразу оказывались на середине, оставалось только их уравновесить...

Сегодня воскресенье. И хотя у нас, полеви́ков, никаких выходных нет, в поле мы идти не можем, нет рабочих, отдыхают. Григорьев берет мерную ленту и зовет меня:

— Пойдем потренируемся.

Я следую за ним.

— Сколько метров будет до клуба?— спрашивает Григорьев. Я прикидываю.

— Метров семьдесят.

— Пятьдесят девять. Держи.

Я беру конец ленты, и мы измеряем расстояние. Лицо у Георгия Алексеевича серьезное, сосредоточенное, словно мы делаем очень ответственную работу.

— Пятьдесят девять метров все-семьдесят сантиметров!— восторженно объявляю я. Но начальник партии недоволен.

— Я имею право ошибаться в пределах полуметра,— сурово заявляет он.

Я смеюсь над его ненапускной суровостью и над тем, что сам так безмозгло ошибся. И вообще мне весело, потому что в небе снова солнце, что в теле моем приятная усталость после напряженной рабочей недели, что работа мне по душе и что наш район называют «Уральская Швейцария».

— Ничего нет смешного,— обрывает меня Григорьев,— геодезисту глазомер необходим.

— Кстати,— немного помолчав, говорит он,— не хотелось начинать с нравоучения. Теперь одни, могу. У геодезических инструментов,— он подчеркнул слово «инструментов»,— не «проверка», а именно «поверка». Слово морское. А приборами они не были никогда. Они—инструмент...

Я краснею, не знаю, что сказать, как отблагодарить его за то, что разнос этот я получил с глаза на глаз, а не на людях, беспомощно оглядываюсь и вдруг говорю:

— А сколько будет до магазина?

— Тридцать два,— следует ответ.

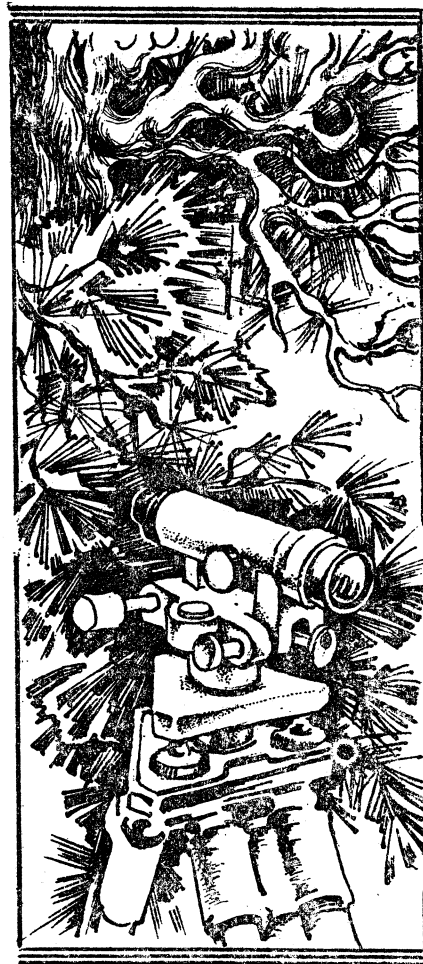
— Тридцать два метра сорок шесть сантиметров.

Григорьев не принимает шутки.

— Может, заглянем в магазин?— предлагаю я.— Возьмем немного по случаю воскресенье?

— Нет!— твердо говорит он. И по тону, каким произнесено это «нет», я догадываюсь, что начальник партии в принципе против спиртного...

А потом меня перевели на другое место работы. Честно говоря,

мне было жаль расставаться с Георгием Алексеевичем. Меня пленяла в нем безоглядная влюбленность в работу, которую он всерьез считал значительнее и полезнее любой другой, будь то хоть космоплавание. Работая самостоятельно, я почему-то всегда чувствовал за спиной его взгляд. И, бывало, спрашивал себя: «А как бы здесь сейчас поступил Григорьев?» Становился на его место и принимал решение. Иногда я соглашался с ним, иногда нет. Но этот спор в уме, о котором никто не знал, очень помогал мне в работе.

У дикого озера

Еще утром начальник Красноярского лесоучастка развел передо мной руками:

— Нету у меня рабочих, лето сейчас, отпуска,— потом подумал и посоветовал,— а ты того, школьничка, который поболе, возьми. Не лишка тяжела у тебя работа во лесу шагать.

— Что же мне, объявления расклеивать?

— Пошто? Ты в клуб ступай, они все там ввечеру собираются. Пустишь слушок, так, мол, и так, рабочие требуются, чтоб знали, а потом...

И вот из динамика радиолы льются звуки вальса. Мой Рудик, студент лесотехнического института, взятый техником, уже устремился приглашать. Я тоже пригласил девушку, по всему видно, что не здешнюю. Приезжего человека в маленьком поселке всегда видно, а уж в клубе и подавно. Девушку звали Верой. Она была начальником небольшого отряда, занимающегося дешифрированием аэрофотосъемки. В отряде у нее одни парни.

Вера оказалась девушкой простой, без тени жеманства.

— Боюсь я,— говорит она,— как бы мои парни не наделали чего от безделья. Съездить на базу, отчитаться за месяц работы мне надо дня три. Парни останутся без глаза.

Меня осеняет идея.

— Вера,— говорю я,— дайте мне ваших ребят на неделю. Пусть ребята подработают.

— Поговорите с парнями сами, я возражать не стану.

Потом мы гуляли по улицам поселка. Ни мне, ни Vere домой идти не хотелось.

— Тоскуете по дому?

— Еще как, особенно вот в такие белые ночи. Я из Ленинграда.

— Так что же вас заставляет?

— Менять городскую удобную обжитость на таежный неуют?

— Скажем так.

Некоторое время Вера шагает молча.

— Человек самоутверждается по-разному.

Мимо нас идет Рудик с тоненькой девочкой. Это он так выполняет задание по вербовке рабочих. Следом идут Верины парни, и она оставливает их:

— Ребята, познакомьтесь. У этого человека есть к вам разговор.

Мы пожимаем друг другу руки и я коротко объясняю, в чем дело:

— У вас же все равно простой.

— Не простой, а отдых,— поправляет меня один с бородкой.

— Отдых с пустыми карманами — мука.

— Здесь вы правы, шеф,— театрально вздыхает «бородка».

— Как будете платить? — интересуется сутуловатый парень в кавказской фуражке блином.

— По высшей строке расценок.

— Да что тут толковать,— решительно заявляет парень постарше,— раз Вера Андреевна считает, что надо выручить, значит, выручим. Когда выходим?

— Утром, сегодня утром. Уже первый час ночи.

— Добро, меня зовут Николай.

Они уходят.

— До встречи, шеф,— салютует на прощание «бородка».

Вечер нас застаёт уже на полуострове. Мы изрядно вымокли, оступаясь с кошек в ржавую хлядь, пока перетасили свой скарб и продукты на сухой конец полуострова. Я заведомо знал, что на полуострове срублена избенка, а в Диком озере (таково его название) кишмя кишит белый карась. За какой надобностью была срублена избенка, я не знаю, только охотничьей ее назвать было нельзя. В охотничьих дверь всегда

открывается вовнутрь, а у этой же наружу. Хозяин тайги — медведь рвет дверь на себя, потому и вовнутрь. Да и как ототрешь дверь, если ее завалит снегом. Скорее всего избенка служила ягодникам. В осеннюю пору болото здесь бордовело от клюквы.

Рудик все же завербовал к нам на работу ту тоненькую девочку, и я назначил ее таборщицей. Поместили мы Нелли наверх, под крышу, и потолок избенки стал для нее полатами, сами мы комфортабельно устроились на нарах.

— Будешь жить в светелке, как царевна у семи богатырей,— не преминул сбалагурить «бородка», помогая Нелли забраться на полати.

Предстоящая работа была не столь уж сложной. Надо было наметенную на топокарте трассу перенести в натуру с корректировкой при необходимости. Рельеф был только чуть всхолмлен. И я гнал визиру чуть ли не бегом. Рудик вел пикетаж, дыша мне в затылок, поворотов почти не было, и углы его не задерживали. Рабочих Вера отпустила только на неделю, и чтобы уложиться в срок, темп работы составил пять километров в день. Прорубить пять километров хода, даже сорокасантиметровой ширины, не так просто. С каждым днем мы все дальше отходили от лагеря и возвращались поздно. А стоило чуть стемнеть, как обратная дорога превращалась в пытку. Ноги натыкались на острые пенечки, оставленные нами после вырубki. Возвращаясь, мы падали к костру, над которым уже фырчало варено. Самые выносливые находили силы стащить с себя сапоги и протопать к озеру,

сунуть горящие ступни в воду. Не прошло и двадцати минут, как зазывающий звон алюминиевых мисок стягивал нас к костру, где уже священнодействовала Нелли.

...Мы заканчивали работу. И в тот день задержались допоздна. Быстро темнело.

— Может, запалим костер, пересядем до рассвета? — предложил я. — Путь неблизкий.

Но меня не поддержали.

— Курево кончилось, — просто-напал кто-то.

— А у Нелли сегодня уха, котелок и еще полведра, на все озеро запах...

— Ладно, домой так домой. Рудик, иди замыкающим. Я пойду первым.

Загнав в патронник переломки патрон с крупной дробью, я зашагал, и за мной тронулись остальные. Двигаться в прямом направлении в лесу трудно даже днем и немислимо — ночью. Зажечь факелы не удавалось, сырая хвоя не горела, а бересты не было. И вот началось болото. Сначала сухое с высокими кочками, а дальше под сапогами захлюпала вода. Наверно, мы ходили на леших, шастающих по болотам: измазанные лица и руки, из горла вырываются хриплые возгласы, но вскоре и они затихли. Мы брели молча, устало спотыкаясь, всматриваясь в вывернутые коряжины. Напряженно вслушивались в ночные голоса тайги, то ухающие, то пронзительно вскрикивающие. От этих шорохов, неожиданных вскриков среди молчания по коже бежал знобящий холодок испуга. Каза-

лось, что кто-то ждет нас впереди в засаде, чтобы внезапно напасть.

Но вот мы вышли на небольшой просвет, окруженный низкорослым ельником и худосочными березками. Расселись кружком на кочках такой высоты, что ноги свешивались свободно, не доставая земли. Последние две сигареты пошли по кругу. Ребята молчали. Иссякла последняя бодрость. Внезапно для самого себя я склонился к сидящему на соседней кочке Рудику и громко сказал:

— Рысь!..

От неожиданности Рудик соскользнул со своего сиденья и плюхнулся в болотную жижу. Это было так внезапно, что в первое мгновение все оцепенели, а потом кто-то прыснул, за ним — другой, и сразу же прорвался общий громогласный хохот. Рудик начал подниматься и что-то бурчать. Хохот усилился... Темнота словно отпрянула. Я спрыгнул со своей кочки, крикнул:

— Пошли! — и выстрелил вверх.

Дальше мы двигались шумно, окликая друг друга без надобности, не обращая внимания на хлеставшие по лицу ветки, на чавкающую в сапогах воду. Я снова выстрелил.

— Стойте, — послышался голос Рудика, — кажется, кто-то кричит.

Мы прислушались. Далеко по воде доносился голос.

— Это Нелли.

Мы двинулись на голос. Вскоре под ногами заметно прибавилось воды, а кочки стали ниже. Подошли к озеру. Берег был топким и порос камышом. Не без труда отыскали крохотный островок и остановились. Далеко, по ту сторону озера, мерцал едва видимый огонек.

Это горел костер в нашем лагере. Теперь мы свободно перекликались с Нелли, но где мы точно, она не знала. Ветерок относил голоса. На наше счастье, на островке оказалась копешка сметанного сена. Надрали бересты, развели костеришко и стали экономно подкладывать в огонь сено. Теперь Нелли видела нас, и это должно было поддержать ее. Она не чувствовала себя одинокой, да и за нас не переживала.

И вдруг до нашего слуха донесся звук тихого всплеска воды. Раз, второй... Мы повскакивали на ноги и прислушались. Точно. Кто-то шел к нам на лодке. В жидком белом тумане появилось расплывчатое темное пятно и скоро, приближаясь, приняло очертания человека в лодке. Рудик сунулся было к воде, но под ним заколыхалась трясина.

— Надо делать слань, — сказал он.

— Рубите березы.

Две березы легли до уреза воды, одна за другой. Нелли, закочевшей и промокнувшей, помогли выбраться на берег. Лодка протекла и была полна воды. И в этой воде плавало закоптелое ведро с ухой...

Напоминаем, что журнал в этом году чаще отдавал страницы под материалы по профессионально-техническому образованию. В самом деле, в 6,5 тысячи училищ занимается более 3,5 миллиона юношей и девушек. Они могут выбрать из 1300 профессий любую себе по душе. Это же целое государство Будущих мастеровых!

На исходе года с удовольствием отвечаем на вопросы юных читателей, считая, что за каждым письмом — завтрашний умелец.

Вы спрашивали...

«Дорогая редакция! в будущем году закончу десять классов. Конечно, думаю о том, где приложить свои силы. Мне уже приходилось немного поработать на стройках, и считаю, что главные там — монтажники, электросварщики. Где получить эти профессии, какие условия учебы?»

Сергей ИВШИН,
г. Свердловск.

Тебе, Сергей, очень подошло бы Верхне-Пышминское ПТУ-90 (г. Верхняя Пышма, ул. Садовая, 53). Одна из основных специальностей здесь — каменщик-монтажник - электросварщик. Готовят также плиточников-облицовщиков-мозаичников. Срок обучения — 3 года. Принимаются юноши и девушки в возрасте 15—19 лет без вступительных экзаменов с образованием 8—10 классов. Обеспечение, естественно, полное государственное, а десятиклассники получают стипендию 75 рублей.

И еще одно, Сергей, немаловажное преимущество этого ПТУ. Здесь отличные секции по самбо, лыжам, волейболу. Так что желающие могут получить высокие спортивные разряды. Выпускников училища — настоящих мастеров и крепких парней — с удовольствием принимают важнейшие стройки Урала.

Если по душе работа на объектах сельского хозяйства, то газосварщиков готовит Красноуфимское сельское ПТУ-11 (г. Красноуфимск Свердловской обл., ул. Советская, 3).

«Дорогая редакция! Я живу недалеко от Москвы. Умею слесарить. Слышал, что автосервис бурно развивается — этой сферой обслуживания я серьезно заинтересовался. А как с получением соответствующей профессии?»

Виктор ЧЕКАЛИН,
с. Сходня.

Есть в Москве, Виктор, необходимая тебе учебное заведение. Техническое училище № 54 готовит слесарей по ремонту автомобилей. Существует одна особенность: иногородние, принятые в ПТУ, должны быть временно прописаны и проживать у родственников.

Адрес училища: г. Москва, ул. Азовская, 5.

«Здравствуй, дорогой «Следопыт»! Я собираюсь в дальний путь и от твоего ответа зависит, скоро ли я отправлюсь. Хочу строить электростанции. Мне кажется, романтика укрощения сибирских рек призабыта. Восстанавливать ее надо! Куда поехать, чтобы строить ГЭС и чтобы стройка была комсомольская, ударная?»

Виктор БЕЛОУСОВ,
г. Каменск-Уральский.

Энтузиастам всегда рады, Виктор! Но прежде чем отправиться в дорогу, напишите по адресам, которые больше всего понравятся. Вот несколько комсомольско-молодежныхстроек:

Богучанская ГЭС (Красноярский край, Кетемский р-н, пос. Кода, УС Богучанской ГЭС);

Гусиноозерская ГРЭС (Бурятская АССР, г. Гусиноозерск, УС Гусиноозерской ГРЭС);

Зейская ГЭС (Амурская обл., г. Зeya, Ленина, 3a);

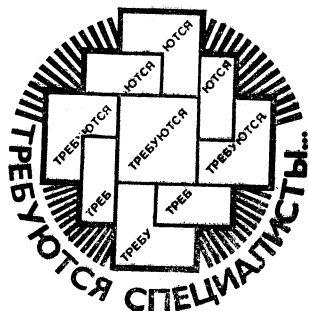
Колымская ГЭС (Магаданская обл., Ягоднинский р-н, пос. Синегорье, УС КолымаГЭСстрой).

«Вот уже год, как закончил школу, а все не решаюсь приступить к исполнению мечты — поработать на рыболовных судах. Отговаривают меня — трудно, мол, туда попасть, почти невозможно. Да и адресов таких училищ не знаю...»

Виктор ПАВЛОВ,
г. Ленинград.

Мореходные училища есть в Калининграде, Тобольске, Одессе, Tallине, Астрахани, Приморско-Ахтарске, Находке, Владивостоке, Ростове... Конечно, для плавания на судах нужно соответствующее здоровье. Даем конкретный адрес Астраханской мореходной школы Всесоюзного рыбопромышленного объединения Каспийского бассейна «Каспрыба»: 414014, г. Астрахань, пер. Балтийский, 1. В училище принимаются в возрасте до 26 лет. Окончившие мореходку на «отлично» направляются на плавательную практику на суда заграничного плавания.

Желаем удач, ждем писем!

Артист с Вятки

**Роман
ПРЕСНЕЦОВ**

Весной 1892 года в Московском театральном училище состоялся второй выпуск. Среди окончивших училище был и молодой вятский парень — Николай Падарин. Уже в экзаменационном спектакле «Женитьба» Падарин раскрыл главные стороны своего таланта.

Вместе с другими лучшими выпускниками Падарин был принят в труппу Малого театра. Первые роли

на сцене Малого театра — Кулак в «Перекати поле» П. Н. Гнедича, Воротынский в «Василисе Мелентьевой» и Васильков в «Бешеных деньгах» А. Н. Островского — были сыграны молодым артистом весьма удачно.

Осенью 1898 года дирекция Малого театра решила поставить пьесу А. П. Чехова «Медведь». С письмом к автору обратилась драматург

Т. Л. Щепкина-Куперник. Она просила Антона Павловича дать согласие на первое исполнение пьесы в Малом театре. «Исполнители намечены,— писала Т. Л. Щепкина-Куперник,— моя тетка Щепкина и очень талантливый актер Падарин...»

Премьера прошла с большим успехом, а Е. П. Щепкина и Н. М. Падарин долгое время были единственными исполнителями водевиля А. П. Чехова на сцене Малого театра.

В 1904 году Н. М. Падарин вошел в режиссерский совет Малого театра. Он поставил «Золотое руно» С. Пшибышевского, «Жены» Д. Айзмана, «В старые годы» И. Шпагинского и, наконец, «Грозу» А. Н. Островского. Это были разные спектакли, но, как утверждали критики, Падарин «сумел показать новые художественные приемы и проявить тонкий вкус».

Земляки Падарина, бывая в Москве, часто заходили к нему домой — квартира его была настоящим вятским подворьем в столице.

Известно, кстати, что квартира Падарина (Большая Бронная, 5) была связана и с именем В. И. Ленина.

«В начале марта 1906 г.,— писал И. И. Скворцов-Степанов,— Владимир Ильич приехал в Москву. Он очень интересовался настроением московских рабочих после декабрьских событий 1905 г. В обстановке большой активности царской охранки мы очень боялись за судьбу Ильича...»

Ленин пробыл в Москве два дня. Одну ночь он провел у врача Л. (фамилию установить не удалось), другую — у артиста Малого театра Н. М. Падарина, который был вне подозрений у полиции».

Н. М. Падарин умер 25 марта 1918 года. Критик Н. Эфрос писал в некрологе: «Я хорошо помню его с первых театральных шагов на Малой сцене. Он сразу привлек внимание и сочувствие простотой и искренностью своих исполнений... Он служил по завету великого Прова Садовского, к нему подходил ближе, чем к кому-нибудь другому из славных предшественников и создателей реалистической традиции русского театра».

На снимке: Н. М. Падарин.

Знамя горнорабочих

**Павел
КОВЕРДА**

Первый Уральский областной съезд профсоюза горнорабочих, который проходил спустя немногим более месяца после смерти Владимира Ильича Ленина, обратился к шахтерам Урала с призывом «возложить на могилу Ильича каменную плиту с надписью из самоцветных уральских камней». В сборе средств приняли активное участие горняки всех угольных и рудных районов Урала.

Работа по изготовлению Знамени горнорабочих велась на Екатеринбургской гранитной фабрике. Для подделки были найдены шестипудовый камень редкой южноуральской сургучной яшмы.

Через две недели Знамя было готово. Гладко отполированная глыба яшмы была обрамлена черной полоской из агата, образуя контур полотнища красного знамени с траурной каймой. В левом верхнем углу были помещены выточенные из того же камня два перекрещивающихся

молота — шахтерская эмблема. На задней стенке глыбы металлическая доска, на которой выгравирована надпись: «Знамя горнорабочих».

В журнале «Товарищ Терентий», выходящем в качестве приложения к газете «Уральский рабочий», был помещен снимок Знамени. В печати общалось об авторах. Над ним работали старейшие резчики Г. Д. и А. И. Татауровы, В. А. Семенов, А. С. Платонов, А. З. Шубин. Руководил работами мастер А. В. Щекин. Консультантами были профессор К. К. Матвеев и профсоюзный работник Ю. Поэрни.

Как значится в архивных материалах, Знамя горнорабочих было отправлено в Москву для установки в склепе Ильича. Однако дальнейшая судьба его неизвестна.

КОСТРОМСКОЙ ДРУГ ЛЬВА ТОЛСТОГО

**Виталий
ПАШИН**

«Милый друг Паша...» — именно так обращался Л. Толстой в письмах к своему единомышленнику П. И. Бирюкову, жившему на хуторе Ивановском близ Костромы. Их знакомство, состоявшееся в середине 80-х годов прошлого века, переросло затем в дружбу. Бирюков часто бывал в Ясной Поляне, вместе с Толстым участвовал в организации помощи голодающим крестьянам Самарской губернии.

Бирюков немало пострадал за пропаганду идей своего учителя. Об этом свидетельствует полицейское дело «О политической неблагонадежности П. И. Бирюкова», хранящееся в фондах Костромского государственного архива. Слежка, обыски, судебные преследования вынудили Бирюкова эмигрировать в Швейцарию, где ему посчастливилось познакомиться с В. И. Лениным.

Перу П. И. Бирюкова принадлежит четырехтомная биография Тол-

стого, переведенная на многие языки мира. Особая ценность этого труда в том, что при работе над ним Бирюков пользовался советами самого писателя. Бирюков был редактором и издателем многих произведений Толстого и, в частности, редактировал и комментировал наиболее полное дореволюционное издание произведений писателя, вышедшее в 1913 году.

После знакомства с В. И. Лениным Бирюков стал сочувственно относиться к большевикам. В Женеве он собрал крупную библиотеку из нелегальных социал-демократических изданий, часть которой сумел переправить в Россию. Сейчас книги бирюковского собрания, среди которых немало ленинских работ, находятся в научных библиотеках Костромы.

Москва, дом № 21 на Чистых Прудах. В архитектуре здания нет ничего примечательного. Единственное украшение — балкон с тяжелой литой решеткой под тремя окнами залы, расположенной на втором этаже. Этот дом — достопримечательность Москвы. В его стенах собирались в течение многих лет самые знаменитые писатели России начала XX века — И. А. Бунин, А. М. Горький, Л. Н. Андреев, А. И. Куприн, Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. В. Вересаев, А. П. Чехов, В. Г. Короленко...

Писатели собирались по понедельникам, потом по четвергам, но в конце концов постоянным днем заседаний стала среда, и кружок был назван «Средой». По этому случаю был устроен роскошный ужин. Когда расходились по домам, кто-то сказал: «А как бы, братцы, не заела нас «Среда»...» И. А. Бунин экспромтом ответил на это:

Я не боюсь, господа,
Чтобы заела нас среда,
Но я боюсь другой беды,
Чтоб не пропить бы нам
«Среды».

Организатором кружка был писатель Н. Д. Телешов, в доме которого чаще всего проходили заседания. «Среды» быстро завоевали громкую славу, и множество людей стремилось попасть на заседания этого своеобразного литературного объединения. Писатели читали свои новые произведения. Присутствующие должны были искренне, без какого бы то ни было снисхождения высказать мнение о них. Самым суровым критиком был Ю. А. Бунин, старший брат талантливого писателя И. А. Бунина. Большинство литераторов мужественно выслушивали критические замечания в адрес своих творений. Лео-

ЭТОТ ДОМ НА ЧИСТЫХ ПРУДАХ...

**Валентина
ГАГЛОЕВА**

нид Андреев не считал ни одно из своих произведений законченным, пока оно не было обсуждено на «Среде». И вообще он, остроумный и талантливый, был всеобщим любимцем. Когда предстояло чтение его рассказов или пьес, на «Среды» стремилось попасть особенно много слушателей.

В мемориальном кабинете Н. Д. Телешова хранятся неопубликованные шуточные стихи «Кому из «Среды» жить хорошо», написанные в 1901 году. В стихах даны меткие характеристики многим участникам кружка, есть там и строки, посвященные Леониду Андрееву: ...Поехать бы к Андрееву. Да он живет

в Финляндии —

Там — «около Куоккало»
В местечке Вамельсу,
На катере катается
По взморью, по волнам,
Похоже — жизнь веселая,
А пишет вещи мрачные,
Такие беспросветные,
Что хочется повеситься
От всех его поэм!..

В кругу «средовцев», где так любили давать друг другу шуточные прозвища, Андреев был назван «Ваганьково» (кладбище в Москве).

Леонид Андреев не остался в долгу. В письме к М. Горькому он писал: «На «Среде» давали названия, знаешь, по московским

переулкам. Хорошо назвали Серафимовича — «Кудрино». Принимая в расчет блестящее состояние его головы, название можно признать удачным».

Каждый новый рассказ Леснида Андреева становился событием, и все торопились поделиться об этом со своими друзьями и знакомыми. В письме к К. П. Пятницкому от 27 октября 1904 года А. С. Серафимович сообщал: «...В Москве, как нарочно, вся публика собралась, Скиталец переехал, Чириков, и «Среды» были оживлены и интересны. Леонид Андреев два рассказа написал, из них «Призраки» — крупный по художественным достоинствам». (Письмо А. С. Серафимовича хранится в архиве М. Горького, публикуется впервые.)

К участию в работе кружка приобщались начинающие писатели. В этом особая заслуга принадлежит М. Горькому. Это он привел впервые на «Среду» молодого застенчивого Леонида Андреева, только-только делавшего в литературе первые шаги. Он просит привлечь и Скитальца, поэта и прозаика, веря в его самобытный талант.

Постоянными участниками «Среды» были писатели П. Д. Боборыкин и С. Я. Елпатьевский — представители

старшего поколения. «Неутомимый Бобо», как называли Боборыкина, был автором большого количества романов, среди которых самый известный — «Василий Теркин». П. Д. Боборыкин присутствовал на конгрессе I Интернационала, одним из первых среди писателей оценил марксизм.

С. Я. Елпатьевский в годы молодости был дружен с марксистами Г. В. Плехановым и Ю. Н. Богдановичем. За содействие народолюбцам был арестован в 1880 году. Свои произведения Елпатьевский писал в тюрьме.

Большим событием в жизни «Среды» было издание ее участниками в 1902 году «Книги рассказов и стихотворений». Преобладающим настроением книги была вера в силы народа, воспевание подвига. Сборник вызвал одобрение такого тонкого и взыскательного критика, как А. П. Чехов.

Сборник принес и практическую пользу: гонорар, полученный за него, был отдан в 1905 году на нужды бастовавшим почтово-телеграфным служащим.

● Мордовское село Шокша... В глубокую историю уходят его корни. Об историческом прошлом, о героях Великой Отечественной войны, о знатных земляках-тружениках рассказывают экспонаты музея шокшинской школы. Есть здесь материалы и о том, как утверждалась Советская власть, создавались первые колхозы. Следопыты установили также, что первый социал - демократический кружок в Шокше был образован в 1905 году, узнали имена первых шокшинских большевиков — Г. И. и В. Ф. Черашевых, учителя И. В. Очкина и других.

● В мае 1943 года ЦК КП(б) Молдавии принял решение о создании в тылу противника отрядов партизанского сопротивления. Для связи с ними организовывались десантные группы. Судьба одной такой группы, погибшей под Измаилом, долгие годы была неизвестна. С помощью бывшего партизана, старшего сотрудника музея истории Компартии Молдавии В. Коваленко установлены обстоятельства боя и гибели группы, оказавшейся окруженной отрядом жандармерии, имена десантников. Об этой десантной группе [командир А. А. Варфоломеев, комиссар Будагян] рассказывала республиканская газета «Советская Молдавия» и газета «Правда» в очерке «Десять мужчин и одна женщина».

● Бывшие партизаны, участники итальянского Сопротивления, живущие ныне в Александрии, прислали в ленинградскую школу № 318 посылку с книгами. Школа

№ 318 — единственная в Ленинграде с углубленным изучением итальянского языка. Школьный коллектив, который создал музей освободительного движения итальянского народа, является первым почетным членом ассоциации пионеров Италии.

● Более трехсот различных экспонатов, рассказывающих о фронтовых работах кинооператора В. Суцзинского, собрано в музее средней школы № 14 Саранска.

● Литературный вечер, посвященный 25-летию открытия музея имени писателя-трибуна Ярослава Галана, прошел в львовской школе № 17. За эти годы старшеклассниками прочитано около полутора тысяч лекций о жизни и творчестве писателя-коммуниста.

● В 1918 году погиб командир пятой армии Ян Юдин. В том же году В. И. Ленин подписал Постановление Совнаркома о переименовании станции Красная Горка в станцию Юдино. Активисты музея школы № 46 железнодорожного поселка Юдино ведут поиск людей, знавших красного командира, оставшихся в живых латышских стрелков.

● Сотни следопытских отрядов приняли участие в операции «Долг», объявленной год назад Центральным штабом Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы и газетой «Красная звезда». В редакцию газеты поступило 33 492 ма-

териала. Решением жюри операции победители награждены памятными медалями, дипломами и путевками на IX Всесоюзный слет следопытов.

● Следопыты Могилевского Дворца пионеров приезжали в Ленинград, на торжественный подъем флага на ледоколе «Отто Шмидт». У себя на родине могилевцы создали музей знаменитого земляка, в котором собрано около двухсот уникальных экспонатов, рассказывающих об академике Шмидте и его арктических исследованиях.

● Несколько лет назад в Куйбышеве был установлен памятник «летающему танку» — самолету Ил-2. Второй такой памятник появился недавно на одной из площадей Воронежа. Штурмовик Ил-2, поднятый на пьедестал, тридцать пять лет лежал на дне озера Ракитное Белгородской области: он был подбит 1 сентября 1943 года, весь экипаж погиб. Следопыты документально установили имена летчиков, а воронежские авиастроители взялись восстановить боевую машину.

● «Голубая пехота» — так называется сборник очерков М. Гончарова, вышедший в издательстве «Молдавская книга». Сборник составлен на основе документальных материалов и рассказывает о войнах бывшей 4-й Овручской Краснознаменной воздушно-десантной дивизии.

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

● По следам большой жизни

Так назвали свою поисковую операцию следопыты Дворца пионеров и школьников Бауманского района Москвы.

...В 1919 году Надежда Константиновна Крупская совершила поездку с агитационным пароходом ВЦИК «Красная звезда» по Волге и Каме. Об этой поездке Н. К. Крупская рассказала в дневнике, который был опубликован под названием «По городам и весям Советской республики».

Следопыты-баумановцы повторили маршрут агитпарохода в наши дни. Эта экспедиция продолжалась два года, ребята записали воспоминания старожилов, привезли в свой музей десятки документов и фотографий.

В дворцовом музее имени Н. К. Крупской побывало около 40 тысяч посетителей. Много любопытного в нем. Вот, например, старый фотоснимок, на котором Надежду Константиновну окружили дети; совсем рядом с ней — худенький мальчик, беспризорник. Нынче И. П. Мудрагей — кандидат технических наук, живет в Москве и часто бывает в гостях у следопытов.

● Паровоз ОВ 70—24

В 1959 году хабаровские железнодорожники торжественно проводили в столицу, в музей депо Москва-Сортировочная, паровоз ОВ 70—24. Провожали его лесорубы, ремонтные рабочие, красные следопыты из таежного поселка Сита.

В музее школы поселка Сита собраны все материалы о биографии паровоза ОВ 70—24 — «овечки». В апреле 1919 года, после чрезвычайного заседания пленума Московского Совета, на котором выступил В. И. Ленин, комиссар депо Москва-Сортировочная, слушавший речь вождя, рассказал о ней своим товарищам в ремонтных мастерских. В субботу вечером 12 апреля коммунисты и сочувствующие остались на рабочих местах после трудового дня: с восьми вечера до шести утра они отремонтировали три паровоза, в том числе и ОВ 70—24. Тогда же утром «овечка» ушла с воинским составом на восток, на войну с Колчаком...

После гражданской войны «овечка» была на мирной работе, ее приписали к Оборскому леспромхозу, центром которого и был поселок Сита. Легендарный паровоз возил дальневосточную древесину для новостроек и шахт, а в Отечественную войну — для военных нужд.

Когда железнодорожный парк леспромхоза сменил технику на более мощную, паровоз отремонтировали и снарядили в столицу, на вечную стоянку. От Хабаровска до Москвы вели его лучшие машинисты, сопровождали его букеты цветов и громы оркестров.

А в поселке Сита осталась в память о паровозе мемориальная досочка, у которой торжественно принимают в пионеры и вручают комсомольские билеты...

● Юный музей старого села

У этого музея, действительно, возраст юный — ему исполнилось семнадцать лет. А Боготол — село старое. Следопыты сельской школы, работающие под руководством учительницы Л. А. Кандауровой, установили примерную дату рождения села по... остаткам старых захоронений, вымываемых водой из берегов Чулыма: возраст села оказался более трехсот лет.

Семнадцать лет ребята собирают материалы по истории родного края. На окраине села, через которое когда-то пролегал «кандалный» Сибирский тракт, был пересыльный пункт. Многие ссыльные останавливались здесь на ночлег. Следовавший по этапу через Боготол Александр Радищев оставил в своем сибирском дневнике описание здешних мест. Прошли через Боготол в ссылку и сто пять декабристов; следовали по тракту, по «кандалному пути» Достоевский, Короленко... Обо всем этом рассказывают экспонаты школьного музея.

В экспозициях, посвященных Великой Отечественной войне, можно встретить имена воинов-земляков; есть среди них и национальный герой Чехословакии, и солдат, оставивший подпись на рейхстаге, и участники парада Победы. Отдано должное и сегодняшним героям труда.

Археология, история, этнография — все интересует следопытов. Собирают учащиеся теперь коллекцию сибирских самоваров, одно из последних поступлений в музей — самовар емкостью в восемнадцать литров...

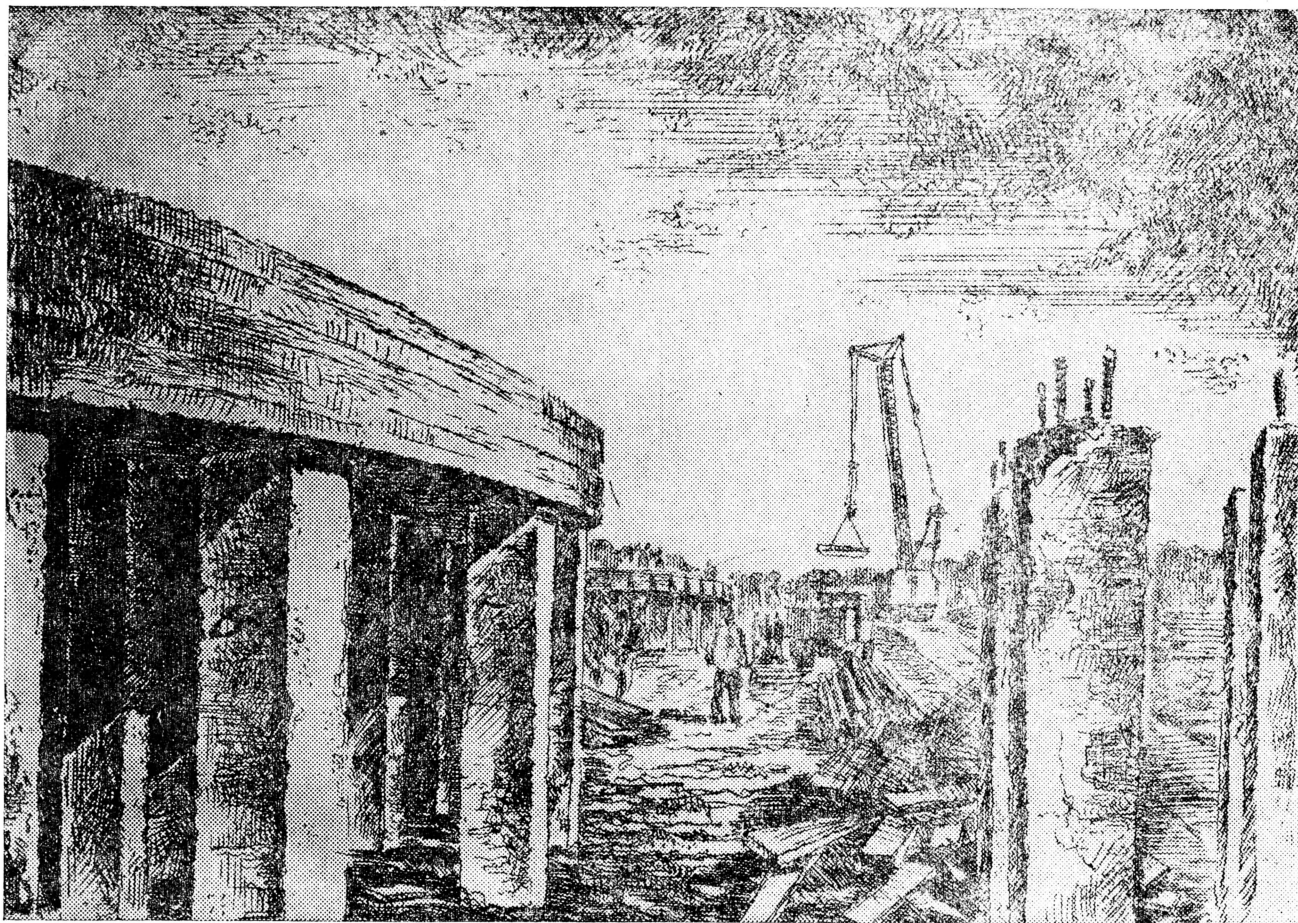
● Кто прятал большевистскую газету?

Неожиданная находка попала в руки жителя города Могилев-Подольский Винницкой области Украинской ССР И. Микалюка. На чердаке старого дома им обнаружен бумажный сверток; сам сверток пожелтел от времени, и тем удивительнее: то, что в нем было завернуто, оказалось на редкость в хорошем состоянии. Это были экземпляры газеты «Рабочий путь» от 8 сентября 1917 года. «Рабочий путь» был в то время центральным органом ЦК РСДРП(б).

И. Микалюк передал находку в музей школы, где учится его сын.

Кто прятал большевистскую газету? Кому предназначены были экземпляры этого номера?

Известно, что в Могилеве-Подольском действовал комитет РСДРП(б). В его состав входила известная украинская революционерка Евгения Буш. В начале 1917 года она была председателем Киевского областного комитета партии, посылалась делегатом на VI съезд РСДРП(б). Позже участвовала в подготовке вооруженного восстания против Временного правительства за власть Советов в Киеве, Виннице и других городах.

Три вершины Тобольска

**Юрий
НАДТОЧИЙ**

*Офорт
А. Холодова*

ЮРИЙ НАДТОЧИЙ ПРИБЫЛ В ТОБОЛЬСК С ПЕРВЫМ КОМСОМОЛЬСКИМ ОТРЯДОМ ИМЕНИ НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО НА СТРОИТЕЛЬСТВО ТОБОЛЬСКОГО НЕФТЕХИМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА, ОБОЗНАЧЕННОГО В РЕШЕНИЯХ XXV СЪЕЗДА КПСС КАК ОДИН ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ОБЪЕКТОВ ПЯТИЛЕТКИ. И ВОТ — ЮРИЙ СЕРГЕЕВИЧ НАДТОЧИЙ УЧАСТНИК ВСЕСОЮЗНОГО СЛЕТА МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ, ПРОШЕДШЕГО НЫНЕШНИМ ЛЕТОМ В СВЕРДЛОВСКЕ И ПОСВЯЩЕННОГО XXVI СЪЕЗДУ КПСС. МОЛОДЫЕ ЛИТЕРАТОРЫ ПОДГОТОВЯТ К ОТКРЫТИЮ СЪЕЗДА КОММУНИСТОВ СТРАНЫ СБОРНИК ОЧЕРКОВ О ВАЖНЕЙШИХ СТРОЙКАХ СТРАНЫ. И СРЕДИ НИХ — ТОБОЛЬСК, СТАВШИЙ УЖЕ ТЕПЕРЬ ЦЕНТРОМ НЕФТЕХИМИИ. ИНЖЕНЕР И ПИСАТЕЛЬ ЮРИЙ НАДТОЧИЙ ИМЕЕТ ПОЛНОЕ НРАВСТВЕННОЕ ПРАВО ПРЕДСТАВИТЬ ГОРОД ЧИТАТЕЛЯМ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА» КАК РАЧИТЕЛЬНЫЙ ХОЗЯИН, КОТОРЫЙ, КАК ОН САМ ВЫРАЖАЕТСЯ, ОБЖИЛСЯ ЗДЕСЬ «ВСЕРЬЕЗ И НАДОЛГО»...

НИЖЕ ПУБЛИКУЕМ ЕГО ОЧЕРК.

В каждом старом русском городе есть место, с которого он виден лучше всего. Помню незабываемое впечатление, когда в первый раз смотрел с Ленинских гор на Москву. Потом я открыл для себя Коломенское, это было уже после армейской службы. Не торопясь пройдя под коломенскими липами, мимо церквей, которые помнили еще Ивана Грозного, стоя над высоким берегом Москвы-реки возле храма Вознесения, видел уже не только Москву-город, но, казалось, всю Россию. И в одном ряду стояли для меня ее заводы и дворцы, деревенские избы и Братская ГЭС, храм Вознесения и «Союз», устремленный в космос. Темные стекла Петровского домика глядели в сегодняшний день, помогали лучше рассмотреть его. Я спешил по Калининскому проспекту, торопился со всеми, потому что по этому проспекту никто не ходит медленно, и внезапно останавливался возле зеленой церковки, сохраненной там среди стекла и бетона наших отечественных небоскребов. Небоскребы поднимали ввысь приятного стального цвета стены, заключающие в себе проектные институты, рестораны, магазины, удобное человеческое жилье. И зеленая церковка казалась таким лопушком, незаконно проклюнувшимся на культурном, ухоженном для практических сегодняшних нужд поле. Много на поле колосцев, одинаковые все и назначение их понятно. Но и этот лопушок нужен был душе.

Почему-то вспоминается все это сейчас, когда стою я на одной из смотровых площадок высокой колокольни Тобольского кремля. Только что прошел крупный косой дождь, налил на кирпичную кладку светлой воды, в которой отражаются купола кремлевского Софийско-Успенского собора. И хотя собор построен по образцам московского Вознесенского и вологодского Софийского, купола на нем все-таки выполнены на манер Киевско-Печерской лавры. Гостинный двор, в котором ныне размещен государственный архив, удивительно похож на бухарские караван-сарай. Башни кремля повторяют башни кремлей московского и новгородского. «Что ни город, то нов», — говорим мы. Первые здешние поселенцы, выходцы со всей России, каждый принес сюда «нов» своего города. И вырос Тобольск. Город, который нельзя перепутать ни с одним другим. Со своим неподражаемым «тобольским барокко», со своей деревянной резьбой, народными промыслами, укладом жизни. Это — Сибирь!

С одной стороны площадки виден нижний старый город с его деревянными домиками, длинными улицами, уходящими в Княжий луг, на котором когда-то происходила

одна из битв Ермака. Подымаются башенки построенного по подобию древнерусского терема Тобольского драматического театра, старейшего в Сибири. Машин на улицах нижнего города немного и можно подумать, что мало что изменилось за последние годы в этих местах. Зато верхний город сразу же открывается пятиэтажками, асфальтированные улицы уходят дальше, туда, к микрорайонам строителей нефтехимического комплекса, с которых и начинается новый Тобольск.

Как-то мне пришлось пролетать над Тобольском в вертолете. Над Алфеевскими горами, на которых и раскинулся белокаменный кремль. Как связь, свет между тем, что есть и было, будет завтра.

На чем все же держится эта связь, эти традиции, что питает их веками, не дает уйти, раствориться в новых культурных напластованиях, создает неподражаемую духовность каждого нашего, пусть и небольшого города? Наверное, все-таки традиции держатся на памяти. И существует она не сама по себе, обладая удивительной избирательностью. Если у москвича, живущего где-нибудь в районе Лаврушинского переулка, спросить о далеком сибирском районном центре Березово, то ему тут же вспомнится художник Суриков, «Меншиков в Березове», и вот, кажется, где-то рядом он, тот отчаянный Александр Данилович, «птенец гнезда Петрова», который «с тоненькою шпагой на ядра вражеские лез». А молодой тюмонец твердо поставит на первое место в жизни села первый березовский газ, возвестивший об открытии новой нефтегазоносной провинции. И правы будут оба, потому что историю страны достойно продолжает и нынешняя тюменская поступь. Хотя, что скрывать, если бы не Суриков, о Меншикове в Березове оба собеседника знали бы примерно одинаково мало. Так же мало, как нынешний молодой тоболяк знает о жившем в Тобольске первом нашем русском писателе-прозаике, великом бунтаре, огнепалом протопопе Аввакуме Петрове. Память надо активно утверждать. В картинах, архитектуре, книгах.

Валентина Ивановна смотрит на меня из-под очков и ждет. Я знаю, что она ждет удивления, и удивляюсь. Я не могу не удивиться. В моих руках книга Фрильофа Нансена «Среди ночи и льда» с автографом знаменитого путешественника «Александрю Ивановичу Тронхейму с благодарностью за услугу от Фрильофа Нансена. 26 августа 1897 год».

А Валентина Ивановна Корытова, старший библиотекарь научной биб-

лиотеки Тобольского музея-заповедника, уже рассказывает о ездовых собаках, доставленных жителем Тобольска А. И. Тронхеймом Нансену, чтобы на них неистовый норвежец смог продолжать свой путь к полюсу. Тут же она говорит о родственниках Тронхейма, которые передали книгу библиотеке, нынешних жителей города Тронтьевых, и эта переписка из века девятнадцатого в двадцатый заставляет еще пристальнее взглянуть в книги с подарочными надписями тобольского просветителя П. А. Словоцова, в деловой почерк губернского агронома, депутата Государственной думы Н. Л. Скалзубова, и вдруг вспомнить, что именно по ходатайству этого тобольского депутата был отменен смертный приговор Михаилу Васильевичу Фрунзе.

Валентина Ивановна ведет меня по библиотеке. Я вижу лежащие рядом летописи о походах Ермака и 17 номеров первых тобольских «Известий», редактором которых был уроженец города большевик И. Я. Коганицкий. Книги о композиторе Алябьеве с автографом Д. И. Менделеева и дневник Д. Давыдова, автора песни «Славное море, священный Байкал», похороненного на Тобольском кладбище.

Библиотека основана в 1870 году «ради пользы и удовольствия всякого звания человека», и двадцать пять лет отдала ей Валентина Ивановна. Сейчас в библиотеке пятьдесят тысяч наименований. Целых девять лет потребовалось Валентине Ивановне, чтобы привести книги в порядок. И все для того, чтобы навсегда сохранилась для нас заключенная в них бесценная человеческая мысль.

Есть такое удивительное бескорыстное племя — краеведы. Патриоты своего села, города, области. Для Валентины Ивановны ее служение краю — в книгах о нем. И в помощи всем, кто хоть немного интересуется ее Тобольском. И в этой готовности все то же ожидание. Может быть, нового Леонида Мартынова, который однажды приехал сюда, удивился, полюбил ее город и написал «Повесть о Тобольском воеводстве». И в этом ожидании подбирает она по темам материалы о легендарном Ермаке, путешественнике Дунине-Гаркавиче, декабристах и первых здесь, в Тобольске, большевиках.

— Какие здесь люди жили, какие люди, — говорит она. — Каждому можно памятник ставить, каждому музей открывать.

Граждане Тобольска... Пройдем-теся по залам музея. Здесь вы узнаете, что Тобольск дал России выдающегося ученого-химика Д. И. Менделеева. Это его именем будет наз-

ван нефтехимический гигант. Здесь работал поэт-сказочник П. П. Ершов, родился композитор А. А. Алябьев, живописец В. Г. Перов, архитектор А. Ф. Кокоринов. На городском кладбище вы увидите могильные плиты с именами В. К. Кюхельбекера, его именем будет названа одна из улиц в носом микрорайоне города, А. П. Барятинского, памятники А. М. Муравьеву-Апостолу и Ф. Б. Вольфу.

Не по своей воле побывали в Тобольске Н. А. Радищев и Ф. М. Достоевский, украинский поэт-революционер П. А. Гравовский.

Дома, в которых жили все эти люди, несомненно представляют историческую ценность, но кроме скромных мемориальных досок не имеют почти никакого отличия от нынешнего малоблагоустроенного старого тобольского жилого фонда.

Нужно ли их сохранять? Несомненно!

Как это сделать надлежащим образом? Однозначного ответа пока не найдено. Ведь даже при всем желании столько музеев создать просто невозможно. Трудно выполнимо, даже с технической стороны, предложение собрать все памятники деревянной архитектуры в одном месте, вблизи нынешнего каменного городского административного центра. Сконцентрированы они в нижней, в основном деревянной, части города и вряд ли пойдет на пользу уже сложившемуся архитектурному ансамблю насильственное, искусственное изъятие. Целесообразней было бы отремонтировать, привести в порядок эти здания прямо на месте, следить, под какие наши сегодняшние нужды они используются. Потому что вряд ли способствует упрочению памяти известного тобольского художника Знаменского то, что в его доме расположилась контора пивзавода. Память нужно уважать.

Лучше всего поступили, на мой взгляд, с домом, в котором жил Петр Павлович Ершов. Там сейчас детский сад. И в комнатах, принадлежащих сказочнику, раздаются веселые крики ребятишек. Верится, что они вырастут хорошими людьми, потому что не может быть, чтобы тепло искусства, жар любви, создавшей это искусство, не обогрел их.

Недаром многие комсомольцы, объясняя причины приезда в Тобольск, говорят не только о желании строить крупнейший в мире нефтехимический комплекс, но и о том, что их привлекло и историческое прошлое города.

Издавна архитектурные памятники кроме своего прямого назначения имели большой воспитательный смысл. Недаром наш разговор с Аркадием Константиновичем Наровлянским и перешел к актуальной в Тобольске теме об охране окру-

жающей среды на охрану исторических памятников. Потому что важно сохранить не только «воздух над нами», чтобы он «человеческому житию потребен» был, но важно сохранить и сам дух города, потому что без него жизнь также окажется неполной.

— Тобольск,— говорил Аркадий Константинович,— в связи со строительством нефтехимического комплекса, с каждым годом будет иметь все большее значение в масштабе страны. И поэтому и в будущем должен быть известен не только как город развитой нефтехимии, но и как город большого исторического прошлого. Нужно это не только для туристов, а в первую очередь для тех молодых людей, которые едут сюда. Мы надеемся построить интересные сооружения в наших новых микрорайонах. А историческая, четко прослеживаемая связь нового и старого, связь между строителями прошлого и строителями нынешними важна для всестороннего воспитания молодого человека.

Ту же самую мысль я услышал от известного в городе бригадира отделочников Героя Социалистического Труда Ивана Семеновича Мариненкова. Человека, труд которого виден во многих зданиях Тобольска, начиная с его нового вокзала — современных прекрасных ворот строящегося города.

— Я девушкам из своей бригады все время говорю: ходите по Тобольску, особенно по старой его части, приглядывайтесь, как дома отделаны. Наличниками, резьбой. Ну, а они мне возражают, что все это древнее, не наше. Сейчас по дереву строители и не работают почти. Другой материал пошел: бетон, стекло, сталь. Да и постройки тогдашние почти все сплошь индивидуальные, не то что наши, на сотни жителей рассчитанные.

Я с ними кое в чем соглашаюсь, насчет материалов например, ну а с тем, что учиться нам у тех, кто до нас жил и работал, нечему, не примирюсь.

Ведь не для того мы на наличники смотрим, чтобы научиться их делать, не нужно это, а вот научиться любви, с которой они вырезаны,— это важно.

Тобольску требуется в перспективе не менее тридцати тысяч строителей и столько же нефтехимиков. В городах с историческим прошлым, со своим лица необщим выраженьем молодые люди приживаются легче, настроен на постоянную оседлость отражается на повышении производительности труда, его качестве. Культура рентабельна, вряд ли кому это нужно сейчас доказывать. И особенно велика ее отдача здесь, в Сибири. Потому-то мне так понятно недоумение молодых строи-

телей, которые глядели на созданную в начале восемнадцатого века, повторяющую неувядаемый стиль века семнадцатого Спасскую церковь. Именно она больше других пострадала от так называемой «практичной» застройки. Не знаю, кому пришла в голову мысль соорудить впритык к уникальному архитектурному сооружению городскую котельную. Восстановить церковь, даже при всех усилиях, теперь трудно.

Федор Георгиевич Дубровин, автор реставрации Тобольского кремля, ходит по нему, энергично попиная длинной из-за мундштука сигаретой.

— У нас такие фонды, что можно открыть еще как минимум восемь филиалов музея. Обязательно — Ершова, затем — политической ссылки, истории религии и атеизма. Буду настаивать, чтобы его разместили в помещении Софийско-Успенского собора, центральном храме бывшей тобольской епархии. Как раз рядышком с действующей церковью. Посмотрим, к кому больше народа пойдет.

Он смеется.

— Нужен нам музей градостроительства и реконструкции Тобольска. Художественный. У нас удивительная коллекция картин восемнадцатого — двадцатого веков, музей кустарных промыслов, этнографии народов Севера. Будет у нас в городе нефтехимический комплекс, должен быть комплекс и музейный.

Через несколько дней мне посподвигилось попасть в другой древний русский город — Вологду. Вологду деревянную, узорчатую, лепную, резную. Удивительно похожую необычным своеобразием на мой сибирский Тобольск. Я шел мимо двенадцатизэтажных громад в районе огромной вологодской новостройки — шарикоподшипникового завода, шлепал по серому асфальту и несколько растерянно напевал эту песенку о доме, «где резной палисад». Палисада на окраине не было. Но вот я вышел в центр и понял, что песенка о Вологде написана всетаки не зря. Как и сотни лет назад отражались в тихой реке стены вологодского кремля, а в деревянных, с резными причелинами, подзорами и наличниками, особнячках так же, как и всегда, жили вологжане. С той только разницей, что сейчас эти дома стали благоустроенными, со всеми удобствами, которые нужны для жизни современным людям. Город тогда напомнил мне дружную, хорошую большую семью, в которой вместе живут и деды, и взрослые сыновья, и модные внуки. Живут, дополняя и не заслоняя друг друга.

«Вот так бы и в Тобольске»,— подумалось тогда.

Сейчас в городе на Иртыше восемьдесят тысяч жителей. В среднем, в связи с начавшимся строительством, число это увеличивается на десять тысяч человек в год. Таким образом, совсем скоро население города должно перевалить за сто тысяч. В дальнейшем эта цифра пойдет по еще более крутой нарастающей. К тому же в весьма обозримом будущем железная дорога, которая совсем недавно дошла до Тобольска, а теперь ложится по направлению к Новому Уренгою, дальше на Гыданский полуостров, еще более оживит город. Не заслонят ли, несмотря на все наши благие пожелания, новые практически многоэтажные дома старые уютные особнячки. А ведь признайтесь, что даже в нашем интенсивно живущем веке хочется иногда пройтись не торопясь, размышляя не только о своем сегодняшнем дне, но и о людях, которые жили до тебя и после тебя будут жить.

Мысль об этом привела меня в Москву, на широкий прямой, удивительно современный по своему архитектурному исполнению проспект Вернадского. В Центральный научно-исследовательский и проектный институт по градостроительству (на стройках его знают как ЦНИИП градостроительства), который и занимается детальной планировкой Тобольска.

И здесь я опять, уже из будущего, увидел свой город, Новый город. Мне показал его Юрий Афанасьевич Сдобнов, руководитель одной из мастерских института, которая и проектирует Тобольск. На огромном макете сразу же бросилось в глаза, что город, который уже построили для себя проектировщики, напоминает плавную синусоиду.

У синусоиды четко выделялись три ее вершины. Первая — это взлет ввысь башен и стен кремля, перед кремлем проглядывалась площадь, которая оставляла его стены с нагорной стороны, где и ведется основное многоэтажное строительство. Дома здесь поднимались в высоту постепенно. Сначала пяти-, затем девяти- и шестнадцатизэтажные. Это была вторая вершина Тобольска. Заканчивалась она резко, зеленой зоной, за которой сразу же, без переходов, тянулись в небо колонны нефтехимических заводов. В общем масштабе все эти вершины уравнивали друг друга, не заслоняли одна другую.

Теперь мне становилось понятным, почему в нижней подгорной части города запрещено строить дома выше двух этажей, почему оставалась свободной площадь перед кремлем. Как отовсюду в городе будет виден нефтехимический комбинат, так же издалека, как и

сейчас, будут встречать нас башни кремля, жемчужины Тобольска.

Газофракционирующие колонны на самом большом в стране Нижнекамском нефтехимическом комбинате поднимаются ввысь на шестьдесят метров. Над Тобольском они поднимутся на сорок метров выше. Но, сравнивая эти два комбината, стоит говорить не только о количественных соотношениях, но и о качественных. Время наше идет настолько быстро, что многие наши современные промышленные объекты устаревают чуть ли не в день своего пуска. Это естественный ход прогресса, и никого не удивляет, что устареет Нижнекамский комбинат по сравнению с Тобольским, морально устареет. И ценность его с годами уменьшится, как у станка ДИП перед начиненным электроникой его современным собратом.

Тогда почему же с каждым годом растет ценность Кижей и Ферапонтова, Кирилловского монастыря и Тобольского кремля? Может, потому; что один станок мы привыкли сравнивать с другим, более производительным, дом пятиэтажный с девятиэтажным. А вот уже рядом поднимается двадцатичетырехэтажный небоскреб, а тот еще выше в небо карабкается. Но никто не строит новых Кижей и Ферапонтова, еще более красивого, хотя бы для сравнения, Тобольского кремля. Несравнимы они, единственные, не было таких и не будет.

Но разговор об этом продолжался уже в Тобольске. С начальником Тобольской реставрационной мастерской Александром Павловичем Русановым. Стояли мы с ним возле восстановленной часовенки, в которой, было такое время, висел опальный угличский колокол. Тот самый, который гудел над мертвым царевичем Дмитрием, возмущал народ, за то был бит плетьюми и с оторванным языком отправлен в ссылку. В Тобольск.

Александр Павлович рассказывал о старых хозяевах кремля, «святых отцах», которые в девятнадцатом веке непонятно из каких соображений приказали разобрать его стены. Только в 1971 году по сохранившимся проектам началась их реконструкция. И молодой парень, ему тогда было двадцать четыре года, бригадир каменщиков-реставраторов Михаил Бажин положил на старый фундамент первый кирпич. Работы закончились в 1974 году, а начались они, если уж быть по-настоящему точным, в году тысяча семисотом. Вот так.

Два каменных города строились тогда. Санкт-Петербург и Тобольск. Два города, два окна страны, широко глядящих на запад и восток. Любопытный турист и сейчас может увидеть в Тобольском кремле-музее лежащие рядом китайские тка-

ни, сибирские меха и деревянную голландскую обувь. Не знаю, зачем она нужна в Сибири, эта обувь, но раз оказалась здесь, значит, и в ней была нужда.

В следующем зале тот же турист увидит защитную каску строителя, полагающуюся по технике безопасности и снятую с Вити Ежова. Тоже отправленную в музей. Со временем ее ценность уравнивается со старинным шеломом, и, с точки зрения наших потомков, это будет справедливо.

Высочайшую справедливость они увидят и в том, что этот интенсивно строящийся город внесен в список тех ста пятнадцати исторических городов Российской Федерации, в которых без согласования с органами охраны памятников истории и культуры нельзя ничего строить и реконструировать. И уже засверкали золотом купола Софийско-Успенского собора кремля, подходят к завершению реставрационные работы Михайло-Архангельской церкви, начнутся работы на церкви Захарьевской. И если пометать, то можно представить, что исчезнет когда-нибудь с заповедной территории кремлевского комплекса неказистая силикатная коробка одного из городских общежитий. Расположена она на Троицкой горе и хочется напомнить, что именно на этой горе высадились весной 1587 года стрельцы под руководством писменного головы Даниила Чулкова. Здесь они срубили, сложили «с великим поспешанием» из разобранных лодий новый град — Лудейный Тоболеск. А на месте этой «коробки» встанет памятник, указывающий приехавшим в Тобольск со всех концов страны комсомольцам, что именно с этого места и начался город, которому они дают его новую комсомольскую славу.

Вместе с Александром Павловичем мы идем к бригаде девушек-отделочниц, которая работает здесь, в кремле. Среди них я узнаю Лену, жену Евгения Гонышева. из бригады плотников-бетонщиков Виктора Ежова. Оба они приехали на строительство нефтехимического комплекса, но так получилось, что муж трудится на стройке, а жена попала в реставрационную мастерскую. Гармония всех частей будущего большого Тобольска, замеченная мною на макете, реализовывалась в жизнь таким вот частным и очень показательным образом.

Портреты Евгения Широкова

**Анатолий
ТУМБАСОВ**

*На вкладке репродукции
картин Е. Широкова
Фото А. Нагибина*

За окнами мастерской клубится морозная стынь. Между городских многоэтажных видны заснеженные крыши домишек, кудряшки дымков, напоминающие уральские поселки из нашего детства, когда в очаг или подтопок подбрасывают звенящие с мороза поленья березовых дров. Евгений Николаевич мягко ступает в валенках по полу мастерской, закапанному краской, и признается:

— Холодно! А в детстве шук доставал из ледяной воды. С семи лет стал рыбачить, с иной шучкой едва справлялся.— Вспыхнувшая спичка чуть теплит сумерки, закрашивая в мастерскую.— Татьянины морозы сейчас, домой звонил в Касли, мама говорит, что в ее день рождения всегда стужа. Печи топят по два-три раза в день.

Багровое солнце на закате путалось в дымах. Над козырьком крыши мастерской летели птицы. Они каждый вечер направляются в какую-то свою сторону.

Внизу по тропинкам бежали ребята и девочки из профучилища, зажигались квадраты огня в учебном корпусе напротив. Евгений Николаевич смотрел в окно, покуривая, и раздумчиво говорил:

— Места не нахожу себе, пока новый холст на мольберт не поставлю. Тогда и на душе спокойнее, и мысли активнее — работать хочется.

Холст большим пластом белеет в углу мастерской. Он подошел, погладил его. Хорошо натянутый на подрамник холст зазвенел, как бубен. Еще потрогал рукой шершавую белую поверхность — так всадник гладит своего коня.

Что будет на новом холсте, Широков пока не говорит. «Может быть, самое сокровенное» — обмолвился только. Конечно же, у каждого художника есть желание написать самое волнующее и сокровенное, к чему он готовится, порой, всю жизнь.

Евгений Николаевич включает свет, лампочки ярко вспыхивают в

плафонах, и с разных сторон будто придвигаются к нам люди. Только они неподвижны на холстах, но каждый наделен индивидуальным характером, и будто слышится голос поэта Радкевича.

«И я здоров, а ежели и болен, то только тем, чем вся земля больна», — сказал он, когда увидел свой портрет законченным в мастерской художника.

Михаил Савельевич Альперович изображен сидящим на балконе. В несколько согбенной фигуре чувствуется расслабленность. Характерным сжатием губ, прищуром глаз, рукой, ухватившей спинку стула, художник подчеркивает волевым, твердым характер ветерана партии и пермского комсомола. На втором плане — городской пейзаж. Как утверждал Суриков, «по архитектуре о времени размышляю». Перед глазами Михаила Савельевича — новые кварталы Перми и уходящий район Слудки, где он работал секретарем райкома комсомола, где жил поэт Василий Каменский, где прошло многое, что связано с молодостью, и оттого «печаль его светла» — так задумано художником.

С другого портрета смотрит на нас актер Андрей Миронов. Он стоит как будто тесно сжатый рамой на узком холсте, но в свободной позе, в клетчатой рубашке и с полувложенными руками в карманы брюк. Широков хотел показать, что и в обыденной жизни Миронов достойно несет звание художника, что творчество требует от него, человека и артиста, большой отдачи.

Зимней ночью заткало окна мастерской, а на портрете, где изображена Юлия Друнина, — лето. Потом, через несколько лет после Победы, фронтовая поэтесса напишет стихотворение, две строчки из которого стоят целой автобиографией:

Я родом не из детства — из войны,
Прости меня, в том нет моей вины.

Юлия Друнина на портрете изображена у раскрытого окна в ночную природу. За кустами, за деревьями вверху угадывается поворот дороги, над ним прожекторный пучок света: не так же ли сполохами рифмуются строки в голове поэтессы, и она сейчас же скороговорной машинописью зафиксирует их?

Однажды художник пригласил рабочую Мотовилихинского завода, Героя Социалистического Труда Любовь Васильевну Улитину. Она пришла в светлом платье в мастерскую, залитую ярким светом. Знакомство с художником и необычная обстановка несколько смутили ее. Портреты, краски, развалы кистей на полу, журналы, книги об искусстве... Любовь Васильевна бережно листает их, накапливая на коленях. Евгений Николаевич тем временем рассмотрел нужное решение портрета и взялся за кисть, или даже вслух сказал об этом. Любовь Васильевна подняла голову на художника, бережно придерживая книги на коленях руками... Этот взгляд Любови Васильевны так и остался на полотне — с ясными глазами, со сдержанной улыбкой и радостным настроением души.

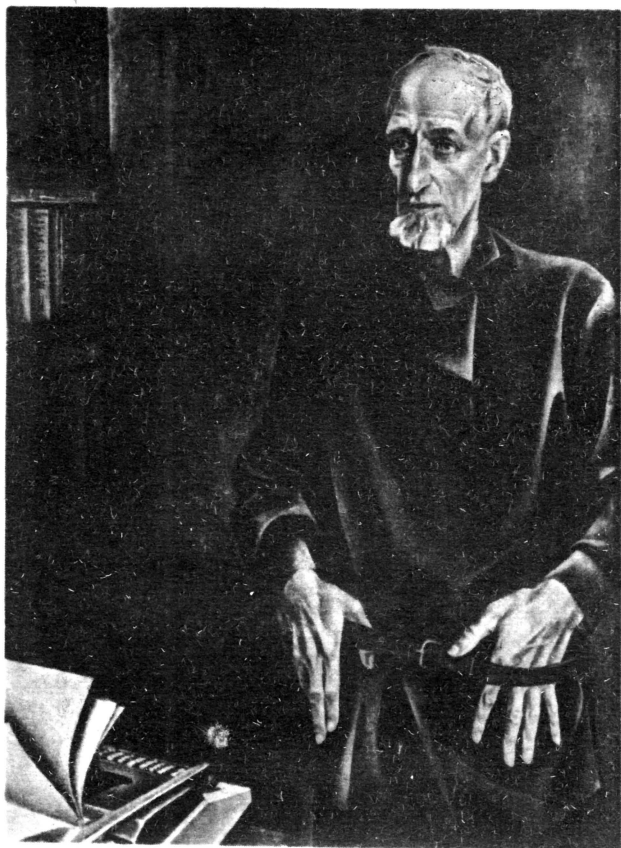
Портреты как будто теснят, надвигаются с мольбертов, но не мешают работать. Вспоминается портрет Бориса Никандровича Назаровского в черной блузе. Прямой, костистый, мудрый, стоит он, отодвинувшись к правому краю холста, — это намеренно подчеркнуто художником.

Руки заложены за ремешок. Они настолько выразительны, что привлекут не меньше, чем лицо, вся голова, так же мастерски и крепко вылепленные кистью. Когда работа завершилась, Борис Никандрович навестил художника в мастерской. Молча и внимательно гляделся на портрет, словно бы в свое отражение, только несколько увеличенное, — поэтому отступил назад. Рядом стоял портрет киноактрисы Чурсиной. Борис Никандрович посмотрел на

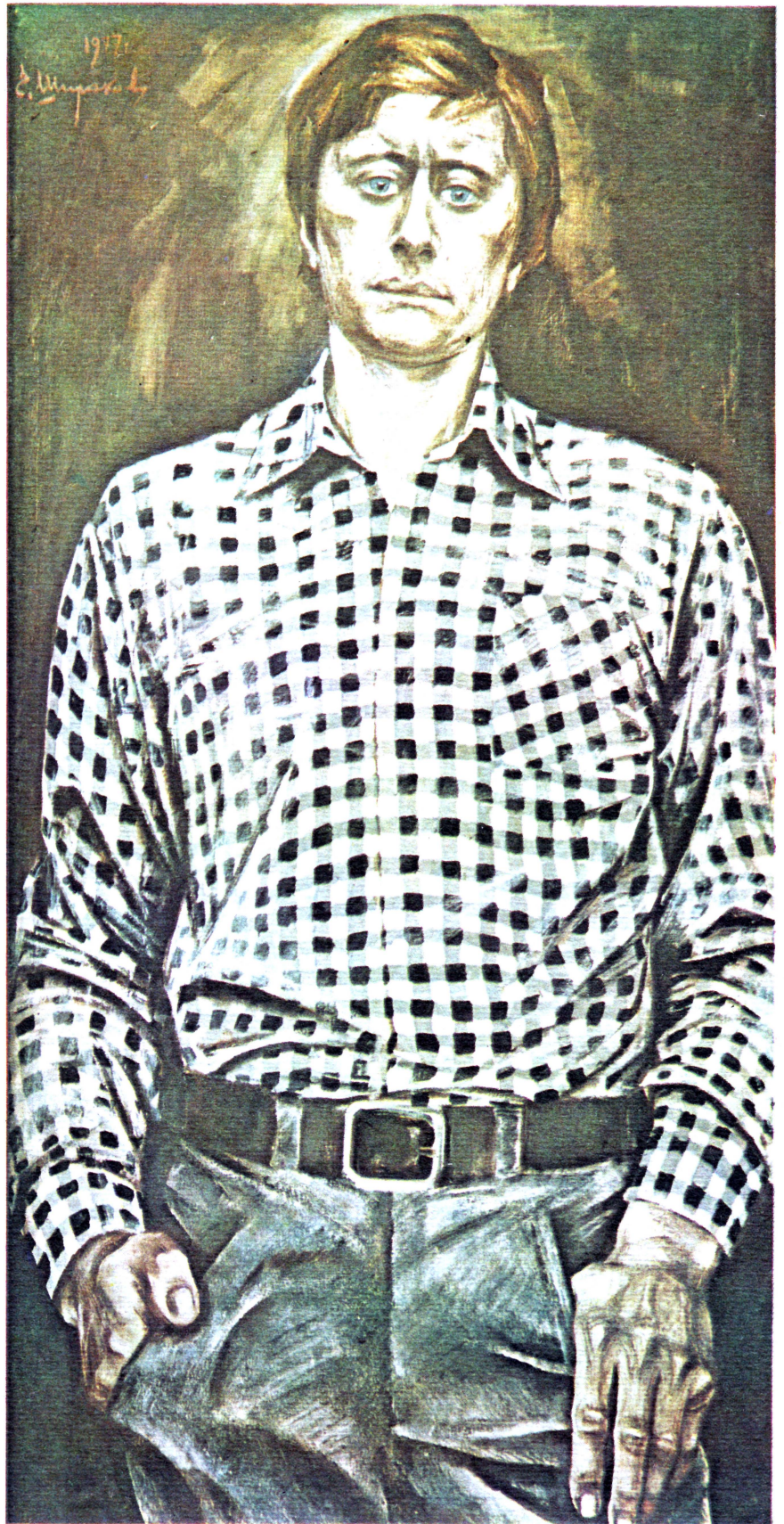
Маргарита
Тарасова

Б. Н. Назаровский

Ефим Копелян

Андрей
Миронов

Юлия
Друнина

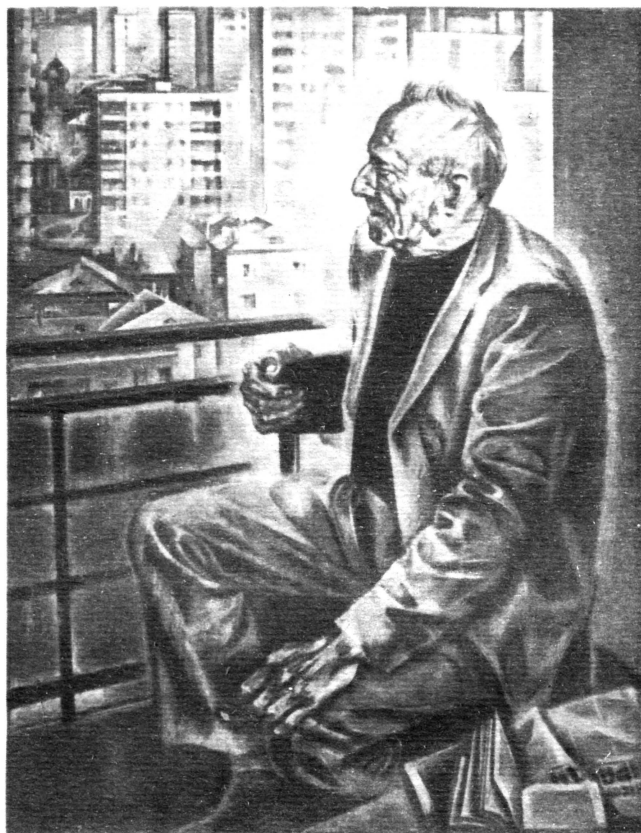
Евгений
Гудин

Виктор Астафьев

М. С. Альперович

Мудрость

Л. В. Улитина

актрису, на себя, старца, и сказал крылатую реплику: «Неравный брак».

Настоящая дружба связывала старейшего журналиста Назаровского с художником. Эту голову для портрета Евгений Николаевич написал на даче — в маленькой избушке Бориса Никандровича на Сылве. Местечко овеяно славной легендой: дачу посещал Аркадий Гайдар, то были годы двух деятельных, молодых журналистов областной газеты в Перми.

Интересна биография портрета Нади Павловой. Художника окрылил успех юной балерины, и Евгений Николаевич начал большой живописный холст. Балерина в полете, она освещена игрой прожекторных лучей. Внизу, по замыслу автора, должны быть руки, взметнувшиеся вверх. Это — руки почитателей балета, руки, поднявшие Надю на ступень славы, они же должны подержать ее, быть бережливыми.

Весь холст был прописан красками, найдено движение счастливого полета и сходство балерины, работа, казалось, шла к концу. Евгений Николаевич советовался, какую заказать раму. Судя по всему, он был удовлетворен. Но творческие сомнения автора нам неведомы. Он снова стал посещать хореографическое училище, наблюдал Надю. И художник уловил характерный миг, который стал ключом к другому, непривычному решению портрета балерины — без движения в танце. И сразу же тот большой и почти законченный живописно-декоративный холст был повернут к стене.

Одухотворенный новым решением, Евгений Николаевич работал быстро и в то же время с большими придирками — выверяя каждую частицу холста. Казалось, такому второстепенному атрибуту, как лейка для поливки пола, и то долго искал место, передвигая ее по холсту. Но основ-

ное и самое главное — решение образа юной Нади Павловой! «Никто, пожалуй, меня так долго не мучил, как этот маленький вундеркинд», — признавался художник.

Портрет заканчивался в канун открытия четвертой зональной выставки «Урал социалистический» в 1974 году в Уфе. Автор не успел сделать раму и отправил ее в простой деревянной обложке. Но это нисколько не помешало высокой оценке и признанию произведения на уральской и всесоюзной выставках в Москве, на других выставках. Портрет репродуцировался в нашей и зарубежной печати, Надя послала, образно говоря, приветы Евгению Николаевичу со страниц разных изданий и журналов.

Портрет писателя Виктора Астафьева занимает особое место в жизни и творчестве Широкова. Разными путями пришли художник и пи-

сатель в искусство. Один — через студию учебных заведений, другой — через войну и госпитали рядовым солдатом-окопником. Мирная волна прибила Виктора Астафьева в прикамский город Чусовой, где он начал осваивать писательскую школу своим нелегким путем. Поднимал тему войны, писал о Сибири, о родном селе Овсянке, рассказывал о бабушке Катерине Петровне, скрасившей его сиротское детство.

Кряжистый сибиряк на портрете Евгения Николаевича вдумчиво и крепко усиделся за работой. Позабыв о дымящей сигарете, он вчитывается в рукописные страницы, когда, как говорят, автор сам себе строгий судья.

«И брела она по дикому полю, непаханому, нехоженному, косы не знавшему. В сандалие ее сыпались семена трав и колючки цеплялись...» — святая россиянка идет по земле.

Именно главы из рукописи «Пастух и пастушка» читал тогда Астафьев Евгению Николаевичу, пока писались этюды к портрету в мастерской художника.

Едва ли Виктор Петрович работает так вот, невзначай, примостившись на табуретках. Он рассказывал, что с трудом привыкал к полированному столу, подаренному в пятидесятые годы. Старый, поцарапанный и забрызганный чернилами — ребята учили уроки на нем — как-то был ловчее. Но дело не в прямой достоверности. Главное — убедительная достоверная трактовка образа, крепкая лепка формы, голова и фигура — будто литые.

...Родился Широков в Каслях — знаменитом южноуральском городке, известном на весь мир художественным литьем из чугуна.

Отец Широкова, Николай Федорович, говорил, что пришел на завод к Демидушке, топил печи, выбился в слесаря — подгонял литые заслонки к печам-голландкам. Мать, Татьяна Афанасьевна, крестьянка из Сосновки, а отец с Острова — разные края Каслей. Семья матери рано лишилась отца, дом сгорел от молнии, и по сей день Татьяна Афанасьевна со страхом относится к непокорным явлениям природы...

Но не успело детство отлететь, как, в мирную жизнь ворвалась война. Вместо тетрадей и книг в мальчишеских руках тяжесть холодного металла войны. Женя Широков навинчивал стабилизаторы к минам, укладывал их в ящики, которые так тяжело было поднимать...

Трудно было взрослым и детям, посуровела природа вокруг Каслей. Вишневые горы зимой под снегом казались вымершими, но весной всеяли надежду, радовали цветущим вишняком, а в августе жители ведрами собирали дикие дары земли.

Как-то в минуту отдыха, выгля-

дывая из заводского окна, Женя увидел внизу тоненькую березку, прижавшуюся на каменном выступе к старой демидовской стене. Может быть, легкое крохотное семечко принесли сюда ветры с Вишневых гор или заронили птицы, но березка росла, держалась на выступе, словно девушка над пропастью, откинув зеленые косы по ветру. И вдруг какая-то необычная радость вспыхнула в душе мальчишки — захотелось рисовать! Ему вспомнилась партизанка Зоя, тоже как березка, только уютно-нувшая в снегу и не склоненная перед врагами...

А вскоре на заводе подумали и о том, что надо возрождать традиции, надо привлекать старых мастеров для передачи опыта молодым. Был издан приказ об организации мастерской. В закутке при одном цехе стали налаживать производство художественного литья. На эту, казалось бы, желаемую работу был переведен Женя Широков. Но по-мальчишески он был разочарован: ему хотелось, как все, помогать фронту — выпускать военную продукцию. Однако уже тогда, салютуя победам, понадобилось вручать полководцам или героям памятные сувениры, скажем, «Юдифь», отлитую из чугуна, «Ермака» или «Джигитовку». И подручный мастера Аникина Женя Широков стал очищать отливки от песка, срубал швы, подчеканивал, где не получалось, — осваивал трудное мастерство чеканщика.

С особой благодарностью и теплотой вспоминает он своего первого наставника в искусстве, художника-самородка Павла Степановича Аникина. Занимаясь лепкой, вечерами рисовал с классических отливок, мечтал стать скульптором и создавать новые художественные модели для родного завода.

Кончилась война, и люди стали залечивать раны: изранена земля, изранены души, одно лекарство для всех — радость встреч. Возвращались солдаты и в Касли, иные встречи западали в душу юному Жене Широкову. Его земляк Борис Волков учился в институте имени Репина, приезжал на каникулы и был кумиром ребят не только как художник, но и как один из участников войны — защитник Ханко. Героический гарнизон не сдался фашистам. Борис Волков с художником Прокоповым и поэтом Дудиным клеймили врагов злой и меткой сатирой, а когда нужно было, брали в руки автоматы.

Летние каникулы Волков проводил на каслинских озерах, на островах — писал этюды. Его складной мольберт, зонт, этюдник, краски, кисти — все было предметом несбыточной зависти.

Вдохновенный земляком, Женя поехал в 1947 году поступать в Свердловское художественное училище,

Женя Широков приехал поступать на скульптурное отделение, но такого не было. Невольные обстоятельства помогли ему найти себя в живописи. На оборотной стороне географической карты, за неимением бумаги, он написал тогда акварелью натюрморт и сдал другие вступительные экзамены.

Быстро промелькнули пять студенческих лет и еще шесть в Высшем художественно-промышленном училище имени Мухомовой в Ленинграде. Евгений Николаевич признавался, что годы учебы в Свердловске вспоминаются даже с большим волнением: начало осуществления мечты. Первые учителя... Герман Александрович Мелентьев, обходительный, добрый. Он всегда советовал любезно и наставительно: «Не забывайте вечерочком за чайком наброски делать». Федора Константиновна Шмелева, требовательного учителя, который выпускал курс, он вспоминает с особой благодарностью.

Руководителем в Ленинграде был Глеб Александрович Савинов. У него, большого мастера, в основном научился композиции, живописи, чувству современности. А образ русской женщины, опоэтизированный в творчестве Савинова, нашел как бы продолжение в картинах Широкова, когда он вернулся после Высшего училища на Урал.

В Перми Евгений Николаевич встретился и познакомился с Виктором Астафьевым. Вскоре писатель подарил ему свою книгу с пожеланием: «Пусть твою кисть не покидает мужество». А мужества любому художнику надо иметь много, а для Широкова это напутствие оказалось желанно-пророческим.

Усложняя свои поиски, Евгений Николаевич пришел к портрету-картине. «Баллада о художнике» — это рассказ в живописи об известном пейзажисте Евгении Гудине. Если автор почти стопроцентный домосед, то Гудин страстный путешественник. Творческая география его обширна: Северный Урал, Башкирия, Хакасия, Тува, Камчатка, Чукотка, Таймыр...

Вдохновляющим моментом было совместное путешествие Широкова с Гудиным по Каме и Волге. У них, однокашников по Свердловскому училищу, известных художников, было о чем поговорить, разместившись друг против друга в каюте. И вот тогда, как-то подсознательно наблюдая старшего товарища, успешшего еще и повоевать, Евгений Николаевич загорелся портретом-картинкой: землепроходца решил написать!

Внутренний вид вагончиков, где художник находил приют у нефтяников или геологов, Гудин описал словесно и нарисовал: себя «выдал» характерной позой — он любит лежать и рассказывать, как мы его видим на картине.

Евгений Гудин приезжал из

Свердловска с полным комплектом таежной экипировки, одевался и позировал Широкову. Оттого получился убедительный рассказ в живописи — эпическая баллада о художнике, когда он работал, может быть, где-то севернее Тюмени или на Ямале, а то и вовсе за тридевять земель — в заполярной тундре на Таймыре...

От одной работы к другой Широков переходит не сразу. «Ниточки находить, связывать их — настраиваться каждый раз надо», — услышишь иногда от него. Да и не всякая задумка бывает исполнена.

Как-то он вспоминал, что буквально преследовал Кабалева — наблюдал и делал наброски во время работы композитора с артистами оперного театра, когда репетировали «Реквием».

— Удивительный человек! — восхищается Евгений Николаевич. — кипучая энергия, многогранность деятельности: композитор, просветитель, многие годы наш депутат в Верховный Совет СССР... — Кабалева сам приезжал в Пермь. А когда художник задумал портрет Копеляна, то ездил в Ленинград, встречался с актером в то время, когда создавался фильм «Семнадцать мгновений весны». Копелян читал за кадром и признавался, что эта роль сложнее, чем участие в кадре. Выглядел он утомленным, но привлекал к себе колоритной внешностью, мужественным лицом, душевным обаянием и простотой в общении.

Путь к своим картинам Широков начинал с монументально-драматического полотна «Освобождение». Узники разных национальностей прошли через муки ада фашистских концлагерей, и счастливое освобождение каждый из них переживает по-разному. Огромное полотно занимало добрую половину мастерской, верхняя часть картины писалась с лесенки, живопись корпусная — большое наслоение красок, все это тяжело работало. Преодолевая ее, Широков совершенствовал мастерство, накапливал опыт.

В дальнейшем это помогло ему решить одну из сложных и актуальных в наше время тем — отразить образ вождя. Картина «В. И. Ленин на конгрессе Коминтерна» экспонировалась на зональной выставке в Челябинске, где получила высокую оценку прессы, а коллеги отмечали творческий рост и зрелость художника.

Творческая зрелость Евгения Николаевича вполне подтвердилась в создании картин, посвященных Великой Отечественной войне. Это не баталии, а тема народного мужества: «Хлеб — фронту», «Весна 1945 года», «Раздумье». Картины созданы в разные годы, но убеждают последовательностью рассказа, поэтому хочется объединить их без ведома и замысла автора в триптих.

«Хлеб — фронту». Женщина смотрит на нас и на дорогу со своими думами, с печалью, с надеждой — большая земля плывет ей навстречу, ласковое осеннее солнце светит в лицо. Художник назвал ее Аннушкой — это светлый образ русской женщины. И вся она в светлом, лишь иконно-коричневый загар лица под белым платком да незабудковый цвет пестрого платочка на головке ребенка. Аннушка по-мужски держит вожжи и правит одной рукой, второй прижимает ребенка, кормит его на ходу, уверенно восседая на мешках. За ее подводой идет вторая и третья — идет обоз с красным транспарантом: «Хлеб — фронту».

Покачивается, вздрагивает на нирках телега, медленно уплывают назад жухлые травы, черноземные борозды в стерне к верхнему срезу холста. Неба в картине нет, не отражается оно и в уставших глазах Аннушки — навстречу ей ползет дорога с избитыми колеями. По сторонам беззвучно трепещущими желтыми листочками — знакомый, родной южноуральский пейзаж.

За осенью наступали трудные зимы, весны сменялись веснами, пока не пришел победный май. Об этом второй рассказ художника — «Весна 1945 года».

Радость встречи! Каждому хочется прикоснуться к солдату, расслабиться душой — в клубок сплелись охваченные единым душевным порывом люди. Вздохи и сдавленное волнение: «Родненький! Вернулся... Как долго мы ждали... Как долго ты шел...»

На лицах радость и горе. Движения сдержанны: одних сковывает безнадежность ожидания, другие боятся спугнуть свое счастье. Головы и лица, как главки кижского собора, одно над другим. Самое верхнее — женщина в темном платке с запавшими в орбитах заплаканными глазами. На помрачневшем лице скованная радость. И как целомудренно-светло среди всех лиц лицо девушки, порхнувшей к солдату.

Среди других — улыбающаяся молодая женщина с поднятой рукой, она спешит обнять солдата. Задумывал ли художник какие-либо родственные отношения между ними, но по взволнованным чувствам, решительному движению женщины думается, что она сестра солдата. Самого близкого ему человека — мать — не сразу разглядишь. Сухонькая, легкая, цепко ухватилась она старческой рукой за сына и, почувствовав родную кровинку, ослабла, уткнувшись в плечо, и нет для нее больше никого ближе и дороже.

А за озером, натужным синей рябью ветреного дня, избы и дома, выглядывающие из-за бугров ждущими окнами. Кажется, что дома, куда не вернулись солдаты, таят

ожидание и оно именно в окнах, по стеклам которых иногда катятся капли дождя, как слезы. За озером одинокие женщины, должно быть, переставшие ждать своих, и потому они остановились, застыли на месте...

Виктор Астафьев рассказал об одной прикамской деревушке: «Было-то в Быковке домов не так уж много — шестнадцать. Горькая и странная арифметика постигла Быковку: с войны в нее не вернулось шестнадцать мужиков».

Жестокая правда войны драматически рассказана художником Широковым в живописи. Оптимистичное настроение картине придают сочные краски весеннего мая. Хотя неба и не видно, но оно отражается свежей синью в озере.

Прошли годы. Ветераны войны стали ветеранами труда. И третий рассказ художника об одном из таких ветеранов — картина «Раздумье». Это, несомненно, и раздумье Евгения Николаевича над жизнью, над творчеством.

Картины, объединенные рассказом в триптих, не соединились вместе. «Хлеб — фронту» в собрании Пермской галереи, «Раздумье» в художественной галерее города Чайковского, а «Весна 1945 года» была отправлена на выставку в Москву, посвященную 30-летию со Дня Победы, и не вернулась в Пермь.

Работы Евгения Николаевича Широкова отмечены премиями, медалями, дипломами. В 1973 году на Всесоюзной выставке портрета присуждена первая премия за портрет журналиста Б. Н. Назаровского. В 1976 году присуждена серебряная медаль ВДНХ за портрет Нади Павловой. В 1978 году присуждена премия Всесоюзного конкурса «Корчагинцы 70-х» за портрет Нади Павловой и картину «Весна 1945 года».

И вполне заслуженно Евгению Николаевичу Широкову присвоено почетное звание народного художника РСФСР. Поиски никогда не оставляют художника, он всегда мобилизован — всегда на работе.

ИРБИТСКИЙ ЖЕЗЛ МЕРКУРИЯ

**Василий
ЮДИН**

В Большой Советской Энциклопедии городу Ирбиту уделено всего 20 строк: 50 тысяч жителей, мотоциклетный, кирпичный, автоприцепный заводы, швейная фабрика, три техникума, драмтеатр, музей, картинная галерея. Районный центр, по мировым масштабам — рядовой, малозаметный город.

Между тем, в прошлом Ирбит занимал весьма видное положение среди уральских городов, и его известность простиралась на всю страну — от Белого моря до Тихого океана. О существовании где-то в России, у Каменного пояса, города Ирбита знали и во Франции, и в Китае, и в Бухаре...

Выдающееся значение Ирбита отразилось в его эмблеме. На гербах большинства уральских городов изображены соболь, куница, медведь, соляная шахта, домна, предметы металлургического производства. А в ирбитской эмблеме ничего, указывающего на его принадлежность к Уралу, нет. На ней изображены жезл Меркурия и сабля, положенные крест-накрест. Чем заслужил Ирбит такую эмблему?

В Древнем Риме Меркурий, подобно древнегреческому Гермесу, почитался как вестник богов и покровитель скотоводов. Затем он принял под свое покровительство путников и торговлю. И символом, эмблемой торговли стал жезл Меркурия — род посоха, обвитый двумя змеями и с крылатым оголовником. Змеи означали хитрость и пронырливость, а крылья подчеркивали быстроту и проворство. И в России, как и в других странах Европы, жезлом Меркурия в гербе отмечали известные торговые города.

На месте теперешнего Ирбита в 1631 году возникла слобода. Обосновали ее как пащенное поселение, облюбовав место при слиянии реки Ирбита с Ницей, которая в свою очередь неподалеку впадала в многоводную Туру, важную артерию Обского бассейна. Таким образом, новая слобода сразу же оказалась на оживленном перекрестке водных путей, которые связывали Россию с Сибирью и Азией.

Ирбитскую слободу, будто большой заезжий двор, никто не обходил стороной: шли охотники на про-

мысел в тайгу — просили ночлега, находили здесь приют рудознатцы и землепроходцы, останавливались переселенцы, которые ехали в поисках лучшей доли в далекую Сибирь. Купцы попервоначалу избрали Ирбитскую слободу местом хранения и перевалки товаров. А известно, где народ, там и торг. И стали устраиваться в Ирбите ярмарки. Вначале стихийно, по наплыву товаров и покупателей. Потом вошли в обычай, приобрели широкий размах... В 1643 году Ирбитская ярмарка была узаконена особым царским указом.

Вообще с середины XVII века постоянные ярмарки стали устраиваться во многих российских городах. Ирбитская была среди них не только одной из крупнейших — второй после Макарьевской под Нижним Новгородом, но и зачинной. Ярмарка в Ирбите открывалась первой — 25 января, и была самой продолжительной — пять недель длилась. Она устанавливала цены, выявляла спрос и предложение, как бы определяла торговую конъюнктуру на весь год. Вслед за ней с 1 марта начиналась Важская Благовещенская ярмарка на севере, 29 июня разворачивалось нижегородское торжище у стен Макарьевского монастыря, а с 15 августа открывалась Свенская ярмарка под Брянском. С нераспоряданными на Ирбитском торге товарами или с вырочкой купцы спешили на другую ярмарку, на третью... И на всех на них чувствовался тон, заданный в Ирбите.

Самый большой куш выпадал на долю сибирских купцов. К торжищу в Ирбите они готовились целый год, выменивали у якутов, тунгусов, бурятов, майси на муку и водку, на табак, швейные иглы, гребни и разные безделушки собольи, горностаевые и беличьи меха, оленьи кожи, изделия искусных косторезов. Мягкая рухлядь была главным товаром, к ней все и примеривалось.

В пору дятых сибирских морозов и непролазных снегов в Ирбит отовсюду съезжалось до 30 тысяч человек — втрое больше, чем было жителей в городе. И от множества и разнообразия товаров, которые продавались и оптом — гертом, и в розницу — штуками, рябило в глазах.

Из Европы через Архангельск привозили в Ирбит французские вина, тонкие сукна, сахар, кофе, пряности. Бухарские купцы предлагали ковры, шелк и бязь, как они называли тюки белой хлопчатобумажной ткани, традиционный кишмиш. В глаза бросалось обилие товаров китайского происхождения. Позже в большом выборе представлялась и продукция уральских заводов, железо всяких сортов — самое ходовое полосное, круглое, связанное, шинное, обручное, листовое аршинное — черное и луженое и различные изделия: лопы, багры, скобы, клинья, гири, якоря, цепи...

И все же среди этого обилия и разнообразия более полутора веков главенствующими товарами на Ирбитской ярмарке были пушнина и... чай. Как ни странно, но именно чай соперничал с пушниной.

Тут уместно вспомнить историю распространения чая в России. Впервые известие о чае привез в Москву сибирский казак-толмач Иван Петлин, побывавший в 1618 году с торговой миссией в Монголии и Китае. Там во время обеда, которым угощал русских гостей Алтын-хан, «пить в стол носили молоко коровье топленое, с маслом, а в нем листья неведомо какие». Спустя сорок лет в Пекине с посольской грамотой от царя Алексея Михайловича гостил боярский сын Федор Байков. Он и привез в Москву «траву чай» напоказ. А в 1663 году торговый человек Иван Перфильев закупил в Китае десять пудов «травы чаю», которой щедро потчевал любопытных, и скоро сбыв весь свой необычный товар.

К концу XVII века в сибирских таможенных книгах провоз чая стал упоминаться все чаще и чаще. К

этому следует заметить, что в Европе чай вошел в обиход значительно позже. В Голландии, по свидетельству аббата Рейналя, чай начали пить с 1680 года, а в Лондоне лишь в 1715 году.

На Ирбитской ярмарке во второй половине прошлого века пушнины ежегодно продавали на 2,6 миллиона рублей, а чая покупали на пять миллионов!

Самый большой — почти на 70 миллионов рублей — привоз товаров на ярмарку в Ирбите был в 1885 — последнем году ее славы. В том году была пущена в действие железная дорога от Екатеринбурга до Тюмени. Ирбит оказался в стороне от новых торговых путей, и значение здешней ярмарки резко и неудержимо пошло на убыль.

Вернемся к гербу Ирбита. В 1775 году Ирбитская слобода была преобразована в город, и уже в следующем году Ирбит получил герб. Его ярмарочную славу выразили на гербе жезлом Меркурия, однако жезлом не ограничились, а его скрестили с кривой саблей.

Вскоре после узаконения Ирбитской ярмарки было решено для ее безопасности построить острог. Сооружение крепости поручили сибирскому дворянину Михаилу Бибикову, впоследствии строителю одного из первых уральских заводов — Невьянского. И хотя гарнизон крепости состоял из местных ратников, под его защитой купцы безбоязненно устраивали свои лабазы и хранили товары. Так появилась в гербе сабля.

хмурился, подумал немного: — А сам кто будешь?

— Котельнического уезда крестьянин Захар Степанов сын Бобров.

— Ну хорошо, ступай. А находку твою мы в музей передадим, пускай там разбираются.

Так или не совсем так проходил этот разговор, — неизвестно, но факт остается фактом: в 1872 году Вятский публичный музей пополнился еще одним экспонатом — кладовым памятником времен Крестьянской войны 1773—1775 годов. И сегодня посетители Кировского областного краеведческого музея подолгу рассматривают этот экспонат, с которым связана интересная и загадочная история...

Камень имеет форму отбоченной шестигранной плиты длиной 15,5 сантиметра, шириной 9,4 сантиметра, толщиной 5,9 сантиметра. На всех шести сторонах вырезан текст. Воспроизводим его построчно, придерживаясь подлинника в орфографии.

НА ЛИЦЕВОЙ СТОРОНЕ:

сей камень заветный
кладеная сия покла
жа сибирскимъ пуга
чевскимъ воинами
28 человеками да
итая попети ру
блей а поклажи
серебром 44

сей поклажи зла
тою казною черв
оною монетою
56 тысяч каж
дой червоной щ
тысячи монет
ами каждой
монет считае

НА ПРАВОЙ БОКОВОЙ СТОРОНЕ:

порублю
до хто сей
камень ще
сливой рабъ
найдет тотъ
и казну
нашу возме
тъ дахто на

шъ заветъ
исправить
тотъ и казн
у нашу ра
зделит на
шу казну в
озмите ипо
сѣбе делите

НА ОБРАТНОЙ СТОРОНЕ:

другъ друга необ
ите есаул макар
овъ атаманомъ
сухопаровымъ
нами завещено та
ко новместо на
шей казны поло

жите по завету
нашему 30 арш
инъ тонкого хо
лста да на каж
дой полуаршин
ь потри монет
та да черного

НА ЛЕВОЙ БОКОВОЙ СТОРОНЕ:

петуха
надсимъ
холстомъ
иденгами
стануть
стоять стр
орожа ст
очные годъ

но найдению
нашей пок
лажи въ ту
яму положа
ите исправ
най и заветъ
а по найден

СЕЙ КАМЕНЬ ЗАВЕТНЫЙ

**Валерий
ПОНОМАРЕВ**

Вятский губернатор Чарыков с недоумением вертел в руках средних размеров опочный камень, весь изрезанный какими-то знаками.

— Дозвольте объяснить, ваше превосходительство, камень этот не простой, заветный, на клад положенный.

— На какой клад? Кем положенный?

— Пугачевскими разбойниками, — человек, принесший камень, понизил голос. — Бунтовщики клад закопали, а сверху этот камень положили.

— Бунтовщики! — губернатор на-

НА ВЕРХНЕЙ ПЛОЩАДКЕ:

ию сего камня ищи управлять съ
одговорщика а одгово наши
рщик знегъ знегъ мь со состорожам

НА НИЖНЕЙ ПЛОЩАДКЕ:

слушатся одго 1774 года
ворщика кладе мая 4 числа
ная поклажа

Кто же такой был Бобров и как, спустя сотню лет после Крестьянской войны, попал к нему камень? Сын крестьянина Котельничского уезда Захар Степанович с детства отличался любовью к природе, огромной любознательностью. Закончив только сельское училище, пылкий юноша самостоятельно изучал многие науки, особенно любил химию и механику. Он постоянно что-нибудь изобретал, совершенствовал. На губернской этнографической выставке в Вятке экспонировались его белые свечи из березового дегтя, писчая бумага из соломы и прочие изобретения. Сельчане не видели никакой пользы в подобных занятиях, но ценили Боброва как хорошего лекаря, лечившего исключительно травами. Далеко за пределами уезда шла о нем молва как о колдуне, умеющем отчитывать клады, то есть его принимали за отговорщика (как раз о таком отговорщике и писали пугачевцы). Сам Захар Степанович к этому своему умению относился скептически и как-то сознался, что читает шепотом «Отче наш», а не какие-то особые слова, необходимые для удачного поиска кладов.

Сколько кладов было найдено с помощью Боброва — неизвестно, но обращались к нему нередко. Однажды приехал крестьянин из Глазовского уезда, показал камень и просил приехать отчитать клад. Необходимый холст якобы уже приготовлен и кормят трех черных петухов.

Бобров принял самое деятельное участие в выяснении всех подробностей. Он опрашивал крестьян, записывал слухи, предания, связанные с этой историей.

Выяснилось, что камень был найден примерно в 50-е годы XIX века жителями деревни Политенки, что близ села Верхосвятыцкого Глазовского уезда Вятской губернии (в настоящее время — Фаленский район Кировской области). Неграмотная

женщина передала его священнику, не указав место находки, сама же вскоре отправилась на богомолье и умерла в пути. Сын священника, не зная, где искать сокровища, выбросил камень на двор, оттуда ребяташки перебросили его на усадьбу дьякона. Тот, очевидно, прослышавший о кладовских способностях Боброва, послал к нему в Котельнич крестьянина.

Остальное нам известно. Камень оказался в музее, судьба же кладовая неясна до сих пор. Никаких сведений или слухов о крупных денежных находках в этих местах не было. Повстанцы могли сами выкопать свои сокровища в удобное время, а может быть, никакого кладов и вовсе не было. Хотя трудно представить, что ради

шутки атаманы стали бы утруждать себя вырезанием слов на камне...

Еще одна неясность. Как известно, в начале мая 1774 года, когда был закопан клад, Пугачев с основной армией находился далеко от Глазовского уезда — на Южном Урале, под крепостью Магнитной. Стало быть, интересующий нас сибирский отряд в нее не входил. Возможно, это была самостоятельная боевая единица, действовавшая на Среднем Урале. Спасаясь от преследования правительственных войск, воины могли уйти на запад и оказаться в Глазовском уезде...

Вечером

Рустам
ВАЛЕЕВ

Рисунки
Н. Мооса

В ИСПАНСКОМ ДОМЕ

Повесть

4

Почему Марсель так легко согласился на предложение моей матери? Ведь, собственно, победа уже была за ним — им с Динкой оставалось только выбрать ночь потемней и бежать. Стало быть, добиваясь Динки, он выбрал путь полегче?

Словом, пока что он обретался у дяди Заки и, по словам моей мамы, старательно приобщался к портняжному ремеслу. Свой домик он заколотил и к нам тоже не являлся.

Окончание. Начало см. в № 11.

А мама, разделавшись со своими заботами, то есть уверившись окончательно, что дышащий на ладан дедушка не женится, а Динка попридержит прыть и не выскочит замуж, собралась в Оренбург. Ее подруга, с которой они когда-то учились в техникуме, настойчиво ее звала.

Она уехала в Оренбург, а через два дня выехала туда телеграммой Динку. Они пробыли там неделю и вернулись взбодренные, посвежевшие и как-то загадочно поглупевшие. Никогда прежде не выезжавшая за пределы города, Динка точно ошалела от счастья и непрерывно хихикала. В день их приезда явился дядя Заки.

— Почему вы решили, что ему нравится быть портным? — спросил он маму.

Мама спокойно пожала плечами:

— Я думала, что это ремесло ничем не хуже другого.

— Он ушел от меня.

— Ушел? — Глаза у мамы заблестели. — Куда он ушел?

— Я думал, куда он мог уйти, если не к вам.

Тут некстати хихикнула Динка:

— Как это глупо, современный юноша — и вдруг портной.

Дядя Заки обиделся:

— В конце концов, это не я придумал. Ведь не мне же пришлось в голову поскорей отделаться от парня.

И тут меня как осенило: да ведь мама решила просто сбить Марселя с рук и беспардонно перепоручила своему брату, что в свою очередь серьезно повредило их новым отношениям, которые искренно и пылко старалась наладить моя мама.

Дядя Заки молча поднялся и направился к двери. На пороге он обернулся.

— Не надо играть судьбой человека, сестра.

Мама подбежала к нему и, взяв его за руку, вернула к столу.

— Пожалуй, я поступила опрометчиво. Господи, когда у тебя трое почти взрослых детей... у меня голова кругом! Представь себе — надеюсь, ты не будешь об этом рассказывать каждому прохожему, — моя дуреха заладила: выхожу замуж. За Марселя! И тот, и другой без образования, без профессии. Разве монтер это профессия? Видит бог, я не хотела от него избавляться. Наоборот, я хотела его приблизить к нам.

Вот еще один поворот ее извивистого умствования: стало быть, когда он жил у нас, когда наши поили-кормили его и каждый старался вразумить мальчугана, он все-таки оставался для нас чужим. И не просто чужим, а еще как бы ниже сортом, не таким благородным, что ли, как того хотелось бы моей маме. Этого, конечно, и Марсель не сразу понял, а поняв, я думаю, решил дать деру. Но где он сейчас? В домик-то свой он не вернется.

— Он что-нибудь сотворит, — сказала мама. — Ты! — она больно ткнула в меня пальцем. — Ты не смей далеко уходить. Ах, что я говорю! А если он подождет наш дом? Нет, я говорю ерунду...

Дедушка слабо подал голос:

— Он, небось, прослышал, что Дина приехала. Стало быть, явится.

Динка капризно крутанула задиком, но ничего не сказала. Ее глупые глаза шурились, блуждали отрешенно: она все еще смаковала первую свою поездку. Боюсь, в этот момент Марсель интересовал ее лишь в меру ее самолюбивого воображения — ведь в конце концов весь этот сыр-бор разгорелся из-за нее. На маму временами, и очень кстати, вдруг находило просветление. Вот и сейчас она возмущилась кривляньем моей сестры и крикнула:

— А ну!.. Убирайся отсюда, по крайней мере, не улыбайся так отвратительно.

Точно теперь только заметив меня, обняла и повернула к дяде Заки.

— Вот мой самый славный малыш.

Дядя Заки отходчиво ухмыльнулся, поерошил мои волосы.

— Да уж точно, малыш хоть куда.

— Мы вдвоем как-нибудь приедем к вам в гости.

— Будем рады, — сказал дядя Заки. Прощаясь, он смущенно проговорил: — Если Марсель вдруг заявится, я не стану его прогонять.

Мама кивнула и, не выпуская моих плеч, увела в горницу.

— Ну, — сказала она весело, — рассказывай, как тут без меня жили.

— Хорошо.

— Скучал небось?

— Да.

— Я тебя хотела взять, но пришлось бы отрываться от занятий. Впрочем, хорошо, что с Динкой. По крайней мере, она увидела, что на этом сорванце свет клином не сошелся.

— Она влюбилась?

— Дай-то бог! — Мама засмеялась. — Племянник Галии милый юноша. Да, что я хотела тебе показать! — Порывшись в сумочке, она извлекла две фотографии. — Только поосторожней.

— Это были очень старые фотографии. Я увидел моего юного отца с двумя такими же юными товарищами. Они были в гимнастерках, галифе и сапогах, с портупеей через плечо. На второй фотографии он был один рядом с тоненьким деревцем; день, видать, был яркий, и деревце рисовалось ясно, а черты отца — немного нечетко.

— На комсомольском субботнике, — сказала мама. — Мы сажали деревья в сквере Красногвардейцев.

— Правда! Вон и обелиск. Мама, ох ты и молодец! Я возьму их себе. Динка всегда все теряет.

Мама обняла меня, больно прижала к груди и всплакнула.

— Боже мой, тому уже двадцать четыре года... А будто вчера. Как рано его не стало! О, какие у нас были планы—объездить всю страну, прочитать уйму книг, посетить лучшие театры...

Я сидел, прижавшись к ней, и боялся дышать. Мне казалось, что только я знаю маму такой умной, такой возвышенной и добросердечной. Ее печальная и ласковая речь нежно меня пеленала, и я признался:

— И мы с Аминой... ты слышишь, мама?— и мы тоже мечтаем о путешествиях, и много будем читать, и ходить в театры, а я обязательно поступлю в военно-воздушную академию.

— Бедная Амина,— проговорила мама.— Ей так немного осталось жить.

— Мама, что ты говоришь!..

— У бедной девочки врожденный порок сердца. А сейчас у нее критический возраст. Марва собирается везти ее в клинику, да вряд ли соберется...— Она крепко притиснула меня к груди, я чуть не задохнулся...— Береги себя, моя детка, ты очень слабенький... не дай бог пережить своих детей!— Ее слезы обожгли мое лицо, но обожгли как студеной дождь. Я напрягся— она раззяла руки. Отодвинувшись, я глянул на ее лицо. Оно было молитвенно замкнуто, и губы ее что-то мягко бормотали.

Прошла неделя. Сентябрь истек. Наступало время пыльных бурь, а там—непроглядных дождей и студеной слякоти. Я прилег после обеда, но сон мой прервала Динка. Спросонья ругнув мою сестру, я повернулся на другой бок. Динка перекатила меня обратно и тут же сунула почти в лицо мне конверт.

— Тс-с-с!— Она поднесла палец к губам, смеющимся и дрожащим.— Ты не знаешь, где город Кособроды?

— Нету такого города,— сказал я.— Это, наверно, деревня.

— А ты не знаешь, где эта деревня?

— Нет,— сказал я и взял конверт. Письмо было от Марселя.

— Он пишет, что нам надо увидеться двадцать третьего числа в испанском доме. Но время... двенадцать часов ночи.

— Он подшутил над тобой.

— Нет, нет! Ты его не знаешь.

Сейчас было четыре часа пополудни. На мостовой пыль закручивалась в мелкие смерчи, плескала в окна, сухой, черствый шорох порождал смутное чувство неуют и тревоги. Динка ходила по комнате, прижав стиснутые кулачки к подбородку, и заклинала себя:

— Я должна его увидеть, я должна его увидеть, я должна... Он придет ровно в двенадцать

часов.— Тут она остановилась и посмотрела на меня.— А что, если в двенадцать его не будет? Не успеет, что-нибудь случится в дороге?... Вот что— мы пойдем вместе!

— Я позову Амину!

— Вот уж ни к чему. Слишком поздно. Да и ты— только проводишь меня, а там уйдешь.

В пять часов деревья стали терять контуры, обвешиваясь лохмотьями желтой пыли; такие же лохмотья пытались захлестнуться на телеграфных проводах и теребили обветшалые ставни. Заполотно кудахтали куры и кричала моя мама:

— Дети, закройте ставни! Где Галей? Никто не видал Галея?

Динка погрозила мне кулаком:

— Смотри, не проговорись!— И побежала закрывать ставни.

Комната качнулась и тихо поплыла в потемках. В дверном проеме показалась мама и стала приближаться робкими слепыми шагами.

— Я здесь,— проговорил я, чего-то пугаясь.

— Я вижу.— Мы сели вместе на диван.— Я боюсь этих бурь,— сказала мама.— Ох, какой пожар был в позапрошлом году, сгорело полквартиры. Слышишь, как гремит на крыше?

В соседней комнате стонала Динка: ее ушибло ставнем. Но к нам она не шла.

Я закрывал глаза и видел, как пыльная лава накатывается на наш дом и острые углы его разбивают стихию в прах. Несокрушимость дома вызывала во мне спокойное и горделивое чувство. Затем хлынул ливень. В щели ставней сверкала молния. Мама шептала что-то старательно и внятно, но слова были непонятны и внушали страх.

— Мама,— крикнул я,— ты что... ты молишься?!

— Замолчи, дрянная такая!— крикнула она.— Что за напасть. Что за дети... грешу в такой час.— Дотянулась до меня и рывком привлекла к себе.— Ну, обидела я тебя? Мальчик мой, прости...— Она гладила мои волосы, крепко нажимая всю ладонью. Ее ласки в первую минуту бывали иступленны, затем сменялись спокойной нежностью. Тогда я прощал ей все и мучился сознанием, что никогда не сумею отплатить ей такой же нежностью.

— Я что-то знаю,— проговорил я со сладким чувством самоотдачи, самоотречения.

Мой взволнованный голос, видать, пробудил в ней чуткость. Она поцеловала меня и потребовала:

— Ну, говори!

— Сегодня в двенадцать часов он будет ее ждать.

Она пыливо, холодно на меня поглядела и уточнила:

— В двенадцать ночи?

Мне вдруг стало страшно.

— Может быть, мама, не ночи.

— Нет,— спокойно возразила она,— в двенадцать ночи.

Она легонько оттолкнула меня и поднялась. В этот момент гром ударил особенно сильно, застонали ставни и задребезжали стекла. Но мама подошла к окну, толкнула створки, створки двинули ставни, и холодный мокрый ветер ворвался в комнату. Белое кипение ливня осветило сумраки жилища. Мама шурилась на эту свистопляску стихии, и в лице ее не было ни страха, ни сомнения. Я бы назвал ее лицо прекрасным, когда б не знал, чем вызвано ее воодушевление.

— А дедушка не изменяет себе,— проговорила она с улыбкой и позвала меня к окну.

Дедушка, как всегда в грозу, ходил по двору: убирал позабытую на изгороди одежду, придвигал бочки к водосточным желобам, да и вообще, видать, получал удовольствие от хождения босиком в желтых потоках дождя.

Ливень стихал, сменяясь шелестящим дождем. Тяжелые, бокастые тучи вперевалку уходили за реку, в степь.

Опьяненный свежестью, я заснул и, пока спал, все слышал шелест дождя. Когда очнулся, были сумерки, в окне белел дождь, в приоткрытую дверь из кухни шел свет, оттуда пахло самоварным дымком и свежим настоем чая. Я ощутил мгновенный голод и поспешил на кухню. Посредине стола широко стояла сковорода с яичницей, свежие пшеничные ломти наполняли хлебницу, в чашках густо белела сметана. Мама аппетитно макала хлеб в сметану, и лицо у нее смеялось. Теперь она выпекала хлебы ничуть не хуже, чем бабушка, и сметана у нее получалась тоже очень хорошая.

— А, соня,— сказала мама,— садись, я налью тебе чаю.— И опять лицо ее смеялось. Она ничем не выдавала нашу с нею тайну, и эта маскировка немного пугала меня.

Дождь затихал, но небо между тем все черней набухало — тучи, широко разворачиваясь, шли опять. Спать легли раньше обычного. Галей хныкал, он порезал ногу о стекло, и мама, смеясь, мазала ему ранку йодом, перевязывала. Когда она приблизилась к моей постели, я притворился спящим. Но близость ее лица вызвала у меня улыбку.

— Спи, спи,— сказала она,— под дождь хорошо спится.— И ушла.

Я лежал, воображая, как тихонько, так, что никто не услышит, поднимусь и разбуду Динку. А если она откажется пойти, то пойду один. Убаюканной этой отрадной мыслью, я в ту же минуту уснул. Я не слышал, как Динка проникла в комнату. В потемках ее рука сунулась мне прямо в лицо. Охнув, я сел, и она шепнула вспугнуто:

— Тиш-шел!

Мы вышли в переднюю и замерли, прислушиваясь к спящей, дышащей темноте жилища. Динка подтолкнула меня в спину — мы оказались в сених, а там — на студеном склизком крыльце, где нас охватывало пронизывающей сыростью. На крыше сновала, на крышах соседних домов в тяжелой дреме лежали тучи. Где-то за городом сверкали молнии и покашливал гром. Из предосторожности мы пошли не в калитку, а пошли огородами к лазу. И напрасно, только вывозились в грязи. Мама наверняка спала крепко, да если бы и проснулась, не посмела бы нас остановить.

В переулке было хоть глаз выколи, но за углом, вдоль всего сквера, дымясь в испарениях, горели фонари. Сквер никогда не пугал меня, в моих глазах он был созданием и принадлежностью честных и смелых, и всякая нечисть должна была его избегать.

По кирпичам, поставленным лесенкой, мы поднялись к дверной раме дома и глянули в него. Ветерок прешелестел и сыпанул нам в лицо теплым залежавшимся в углу воздухом. Присутствие в доме человека мы ощутили сразу же, Динка позвала громким шепотом:

— Марсель!..

И он поднялся нам навстречу. Динка сжала мою руку, потянула меня вперед.

— А, и ты здесь, — хрипло сказал Марсель и коснулся моего плеча. Через рубашку я ощутил его горячую ладонь. — Сядем, — сказал он, — сядем. Здесь холод собачий.

Мы сели, прижавшись к нему с обеих сторон. Динка сказала:

— Ты напугал меня своим письмом. Где эти Кособроды? Что ты там делаешь?

— Живу, — он засмеялся, затрясся, от него так и несло жаром. — Там наша механизированная колонна... мы тянем линию электропередачи в целинный совхоз. У меня и жилье свое — вагончик.

Дядя Риза работал в передвижной колонне электромонтажников и вечно мотался по степи. Понятно, он пристроил Марселя. Зависть к Марселю рождала во мне неприязнь, я враждебно затаил и отодвинулся от него.

— Я рассчитал точно, — говорил между тем Марсель, — я даже раньше пришел...

— Но почему, почему именно сегодня? Почему в двенадцать часов? — Динка, по-моему, искренне недоумевала.

— Я думал, раньше не успеем, — ответил он. — Но я был здесь уже в одиннадцать.

Динка молчала. Наконец она проговорила:

— Марсель, я не могу с тобой поехать.

Он ничего не ответил.

Динка зашевелилась, ее руки задели меня. Она обнимала Марселя и прижимала его к себе.

— Ужасный холод, — бормотал Марсель. — А тебе не холодно, малыш?

Я хотел ответить, чтобы он не беспокоился за меня, но слова замерли у меня на губах: в дверном проеме я увидел фигуру моей матери. Трудно было узнать ее сразу, но вероятность ее появления, видать, уже давно готовила меня ко всякой неожиданности. Мое напряженное молчание задело и Динку с Марселем. Медленно, оцепенело они стали подниматься.

— Дети, не пугайтесь, — услышал я спокойный голос матери.

Удивительно, с каким хладнокровием, а главное, с умом вела себя мама. Ведь каждое неостатки оброненное слово, каждый суетный жест могли обернуться скандалом. Но все произошло спокойно, что, впрочем, объясняется и болезненным состоянием Марселя. Он, я думаю, плохо соображал, когда его под руки вели Динка и мама. Он молчал всю дорогу, но когда ступил в освещенную комнату, его затрясло от смеха.

Его положили на Динкину кровать, и он все порывался встать, но сестра моя налегла, прижала его к постели и, плача, стала целовать. Мама тем временем ставила самовар и шйкала на проснувшегося дедушку. Когда Марселю принесли чай, малиновое варенье, аспирин, он послушно сел. С обреченным видом он глотал таблетки, пил чай, затем позволил себя укутать и закрыл глаза. Он заснул, а мы еще сидели у жаркого его изголовья, как вдруг послышался звук автомобиля, и в наши ворота застучали. Когда мама отворила окно, мы услышали голос дяди Ризы.

— Иди же отпирай! — прошипела Динка, и мама побежала.

Дядя Риза вошел в комнату и на цыпочках приблизился к постели своего подопечного. Он долго глядывался в его лицо и наконец проговорил:

— Ну, слава богу! Теперь я могу не беспокоиться.

Мама увела его пить чай, через минуту и я последовал за ними, а Динка осталась с Марселем. Дядя Риза рассказывал, что они собирались вместе, но он провозился, чиня машину. Марсель не стал ждать и отправился пешком: боялся, что дорогу развезет и они застрянут. «А мне обязательно, обязательно надо быть в городе! — повторял он. — Меня будут ждать!»

— А что, — осторожно спросил дядя Риза, — ему действительно было очень нужно? — он пылливо смотрел на маму.

— Очень, очень нужно! — с наигранным пылом ответила мама. — Боже мой, они дают друг другу жуткие клятвы, пускают из пальца кровь, едят землю — и клянутся: ровно в полночь, в грозу и в бурю!..

— Но так делают дети.

— В них еще много детского. Я и сама до восемнадцати лет не могла расстаться с куклами. Да, я все болтаю... как поживает Марва?

— Она жива,— ответил он,— здорова. Об остальном не берусь судить. Во всяком случае харисовы мальчишки, которых она пожалела, живут не тужат. Моя мама...— Он грустно усмехнулся, помахивая перед глазами ладонью.— У моей мамы непутевый сын, непутевый; неустроенный... как бы я хотел купить домик и пожить с матерью. Боюсь— куплю я домик, а будет уже поздно. И Амина вырастет— и тоже будет поздно. Ну!— спохваченно воскликнул он.— Как там наш сынок, спит?

Они направились в комнату, я опять ползлелся за ними. Но Динка стала в дверях.

— Ступай спать,— сказала она.— Я и сама с ног валюсь. Они посидят возле него.

Я ушел к себе и заснул тотчас же. Сквозь сон я слышал звук автомобиля. Кажется, светало, и дядя Риза уезжал в свои Кособроды.

Марсель плашмя лежал три дня, но и на четвертый день, когда поднялся, он был еще очень слаб. Он смотрел на окна с закрытыми ставнями, и глаза его были тоскливы, как будто его заперли и не хотят выпускать.

Мама видела, как он слаб, что ему теперь не до серьезных разговоров, и все же она поговорила с ним. Кто знает, может быть, она хотела захватить его врасплох, взять, что называется, голыми руками, пока он болен и воля его слаба.

— Вот что, мой друг,— сказала она тоном учительницы,— этот дом— твой дом. И если вы с Диной что-то надумали, я не стану возражать, хотя любая другая мать высказала бы необходимую в таком случае строгость. Но я не строга, видит бог. Что же ты молчишь?

Он усмехнулся:

— Но ведь вы еще что-то хотите сказать?

— Да, я хочу еще что-то сказать. Ты должен вернуться...

Он молча покачал головой.

— Ты должен вернуться, жить у нас и учиться. Ты должен учиться, чтобы... чтобы реализовать заложенные в тебе способности. Поступишь хотя бы в веттехникум.

— Я не хочу коровам хвосты крутить.

Мама потупилась.

— Может быть, в среде твоих приятелей этокое и сходит за остроумие, но мне...

— Нет, тетя Асма,— сказал он серьезно, грустно и как бы увещевая ее не делать глупости.— Мне там нравится. Нынче я буду сдавать за восьмой и девятый, ведь я учусь заочно. Там остается еще год. И я поступлю в политехнический.

— Сейчас везде ужасные конкурсы...

Он опять усмехнулся, и усмешку его можно было бы назвать дьявольской.

— Конкурс— значит, кто-то должен сдать

лучше, только и всего. Ведь вы тоже... тоже придумали мне конкурс. Правда, я не вижу, с кем я должен состязаться. И в чем состязаться... Вот какая штука.

Он молча вышел из комнаты. Потом вернулся, чтобы взять сигареты. Мама крикнула:

— Уходи же побыстрее!

Динка сказала:

— Он придет еще, вот увидишь.

— Так прямо и разбежится,— ответил я.

— Ты же не знаешь его, ведь не знаешь? Он обязательно, обязательно придет!

— А если нет, то поедешь ты?

Динка сказала тоном учительницы:

— Зачем же поеду я, если он обязательно, обязательно придет?

5

А я, представьте, через год пошел в веттехникум. Мама советовала подождать еще год, получить аттестат зрелости и сдавать в институт, тоже ветеринарный, но я не послушался ее. Мне очень важно было— не послушаться ее.

Тем летом я сделал, пожалуй, первый самостоятельный шаг. Тем летом, тоже впервые, познал я чувство потери.

Смерть бабушки напугала меня и только, когда погиб отец, я был слишком мал. Теперь же, со смертью Амины, я плакал с такою болью, как будто из меня уходила жизнь.

Когда силы мои иссякли, а воля ослабла, ко мне вошла моя мама и сказала:

— Возьми себя в руки. Ведь ты не маленький.

— Я маленький,— сказал я.— Это ты не даешь мне вырасти, это ты оставляешь меня маленьким. И всех нас, да, да, всех нас!..

— Какую чушь ты несешь. Ведь и ты знал, и все знали, что это рано или поздно случится. Что поделаешь, судьба.

— Нет никакой судьбы, нет никакого бога!— крикнул я.— Я никогда не верил, и дядя Риза не верил, а ты верила... потому что ты гадкая, тебе нравится всех хоронить...

Она шагнула ко мне и хладнокровно вlepила мне звонкую пощечину. Странно, я успокоился— возможно, именно на это рассчитывала моя мама.

— Если ты будешь так плакать на похоронах,— сказала она,— это может повредить Марве. Имей в виду, она беременна.

— Может быть, и сама она не будет плакать?

— Этого я знать не могу. Я только знаю, что к ударам судьбы надо относиться мужественно.

— Как, например, Динка.

— При чем тут Дина?— Она искренне удивилась и смотрела мне прямо в глаза.— Ну при чем тут Дина?

— Она мужественно переносит свое горе. Ведь Марсель никогда на ней не женится.

Мама надавила на мои плечи и посадила меня на диван. Потом она села сама.

— Ты полагаешь, она все еще не забыла его? — Нет.

Она вздохнула и произнесла фразу, которую часто повторяла:

— Наш дом всегда был открыт для него.

— Наш дом всегда был закрыт для него, — сказал я. — Марсель всегда был для вас человеком похуже, чем все вы. Но потом вы решили его поскоблить, почистить и только потом впустить к себе. А он плевал!.. И хорошо сделал, что ушел. Я тоже уйду.

— Уходи, — сказала она, — уходи. Я, между прочим, никогда не надеялась удержать тебя. Я уже говорила тебе об этом. Ты уходи, а мы останемся.

Когда мы с нею, примиренные, почти забывшие недавнюю стычку, держась за руки, шли на похороны, меня вдруг поразила одна мысль. А ведь я в последнее время редко виделся с Аминой, хотя и любил ее и, кажется, ни на минуту не забывал об ее существовании. Но связывал я с нею не настоящую минуту, не день, не утро и вечер, не нынешние житейские заботы — а только будущее. Какое будущее? Что в нем я видел? Пыльный жаркий вокзал и нас вдвоем на этом вокзале, мы куда-то уезжаем, затем — нашу жизнь в Москве или Казани, жизнь какую-то воздушную, серебряную, как туман над водами, лишенную твердых, реальных примет... Я был уже в том возрасте, когда меняется не только настоящая твоя жизнь, но и представления о будущем. Но кто знал, что так все переменится!..

— А мы не опаздываем? — спросил я маму.

— Нет, нет, — сказала она и поправила мой галстук.

Я впервые в жизни надел галстук, точнее, надела его на меня мама, мельком сказав: «Это папин галстук», — и так легко сломила мое сопротивление. Но зачем нужен был галстук, этот черный шелковый галстук, в такой день, я не понимал. Затем она извлекла из нижнего ящика комода мои новые штiblеты, купленные два года назад и оказавшиеся великоватыми. «В самую пору, — обрадовалась мама, — ты растешь не по дням, а по часам...»

— Там будут Ишкаевы, — говорила мама, не выпуская моей руки, — будут Цехановские... надеюсь, ты догадаешься поздороваться, прежде чем я толкну тебя в бок.

— Мне сморкаться не во что.

— Как, я не дала тебе платок?

— Он шелковый. Как в него сморкаться?

— Ведь нарочно, нарочно ты меня дразнишь! — Она крепко дернула мою руку и вдруг всхлинула.

Еще издали я увидел, как из подъезда выносят носилки с зеленым трепещущим балдахином.

— Мы опоздали, — сказал я и вырвал свою руку из цепкой ее ладони.

— Но ведь только еще выносят!..

Опоздал, опоздал и не увижу ее затихшего лица! Я шел в стороне от мамы и злорадно поглядывал на нее: ведь она хотела предстать перед Ишкаевыми и Цехановскими с пай-мальчиком, у которого из нагрудного кармашка френчика торчит надушенный шелковый платок.

Мужчины несли балдахин вслед за медленно идущим грузовиком, с которого бахромою вниз свисал край обширного ковра.

— Я дала им наш ковер, — шепнула мне мама. Она опять оказалась рядом со мной. — А вон тетя Марва, подойдем к ней.

Она тоже увидела нас и высовывала лицо из-за прыгающего перед нею дядя Хариса. Видать, он уговаривал ее не ходить на кладбище...

В следующую минуту я увидел маму уже с малышом на руках.

— Погляди, какой бутуз, — сказала она. — Хочешь подержать?

— Нет.

— Упрямица Марва все-таки отправилась на кладбище, хотя, ты знаешь, у нас женщинам нельзя быть на погребении.

— У кого это у нас?

— Какой несносный! Можно подумать, что ты неизвестно чей. Ну, сядем. Пока Марва вернется, понянчим малыша.

Я ничего не ответил и побежал догонять тетю Марву. Она ласково открыла мне свою ладонь, улыбнулась.

Носилки между тем донесли до конца квартала и стали водружать на открытую машину. Я почувствовал какую-то пронзительную законченность в этом действии; облегчение людей, несших носилки, задело меня чуждым знобящим ветерком. Вот машина тронулась, затрепыхалась бахрома свисающего с кузова ковра, и мягко, упокойно заструился зеленый шелк балдахина. Дикарики шли сбоку нас, держались за руки и плакали. Они тоже ее любят, подумал я, теперь ее все любят и жалеют, когда ей все равно. А я и тетя Марва любили ее всегда. Я запрокинул голову, чтобы никого не видеть — пустое, догласгоревшее небо колыхнуло меня и прижало к тете Марве.

Наверно, я вырослел, потому что время вдруг побежало быстрее. И все же три года были равны и монотонны. Когда я спускался по ним, как по ступенькам, в то горестное и знаменательное для меня лето, чувство унылого движения обижало и корбило мою душу.

В то лето я сдавал экзамены в техникум. Мама страдала, я знал, но ее потаенная тоска

изливалась в похвалах ветеринарному институту. Она вдохновенно называла имена distinguished профессоров — Задарновский, Веселовский, Серебрянников — серебряный романтический звон прорезался в звуках чужих имен. А когда мама прорезала: «Профессор Задарновский изучал северного оленя и посвятил ему докторскую диссертацию», — то, ей-богу, казалось, что именно северный олень знаменует собой начало всего романтического и необычайного. Но в институт я мог сдавать не раньше, чем через два года, а я не хотел ждать. Собственную самостоятельность я предпочел профессору Задарновскому.

Динка пошла в десятый класс и стала дружить со своим соучеником. Но он никогда не появлялся возле нашего дома — сестра точно оберегала его от общения с нашей мамой. Бывало, она возвращалась домой запоздно, раздеваясь, слушала сдавленные вздохи матери, и злобная усмешка проносилась по ее лицу. Над их отношениями витал дух Марселя, но ни мать, ни сестра не поминали его. А он не давал о себе знать. Конечно, он был слишком задет той злощастной историей, но так ли уж виновата была Динка? И разумно ли было бы ей устремиться за ним в его степное кочевье?

В нижнем этаже дома с тех пор, как из него выехала семья тети Марвы, никто не жил. Однако комнаты были мыты и белены, там исправно топилась печка. Сияли комнаты обнаженно и тоскливо. Мама берегла их для кого-то из нас, кто первым заживет своей семьей...

Учеба в техникуме, сверх моего ожидания, очень нравилась мне, в особенности, начиная с третьего курса. По крайней мере треть учебного года и все лето мы проводили в учхозе на практике посреди необозримой степи, живописной весной, пышущей зноем летом, с отрадными днями в сентябре, когда степь опять покрывалась травами и цветами и скот сытел и лоснился. А там начинались студеные дожди вплоть до зимы с ее невыразимо яркой белизной и дикой кутерьмой метелей.

Мы занимались самой разнообразной работой: делали прививки овцам, лечили чабановских псов, косили сено, возили на займки, где жили чабаны со стадами, комбикорма и щиты для загорода. Все мне нравилось, даже заполнять племенные свидетельства: овца такая-то, оброслость брюха хорошая, длина шерсти 7—8 сантиметров, отнесена к классу элита и прочее-прочее. Во время окота нас посылали сакманщиками к чабанам. Пожалуй, там впервые познал я труд и удовлетворение от него. Март в наших местах состязается в лютости с февралем, в кошарах было студено и волгло, и для ягнят светом божьим первоначально был знобящий и сырой полумрак. Малыши нарождались почти голенькие; старая овца и оближет, и обогреет детеныша, молодые же овечки бывали беспечны и

бездушны. С Жумагулом, старым казаком, завораживали мы ягнят в наши халаты и телогрейки, разрывали подстилку, покрытую сверху изморозью, а внизу мягкую и теплую, и клали как в гнездышко явленное на свет существо.

После работы я чувствовал себя усталым, полным невысказанных мыслей, неразделенных чувств. Я вытаскивал из-под лавки чемодан, вынимал из него костюм, утюжил. Жумагул оглядывал меня, обряженного, обдергивал на мне пиджак и лукаво спрашивал:

— К Ираиде собрался?

— К Ираиде, — отвечал я и поспешно направлялся к двери.

Ираида была библиотекарьша. Я сживал у нее вечерами, а потом провожал на край села, где она квартировала у местного веттехника. Иногда мы шли к нам. Жумагул обыкновенно пропадал в кошарах. Мы с Ираидой садились к жаркому, любезно сияющему самовару. Но прежде мне надо было покормить своих питомцев: собаку Жумагула и пару ягнят. Белолобый родился в самую стужу — когда мы с Жумагулом прибежали в кошару, он был едва теплый. Мы тут же забрали его домой, и с тех пор он спал со мной на печи. А Четырехглазого, не приняла мать, молодая вздорная овечка. Едва я наливал в бутылку молока, Четырехглазый запрыгивал ко мне на колени и начинал сосать с невыразимо трогательным чавчаньем. Ираида пристраивалась на корточках против нас и умиленно бормотала несусветные нежности, а то просила ягненка и кормила сама.

— Какая прелесть! — говорила Ираида. В первую нашу встречу, когда я спросил, нет ли стихов Ахматовой, она тоже воскликнула: «Какая прелесть!» — и тут же извлекла из ящичка стола обернутый в плотную бумагу томик.

Я был любопытен ей — я ощущал это с потаенным и сладким стыдом. Она допытывалась о моей судьбе, но проделывала это с какой-то суховатой, отстраненной дотошностью. Как я оказался здесь, мечтал ли учиться в веттехникуме или попал случайно?

— Не случайно, — отвечал я.

— Ну да, — соглашалась она, — это твоя стихия. Какая прелесть!

Мне это не нравилось — «твоя стихия», — фраза явно отделяла меня от Ираиды, и стихия звучало как нечто годное только для меня. Но сама Ираида мне нравилась — коренастая, с круглыми тугими ножками, полноватая в талии, но с тонким, неожиданно нервным лицом, в очках с толстыми стеклами. Теперь я знаю, почему она мне нравилась. Она, как далекая Тамара, была из другого мира, мир этот волновал меня и дружелюбно сиял сквозь толстые стекла ираидиных очков.

Она причисляла чабанов, пахарей, доярок, да и меня тоже, к каким-то героям и восхищалась

ими по каждому пустяку. Себя Ираида относилa к иной категории, не обязательно лучшей, даже наверняка не лучшей, но к иной. Она покорила меня рассказами о своей семье.

— У нас ужасное семейство, — говорила она. — Папа инженер, мама инженер, для них дизель важнее всего в жизни. Старший брат чистойшей воды математик, днюет и ночует на заводе и захвачен математическим моделированием. Младший — радиотехник. В нашей квартире пахнет как в совхозной мастерской. Братья по месяцу не снимают с себя спецовок, но когда они надевают выходные костюмы, то похожи на глупых цветных индюков. Эстетического вкуса ни на грош. Меня в родном доме считают уродом, инсургентом, необразованной, несовременной, потому что я читаю, например, Лажечникова.

Когда я в свою очередь рассказал ей о моей матери, об ее замашках, цепкости хозяйки, Ираида тут же заключила:

— Твоя мама и мои родители — две капли воды. Не спорь! Призвание иной раз приводит к утилизации интересов и помыслов.

Я немного растерялся:

— А разве может быть призванием то, что у моей матери?

— Без сомнения! О, я бы очень хотела познакомиться с твоей матерью! Она печет блины?

— Блины?

— Блины или оладьи. — Она звонко засмеялась. — Я бы съела во-от такую тарелку блинов.

Я обещал свозить ее к нам, но вовсе не спешил исполнить свое обещание. Да и сам отнюдь не рвался в горд. Домашние заботы пугали, угнетали меня. Я чувствовал свое бессилие перед ними и подолгу оставался в учхозе. Издали я пытался холодно осмыслить семейные казусы, но только обжигал себе душу. Вот и теперь с жальностью думал я о матери, познавшей очередное горе.

Галей в свои семнадцать лет был для нее еще мальчиком. Каково же было ошеломление матери, когда однажды к ней вбежала конопатая девчущка и упала перед ней на колени.

— Я приму решение, — сказала мать, когда прошла минута невыразимого смятения. — Я приму решение, — повторила она, мягко выпроваживая девчущку за дверь и вряд ли толково соображая. Ведь если бы соображала, она тут же призвала Галея, хотя бы для того, чтобы хоть что-то понять в отношениях ее сына с конопатой девчущкой. «Мне было стыдно говорить с ним об этом, — признавалась она позже, — я просто не знала, как мне с ним говорить». Она побежала к тете Марве, думаю, не за советом, а чтобы только не оставаться наедине со своим смятением. Тетя Марва успокоила ее как могла и посоветовала подождать, пока сам виновник не скажет матери, насколько серьезно оценивает он положение.

Но нет, мама не могла ждать. Она не брала в толк, что ей делать, но и ждать не соглашалась ни минуты. От тети Марвы она побежала к дяде Заки. Тот ужасно перепугал ее, но именно его слова будто бы осветили ей путь к действию. Он заявил: «Чем ходить тебе с передачей к воротам тюрьмы, уж лучше женить мальчонку». Маме стало дурно, но, едва очнувшись, она уже знала, что делать. Надо спасать сына от сурового наказания!.. Опасность придала ей энергии, и буквально в тот же вечер она вместе с девчушкой перенесла ее вещи в наш дом. Немного успокоившись и взглядевшись в девчушку, мама вспомнила, что видала ее в соседнем дворе; она была сирота и после ремесленного только-только начинала работать на электромеханическом заводе.

Галею в первые минуты почудилось что-то интересное в новом положении: его приятели хоронились с подружками по укромным уголкам, а он, представьте, женат точно по мановению волшебной палочки. Однако наивное самодовольство сменилось отчаянием, он ушел из дома.

— Он напьется,— решила мама и тут же поставила самовар и стала ждать возвращения Галея. Как только он появится, она сразу зажмет его между колен и вымоет ему голову горячей водой так, чтобы хмель тотчас же вышел. В создавшейся ситуации она могла бороться с последствиями, но никак не с причиной. Что ж, пусть так. По крайней мере, она не бездействовала.

Однако брат мой явился совершенно трезвый, неся в просторной ивовой корзине голубей. Мама рассказывала мне, что облегченно рассмеялась и пошла смотреть голубей. Она называла их премилыми птичками, красавицами, но будь это вчера, дело кончилось бы слезами, истерикой и наконец выдворением птиц со двора. В голубях мама видела главное зло для мальчишеского племени. Галей между тем упоенно строил голубятню, позабыв, что дома, притулившись в углу над вышивкой, сидит его девочка-жена. Он не плакал, ибо в его руках была игрушка.

Смешно и мило было слышать это в пересказе матери. Но когда я сам увидел Галея, мне стало не по себе. Он сидел возле голубятни, перед ним ходили, страстно гулили голуби, но глаза его были тоскливы. Я сел рядом, и он смущенно и обрадованно заговорил о птицах. Это была наша давняя мечта, держать голубей, и несколько минут мы упивались запоздалой победой и нежной властью над собственными голубями.

— Наша-то матушка,— сказал он,— видал, какой фокус выкинула? — Точно он не имел никакого отношения к происшествию.— Со мной даже не поговорила. Все решила сама.

Я только печально посвистал губами, которые сводило от жалости к моему брату.

— Ее не исправишь,— сказал он без холода и враждебности.

Нет ничего печальнее, чем покоренная мальчишеская гордость.

Однако чувство попранного достоинства вылилось у него в неистовое и безобразное гонение постылой жизни. Взбешенный, с белыми гневными глазами, он хватал девчушку за косички и тащил к двери. Мама подлетела и хлестнула его по рукам. Галей опешил, выпустил девчушку, но стал налетать на маму. Она не только не отступила, но вдруг схватила его поперек тулова и приподняла. И расхохоталась:

— Вот не ожидала от себя такой прыти!

— Ты что, мама, из ума выжила? — сказал он смущенно.— Во мне, как-никак, четыре пуда.

Девчушка тоже засмеялась.

— Смешно ей! — презрительно сказал Галей, но и у него глаза были веселые. Он дурашливо махнул рукой и вышел из комнаты.

Мама схватила меня за руку и увела к себе. Мы сели рядышком. Ей хотелось отпраздновать свою победу со мной. Я хмуро сказал:

— Ты думаешь, он больше не повторит?

Она вздохнула:

— А ты, видать, думаешь, что в других семьях всегда мир и покой. Ой, нет! В каждой свои заботы и свое горе, но кто-то должен нести самую тяжелую ношу. И требовать для себя меньше, чем остальные. Сынок,— потрепала она меня по щеке,— все перемелется! Главное, мы дом свой не потеряли. Вон умер чемоданщик Фасхи, все прахом пошло, дом продали, деньги по ветру пустили, теперь мыкаются, кто где. Дедушка правду говорит: держитесь своего гнезда!

— Все это старо,— сказал я,— сейчас не так живут — другие времена.

— Во все времена люди строили и берегли свое гнездо. Кто ты без родного 'гнезда? Так, перекасти-поле. И совесть, и честь, и гордость — все дает родное гнездо. О, как ты не любишь меня! — внезапно воскликнула она и замерла с надеждой: вот сию минуту я брошусь к ней на шею и буду целовать, плакать и бормотать, что люблю.

Но я не двинулся с места и не проронил ни одного слова. Мне бы и самому полегчало, если бы я мог ее утешить. Но я не мог: от жалости к моему брату я почти ненавидел ее.

— Другая мать,— заговорила она дрожащим голосом,— другая мать променяла бы вас на мужа. Но я жила для вас. Вспомни Марву... дочку не уберегла, мать раньше времени сошла в могилу, от нее самой осталась одна тень...

Можно было подумать, что семья тети Марвы просто вымирает. А ведь у нее родились двое малышей, сейчас они весело вырастали и, конечно же, радовали мать. В конце концов у нее были дикарики и муж.

Пожалуй, никогда прежде я не чувствовал

так, как сейчас, шаткость ее доводов и никогда прежде она не казалась мне такой чужой, сумасбродная хранительница ветшающего человеческого жилища.

Через несколько дней я был изумлен, увидев сидящих на лавочке Ираиду и мою маму. В первую минуту даже подумал: уже не сама ли мама съездила и привезла в гости Ираиду?

Мама проницательно угадала мое настроение и поднялась мне навстречу, прежде чем я приблизился к ним.

— У нас гостя,— сказала она, широко улыбаясь, и тут же шепнула скороговоркой: — Все очень хорошо. Я вела себя примерно.

Ираида шурилась на меня сквозь толстые стекла очков. Пожалуй, и она побаивалась меня и в то же время была не прочь подчеркнуть свою самостоятельность в этой ситуации.

— Иди пей чай,— сказала Ираида, как будто была моя жена.— Лепешки превкусные. А когда тетя Асма вынет хлеба, то я возьму каравай.

Делать нечего, я отправился пить чай.

Познакомить Ираиду с мамой — это казалось мне сложнейшей задачей. Но теперь, прихлебывая чай и поедая аппетитные мамины лепешки, я усмехался своей излишней осмотрительности. Не такая уж темнота моя матушка, чтобы не суметь с достоинством встретить гостя и поговорить с ним. Их мирное, удовлетворенное сидение на лавочке лучше всего сказало, как все просто и естественно сделалось.

Я продолжал чаевничать, когда вошла мама.

— Ира поливает помидоры,— сказала она заливчато веселым голосом.— Ей понравилось качать воду из колодца. Ей вообще у нас нравится.

— А тебе нравится поболтать с ней,— сказал я и поглядел на нее пристально. Все-таки мне хотелось знать, не слишком ли болтливо держала она себя с Ираидой. И попал, что называется, в точку. Она слегка потупилась.

— Да, я рассказала ей историю с Галеем. Но ведь и ты, наверно, не скрыл от Иры?

— Так стоило лишний раз перемалывать одно и то же,— усмехнулся я.

Она пропустила мимо ушей мою колкость.

— Как разумно она рассуждает. А я всегда была труслива. Страшного-то, оказывается, в этой истории ничего и не было.

— Твой малыш набедокурил, в результате должен родиться ребенок. Чего же тут страшного?

Она засмеялась:

— Вот именно! Но ты помнишь, как я перетрусилась?

— Я, пожалуй, помогу Ираиде,— сказал я и вышел во двор.

Ираида поливала грядки с помидорами. Рукава кофточки закатаны, ноги голы, волосы взбиты. Я сел на бревно и закурил. Она подошла и села рядом, запросто задев меня бедром.

— Слушай, ты не сердись, что я заявилась вдруг? Честное слово, мне стало так скучно!

— А теперь тебе не скучно? Ведь вы так мило поговорили.

Она тихонько, со стоном засмеялась и сжала мою руку.

— Тетя Асма предупредила, какой ты мнительный. Но она не могла не рассказать мне эту пикантную историю...

Я хотел спросить, почему же не могла не рассказать, но промолчал.

— Боже мой,— продолжала Ираида,— боже мой, сказала я тете Асме, этакое в наше время случается с каждой третьей девицей...

— А с тобой? — вдруг спросил я.

— Что — со мной? — Ее лицо покрылось пунцовыми пятнами, она отстранилась от меня.— Как ты можешь... Говорить такие гадости?

«Но ведь сама ты легко примеряешь гадости на других», — хотелось мне сказать, но я только пробормотал:

— Прости, пожалуйста.

Смушение оставило Ираиду, и она продолжала:

— Раз уж тетя Асма решила действовать, надо было кое-что подсказать несмышленной девочке.

— Но прежде выдрать как следует своего оболтуса.

— Бедный мальчик, бедная мать... она стала жертвой своей щепетильности... Хватит тебе курить, идем поливать. Вот выйду за богатого мужа и куплю домик в каком-нибудь тихом городке. А тебе нравится такая жизнь?

— Да,— сказал я решительным тоном. Как бы ни бунтовал я против этой жизни, все-таки она была моя жизнь, не то что порицание, но даже отчужденное удивление кого бы то ни было казалось мне оскорбительным.— Да,— повторял я,— мне нравится такая жизнь!

Ираида изумленно промолчала.

В тот же день последним автобусом мы поехали в учхоз, груженные свежеспеченными хлебами и шаньгами. Стемнело, когда мы приехали. Дядя Жумагул собирался на займку, где оставался его внук. Он стал было хлопотать с самоваром, но я сказал, что поеду с ним.

— Мы поехали бы завтра,— сказала Ираида, и в ее голосе послышались обида и недоумение.

Ехать завтра, значит, ночевать с нею в доме старика, а мне этого не хотелось. Ираида прекрасно понимала мое нежелание и, прощаясь, едва кивнула. Мы с Жумагулом сели на его лошадь и поехали.

— Женщины этого не прощают,— сказал старик.— Ты ей нравишься.

— У меня есть девушка,— сказал я, просто чтобы он замолчал, и почувствовал невыразимую тоску. Меня томило желание любви, но воспоминание об Амине делало болезненным это чувство.

Мы подъехали к вагончику в крошечной темноте. Старик расседлал коня и привязал его к вагону на выстойку. Огромное тулово овечьего стада тяжело колыхнулось к дальней стене загона и замерло в идиотском страхе. Я умылся парной водой из кадучки, пошел в вагончик и лег на кошку рядом с жумагуловым внучком. Рука моя обняла мальчика, я тут же уснул.

Я встал на заре и помог дяде Жумагулу выгнать из загона овец. Потом затопил очаг и стал умываться, за ночь вода в кадучке, казалось, ничуть не охладилась и пахла камышовым тленом. Воду на пастбища возили с озера на бензовозах. Подъедет шофер к двадцатикубометровому чану, перекинет в него шланг с привязанным к концу камнем, чтобы шланг не выпрыгивал, и сольет воду. И опять едет к озеру. Чаны, как фантастические сторожевые башни, царили над ровным горячим пространством и не давали шалить призракам. Находясь вблизи от них, я ни разу еще не видал миражи.

Едва мы сели завтракать, приехали шоферы, и Жумагул позвал их пить чай. Они опорожнили свои бензовозы и подсели к нам. И тут я решил, что поеду с ними в деревню, а там пересяду в автобус — и в город. Мне казалось, что вчера произошло что-то ужасно нехорошее, и это нехорошее заключалось в том, что после разговора с Ираидой мама придает своим действиям неопасный, даже пустяковый смысл. Но почему? — ведь все уже было сделано и сделано без Ираиды. Уже едучи в машине я привел свои сумбурные мысли в некоторый порядок. Ничего плохого в том, что они встретились, не было. И то, что Ираида судила историю Галея по-своему, было в какой-то степени правомерным. Но что-то все еще ускользало от меня, и причиной тому — я понял это минутой позже — была моя неприязнь к матери. Конечно, думал я, мама струхнула и поступила наивно и по отношению к Галею депотически — ведь она даже не сообщила ему своего решения. А ее решение ставило под удар судьбу не только Галея, но и девушки — нынешнее зыбкое благополучие назавтра могло обернуться разрывом и теперь уже горем для троих. Ираида права: мать слишком поспешила.

Но ведь не только страх подгонял ее, перед глазами у нее была несчастная, сокрушенная горем девчонка, виноватая лишь в том, что, может быть, слишком любила ее сына. Да, прозревая, подумал я, моей матерью двигала жалость и сострадание! Ничего этого Ираида как будто не увидела, ее совсем не занимала судьба ни одного из участников истории... Неужели вся наша жизнь была для нее настолько чуждой, что она

не могла усмотреть в ней ничего человеческого? Рассудить, как рассудила она, мог бы любой хладнокровно мыслящий человек. Но ведь ко мне-то она была равнодушна и готова была полюбить мою мать, так почему же она не заметила в ее действиях хоть толику добросердечия?

Думая думку, я рассеянно наблюдал тучу, сопровождавшую нас от самой заимки. Первоначально она легко и безмятежно скользила по вселенской синей благодати в ладу с таким же легким и безмятежным ветерком поднебесья. Но к ней, оказывается, уже давно подбирался суровый низовой ветер, потемненный степной желтой пылью, — тучка вдруг пошла набекрень, ее тут же подхватила туча потяжелей и поглотила с плотоядной поспешностью. То ли серая тень тучи прошла по ветровому стеклу, то ли ветер стегнул зернистой пылью.

— Ну, быть бурану,— весело прокричал шофер, имея в виду пыльную бурю.— Добро, ежели с дождем.

Мы ехали, догоняя смерчи; они дразняще убегали вперед, как желтые зловредные зверьки. Протяжный ветер широко сгребал их в одно и наконец растянул в тяжелое обширное полотнище и всколыхнул над дорогой. Полотнище трепетало и рвалось, и в какой-то миг в проране мутно-желтой завесы проглянули окраинные домики центральной усадьбы учхоза.

Мы въехали на площадь перед конторой и развернулись у крыльца. На нижней ступеньке стоял директор учхоза Сильвестров и что-то говорил парню в мотоциклетном шлеме. Я вышел из кабины, и Сильвестров осведомился:

— Студент? Сколько вас здесь?

Нас было человек семь, и он попросил, чтобы я созвал всех к конторе. Других гонцов он послал на ферму и в мастерскую.

— Может, еще трактором подсобите? — дерзко поклянчил парень в мотоциклетном шлеме.

Было ясно, что где-то по соседству прошумела буря, — нас звали на помощь. Чудная мысль пришла мне в голову, пока я бегал по селу, созывая своих однокашников. Пусть бы Ираида спала себе, не ведая о беде, иначе помчится в город, к моей матери, а уж та прибежит спасать своего мальчика. Я бежал и хохотал ветру в лицо.

Когда я вернулся к конторе, там уже стоял, тараксы, колесный трактор с прицепом и две грузовые автомашины. Ребята бросали в кузова лопаты и запрыгивали сами, натягивали над головой брезент: начинался ливень. Я перекинулся через борт и залез под брезент. Парень в шлеме ехал с нами. Он рассказывал: буря прошла по трем отделениям соседнего целинного совхоза, посрывав крыши, разметав стога, но главная беда была в том, что стихия порушила линии электропередач, которые тянула механизированная колонна электромонтажников. Почти на всем

пути от Кособродов, рассказывал парень, впопалку лежат опоры с оборванными проводами, деревни остались без света.

Мы долго ехали — или плыли, не знаю, — в ледяном мутном потоке и не тонули, наверно, только потому, что веселая наша братва всю дорогу горланила: «Живи, пока живется, нам нечего тужить...» Брезент, развернутый над нашими головами, то сочувственно прикивал к нашим продрогшим телам, то злорадно хлестал отсыревшим концом. Ливень околтело. Бежал за нами, бежал рядом, бежал впереди, и — под бегущий этот ливень я вдруг подумал о том, что сегодня увижу Марселя. Я удивился, как спокойно вспомнил о Марселе и предположил нашу встречу: ведь прошли, кажется, десятки лет с последней нашей встречи в такую же вот ливневую канитель...

Мы остановились посреди поля. Над ним висела шумящая вода. Затем мы увидели полегшие хлеба, в них не было ни капельки зеленого, цвета ее здоровья и зрелости, — только седина, полосуемая белым ливнем. А на краю поля, придавив седые хлеба, лежали столбы, или, как их называют электромонтеры, опоры. Провода казались застывшими ливневыми струями.

Мы выпрыгнули из кузова и в тот же миг промокли до нитки. Парень в мотоциклетном шлеме стал нами командовать: мы должны были стаскивать на дорогу поверженные столбы и сгружать с тракторной тележки новые, прямые, покрытые телесной смуглотой и звенящие даже в этом всесветном потоке. Монтеры, которых в первые минуты мы не заметили, вязали опоры, то есть обматывали их и притерты к ним приставки проволокой; ломтики в их руках играли кинжальным свечением. Потом нам скомандовали рыть ямы, но их тут же заливало водой, их края осыпались и поглощались жадной мутной водой. Пришлось оставить бесплодное занятие.

Мы потихоньку стали сбиваться к грузовику с закрытым кузовом. Заглянув в него, я увидел человека, сидящего на рации. Он спрашивал, посланы ли на тридцатый километр автобур и кран. Его голос, хриплый и властный, был не знаком, но зато я узнал бы среди тысячи голов эту замечательно рыжую, с выпуклым лбом голову.

— А, малыш, — сказал Марсель, как будто мы расстались только вчера. Он выпрыгнул из кузова, встал рядом, глаза его горячо смеялись.

— Тебе привет от Дины, — сказал я.

Он кивнул насмешливо — мне стало стыдно моей лжи.

Ливень прекратился внезапно; он исчез для зрения, но слух был полон обманного шелестения. Кротко зазеленело поле, дорога воспаленно моргала тусклыми парящими лужами, с неба слетал сырой плотный ветер и пластался у наших ног. Суровая, полная тревог и опасностей

жизнь окружала нас — так мне казалось. Я сказал:

— Такое не каждому выпадает. — Собственные слова взволновали меня, и я с напряжением ждал отзвука.

— А ну, малыш, — сказал он, отстраняя меня мягким и чуждым прикосновением и вглядываясь в мутную дорогу. Там, елозя по жидкой грязи, продвигался экскаватор. Марсель побежал навстречу машине.

Вот кого я не должен был терять ни на минуту, вот кто мог бы быть мне настоящим другом, только он мог утешить меня в отчаянные минуты и хриплым властным голосом внушить надежду и уверенность. Но не все еще потеряно, ведь мы с ним все равно как братья, мы выросли в одном гнезде, а это что-нибудь да значит!

Между тем экскаватор принялся за рытье ям, ребята из бригады Марселя вязали последние две-три опоры. Нам, поднятым по тревоге, теперь нечего было делать. Мои сокурсники, нимало не огорчившись, ухитрились притулиться возле автомобильных колес на сырой траве и зябко дремали. Я подошел к ним и присел на корточках, веки мои тяжело падали, но я таращился изо всех сил и видел: кран, натужно завывая, выдвигает стрелу и медленно роняет крюк, парни закрепляют опору — опора медленно, раненно встает, придерживаемая распорками, — и так одна за другой, одна за другой, я насчитал их шесть. А парни уже раскатывали барабан с кабелем и с «телевышки» навешивали провода на ролики, натягивали...

Стемнело, когда они закончили работу, но им надо было ехать дальше. Им предстояло то же самое, но уже в темноте при свете автомобильных фар, так распорядился Марсель. Собственно, у них и не было иного выхода: к утру отделения совхоза должны были получить электроэнергию.

— Студентов отвезите домой, — сказал Марсель.

Но везти было не на чем, наши машины ушли еще днем, а трактор с прицепной тележкой нужен был полевикам. Наконец нас решили завезти на главную стоянку мехколонны, чтобы мы там переночевали, а утром вернулись в учхоз.

Так я оказался в жилище Марселя. Парень в мотоциклетном шлеме остановился у второго от края вагончика и свойски подтолкнул меня в спину:

— Располагайся. Ведь ты, кажется, родич бригадира.

Я проснулся утром с ясной улыбкой на душе. За окном слышались звуки топора, лаяла собака, кто-то фыркал и брнчал задвижкой руко- мойника, затем потребовал у Кати полотенце. По дощатому крашеному полу я подбежал к

окну и увидел, как домовито машет с веревок белье. Небо легко, сине летело к далекому горизонту. Затем я огляделся, и каждая принадлежность жилища радовала меня необычайно — подвешенный к стене радиодинамик, кровать, на которой я так замечательно выпался, две пудовые гири возле кроватных ножек, стол, заваленный чертежами и книгами и увенчанный высокой настольной лампой с сиреневым абажуром. Раскрытая книга лежала возле лампы, и сиреневый ответ загадочно лежал на ее страницах...

В комнате разом посветлело, затем я услышал звук затворяемой двери, стремительный налет шагов, и в следующий миг книгу вырвали из моих рук.

— Я так и знал, — сказал Марсель, печально усмехаясь, — я так и знал, что тебя послали сюда шпионить. — Он вынул из книги несколько перегнутых вдвое листков, поднес к глазам и вложил обратно.

— О чем ты говоришь? — пробормотал я потерянно. — Почему ты так говоришь — шпионить?.. Что я тебе сделал... собака ты!..

Потупясь, он вертел в руках книгу, как бы не зная, что с нею делать. Он понял свою оплошность и поверил в мое неведение, ему было стыдно, но уж слишком сокрушительно нашло на него это чувство. Он не мог сдаться своему стыду сразу же.

— Да, она пишет мне! — крикнул он, как бы продолжая уличать меня. — Она пишет мне вот уже почти три года. И мы с ней видимся... но мы поклялись, что никто об этом не узнает, прежде чем мы не поженимся и не уедем. А мы едем на будущей неделе. Можешь идти докладывать своей маменьке...

— Куда? — сказал я замирающим голосом. — Куда вы едете?

Он назвал известную стройку.

— Ну, будет, малыш, — сказал он, излив свое возбуждение. — Расскажи лучше о своих делах.

— О моих делах? — Губы мои скривились, я почувствовал, что заплачу. Я был несчастнейший человек! Ведь вот у них все сбывалось, как они загадывали вечерами в испанском доме, вместе они уезжали далеко, там вырастет большой город, там они будут счастливы.

— Вы счастливые люди, — сказал я, — а вот нам с Аминой не повезло.

Он усмехнулся:

— Впервые слышу, как жалуется покойник.

— Не смейся, — сказал я со всею скорбью, на какую только был способен. — Не смейся, я не могу забыть Амину...

— Я тоже не забываю ее, — сказал он хмуро.

— Ты что! Она для тебя не значила столько... а я люблю ее сейчас. — И тут я рассказал ему об Ираиде, о том, что она мне нравится, но образ Амины заслоняет все, и делается больно и тревожно. Первая любовь пришла ко мне слиш-

ком рано и со смертью Амины отняла у меня все.

— О-о! — протянул он, смущенный моим скорбным красноречием. Затем решительно и просто сказал, глядя мне прямо в лицо: — Нет, первая любовь не пришла к тебе рано. Но ты остался все тем же малышом и ты боишься не только своей Ираиды, ты боишься всего, что выходит за рамки твоих ребячливых представлений.

Я не мог с ним согласиться, в ту пору, казалось, я как раз начал обнаруживать в себе прощательность умудренного жизнью человека. Да вот хотя бы во взаимоотношениях моей матери с Ираидой. Я и об этом рассказал Марселю. Он озадаченно молчал, и я подумал, что вот, может быть, с этой минуты мы с ним станем откровенны и близки, у меня будет друг, которого я имел в детстве, потерял и опять обрел.

Но вот чего я не должен был ему говорить:

— Теперь и мне понятно, — сказал я, — какое деспотическое существо моя мать. Она едва не испортила вам жизнь, только из-за нее страдает мой брат и страдаю я.

— Не лги, — сказал он.

— Но ведь ты и сам знаешь.

— Знаю. Мне, пожалуй, стоило трудов вырваться из вашего дома. Но твоя мать... — Он промолчал. — Она не такая уж злая, даже совсем не злая. Ее старания принесли бы дому счастье и удачу, если бы... если бы это было лет пятьдесят назад. Но вот чего я не возьму в толк — в тебе-то откуда эта вялость, трусливая привязанность к дому, к нерушимости ее порядков. Ну, что ты сделал, что хотя бы сказал, когда твоя мать женила бедных ребят? Молчишь?

— Молчу, — сказал я гордо. — Потому что я ни в чем не виноват, а тебе это все равно...

Я не был виноват перед ним — ни в чем! Виноват был наш дом, чопорно и милостиво открывший свои двери перед своенравным и горделивым сиротой, виновата была мама, давшая ему постыдную роль моего няньки, получавшего за свои труды пышными лепешками; да, виноват был дом, раскрывший двери, но так и не впустивший его... вот чего никогда не простит мне Марсель! А я не был виноват, не был виноват.

И все-таки я спросил, можно ли мне приехать к нему еще. Он ответил:

— Но ведь мы уезжаем.

— Ну, а до того, как вы уедете?

— Не знаю, — сказал он, — да и зачем?

Через неделю моя сестра и Марсель уехали. Дина после окончания школы работала в городском музее — подходящее место для привала перед дальнейшими переменами в жизни. Они уезжали вместе, я в этом не сомневался, но сестра сказала, что он уже ожидает ее в Энске. Значит, Марсель не захотел повидаться с моей матерью. А может быть, этой встречи не хотела сестра.

Когда мы возвращались, проводив Динку до автобуса, мама сказала:

— Но ведь она его любит,— как будто внушала кому-то правомерность поступка дочери.— Как ты думаешь,— уже прямо ко мне обратилась она,— он не будет ее обижать?

— Если и будет, это уже не в нашей власти,— ответил я.

— Да, да,— поспешно согласилась она,— жизнь наших детей не в нашей власти.

Осенью взяли в армию моего брата, чему он был рад необычайно. Его жена, разумеется, осталась у нас. Она ходила на последнем месяце, и мама оберегала ее как самая внимательная и нежная родительница. И тут добросердечие мамы окупалось ответной приязнью Надиры, почти не помнящей собственных родителей.

Я вспомнил слова Марселя о том, что будь это лет пятьдесят назад, старания моей матери принесли бы дому счастье и удачу. И вправду, разве можно было отказать ей в настойчивости, умении, даже в такте и добросердечии? И, вероятно, в ней было то, что Ираида назвала призванием. Только слишком поздно взялась она руководить. А до этого руководили ею — бабушка, обстоятельства жизни, традиции дома, законы ее профессии, к которой вряд ли она питала страсть и имела способность.

Но вот что в ней было неистребимо — привязанность к дому. А разве можно за это упрекать человека, разве во мне самом не было той же привязанности? Да, я жил в нем отчужденно, отстраняясь от мелочности его забот — и это пронизательно заметил Марсель, — а между тем я не уходил из дома, хотя и мечтал о свободе. Да и когда мечтал, в розовом детстве, а в сущности я не тяготился замкнутостью и совсем не спешил разбить скорлупу, покрывающую мое существо...

Весной я закончил техникум. Мне предложили три места: в учхозе, в Алтайском крае и здесь, в городе, в ветбаклаборатории. Я выбрал ветбаклабораторию. Я, правда, немного колебался между работой в городе и учхозом, все-таки мне там нравилось, да и привык я. Но от туда уехала Ираида, и последние дни были омрачены прощанием с ней. Она мне сказала:

— Ведь я тебе, дурак, нравилась. Но почему-то все пошло наперекосяк. Знаю, тебе мама запретила жениться на мне.

— Может быть, и так,— сказал я. Мне было все равно, что она думает.

Все-таки она умело выбрала, чем уколоть меня. Но, может быть, искренно так считала. И вот в чем она была чуточку права: пусть не мама, но я сам остерегался близости; обретая самостоятельность, я не хотел отдаваться во власть другого мира — иная семья, иная жизнь

вызвали бы во мне почтительный восторг и повели бы меня, мою слабую, податливую волю за собой. А я хотел самостоятельных шагов, и шаги эти я должен был сделать в собственном доме.

И вот весна, синий воздух трепещет в комнатах, полный майского звона и младенческого визжания. Мой племянник возвещает на весь мир о своем рождении. Когда я подхожу к его кровати, он замолкает. Его мягкий, рассеянный взгляд облетает мое лицо, он неожиданно улыбается нежным хрупким ртом. Его мать худа, но у нее много молока, и она энергична и счастлива. Насытившись, малыш засыпает, а я гляжу на него долго и пытливо и захожу в его чертах сходство с моим братом, иногда и с собой,— я умиляюсь и чувствую себя мужественным, словно будущее маленького человека зависит от меня.

Цветет сирень и белая акация в сквере Красногвардейцев, обелиск по самый постамент укрыт животворной зеленой чашей. Я возвращаюсь с работы через сквер и вижу детскую коляску, которую катят по желтопесчаному руслу аллеи моя мама и дядя Риза. Они везут свое дитя, и шаги их осторожны и плавны — они берегут сон малыша или, может быть, счастливый покой в своих лицах. Не замечая меня, они сворачивают в боковую аллею.

Я прихожу домой, справляюсь у бабушки, как его здоровье, затем вывожу его на крыльцо подышать вечерним воздухом. Ветхий кашель бабушки почти не нарушает тишины двора, где все тоже ветхо и зыбко, как его старческое тело.

Я сижу в нашем садике с закрытой книгой в руке, мне хорошо, но в иной миг вдруг точно слышится: «Вечером в испанском доме», — как знак, как призывный клич в дороге, и душа моя замирает в предощущении необыкновенного...

ЗОЛОТАЯ БАБОЧКА

Леонид
КУЛИКОВ

Рисунки
О. Аплесниной

Сказка

Слово Золотинки

С давних пор в горах Урала
Много золота лежало,
Но земля таила
Золотые жилы.
Многие старатели
Даром время тратили.
И старатель невеселый
Так ценил свой труд тяжелый:
— Золото моем,
Голосом воем...

Сила Сабин молодой
Был усердный пескомой.
И собою был хорош,
Да везенья ни на грош.
Говорил ему отец:
— Ты, конечно, молодец,
Но твои старания —
Мука да страдание.
Как тебе пески пустые
До сих пор не опостыли?
Ты трудяга, да баской,

А песок хоть мой не мой —
Золотая Девка, видно,
Горько шутит над тобой.
— Что за девка? Кто такая?
— Не видал, сынок, не знаю.
Люди бают, Золотинка —
Раскрасавица, картинка.
Но кого она невзлюбит,
Обязательно погубит:
Или в шурф его столкнет,
Или жилу отведет.
Но уж если улыбнется —
Клад старателю дается...
Сила слушал не дыша:
Сказка больно хороша.
Неужели есть такая
Эта Девка Золотая?
Поглядеть бы хоть тайком
На нее одним глазком.

Раз в бору почуял Сила:
Рядом сильно задымило.
«Как бы вдаль не побежал,—
Думал он,— лесной пожар!»
Стал с огнем старатель биться,
На пожарище крутиться,
Стал хлестать ветвями пламя
И топтать его ногами.
Кудря, руки опалил.
Изнемог. Но загасил...
Солнце ласково светило,
Отдохнуть уселся Сила,
Оглянулся на восход —
С горки девушка идет.
Раскрасавица, картинка,
Станом — гибкая тростинка,
Золотистая коса
И зеленые глаза.
В уши вдернуты сережки,
На груди сверкает брошка.
Кто же в новом сарафане
Щеголяет в глухомани?
Кто же носит жемчуга,

Если тут кругом тайга?
 Подошла она, спросила:
 — Не обжегся ли ты, Сила?
 — Да ожог-то невелик,
 Только трогать не велит.
 Жаль вот, кончилась водица —
 Ни напиться, ни умыться.
 Незнакомка улыбнулась,
 В камень туфелькой толкнулась.
 Из-под камня в тот же миг
 Звонкий вырвался родник.
 — Хочешь — мойся, хочешь — пей, —
 Молвит девка без затей. —
 Ты избавил от пожара
 Бор, который я сажала.
 Спас моих лесных друзей —
 Сосны, птичек и зверей.
 За великую услугу
 Одарю тебя, как друга.
 От души тебе даю
 Чудо-бабочку мою...
 Девка брошку отстегнула,
 На ладошке протянула:
 — Чтоб ее в полет поднять,
 Надо заговор сказать:
 «Золотая бабочка,
 Закружись по солнышку,
 И лети на волюшку,
 На сыпучие пески,
 На медовые куски.
 Ты такого меду
 Не едала сроду!»
 Так ты ей проговори,
 Да слова не переври!
 Перевернешь — покаешься,
 С бабочкой расстанешься...
 И ушла, как дымка,
 Девка Золотинка.

Шаль пуховую мамаше.
 Всяких круп купил на каши,
 Сахарную голову
 Для житья веселого...
 Два денька попиروвали,
 Всю родню, соседей звали,
 А потом наш молодец
 Положил гульбе конец.
 И сказал, испив водицы,
 Что пора ему жениться.
 И невеста есть, Наташа.
 Нет ее милей и краше!

Касьяновы козни

Жил в селе Касьян-голстяк,
 Вырыл мамонта костяк,
 И старателю за это
 Дали прозвище Шкилета.
 И еще не раз Касьян
 Удивлял односельчан.
 Вдруг Шкилету пофартило
 Сесть на хвост богатой жилы,
 И вскружило голову
 Бешеное золото.
 Загулял Касьян, зазнался,
 На пирах запирировался.
 Но старательское счастье
 Ускользает в одночасье.
 Золотой ручей иссяк,
 А Касьян все пил, дурак.
 Клял судьбу, свою мошну

Сила был в тайге неделю,
 В чудо-бабочку поверил.
 Скажет бабочке про мед,
 Та с ладони — и в полет,
 Помелькает между сосен,
 У речных крутых укосин,
 Сядет, крылышки сложив:
 Тут ищи богатых жил.
 Сила Савин за лопату,
 И всегда улов богатый!..
 Еле-еле приволок
 Он в село свое мешок.

С пачкой денег по базару
 Он ходил и брал товары.
 Заплатил купцам долги,
 В лавках выбрал сапоги,
 Зипуны — себе и бате,
 Одеяло взял на вате,
 Ящик чая всех сортов,
 Грудю тканей всех цветов,

И от злости бил жену.
 В эту пору Сила Савин
 Стал на всю округу славен —
 Сильный, добрый, молодой
 И пригожий сам собой.
 Брал он золота нелишку —
 Сколько надо на житьишко,
 Да для будущей семьи
 Одну долю из семи.
 И считало все село —
 Время к свадьбе подошло.
 Лишь пропившийся до нитки
 Сох Касьянка от завидки
 И похмельный дал зарок —
 Сбить удачу Силы с ног.

Как-то Сила вышел к колку
 По заросшему проселку.
 А за ним следил Шкилет,
 Как ищейка взявши след.
 Сила снова без заминки
 Молвил слово Золотинки.
 Чудо-бабочка проснулась,
 На ладони повернулаь,
 Полетела над леском,
 Сила вслед за ней бегом.
 А Шкилет с раскрытым ртом
 Так и замер за кустом:
 «Ну сосед — нечистый дух!
 Ну дела, чтоб я протух!
 Да такому чертознаю
 Я рога пообломаю!..»
 Был Шкилет и зол и рад...
 Глядь, а Сила мчит назад.
 Мчит за бабочкою вслед.
 И в кусты нырнул Шкилет.

Тут и Сила рядом встал,
 Лоб в раздумьи почесал:
 — Что за чушь, скажи на милость?
 Что вдруг с бабочкой случилось?
 И куда ее несет?
 За плетень, в мой огород!..
 Пролетела над дорожкой,
 Покружилась над картошкой
 И уселась, как на чан,
 На капустный, на кочан.
 Вышло чуть не у крылечка
 Богатимое местечко —
 Златоносные пески.
 В них желтели светляки,
 И набрал он полведра
 Драгоценного добра!..
 Эта новость во мгновение
 Облетела все селенье —
 Ну и кинулся народ
 Сам к себе на огород.
 Всю капусту порубили,
 Всю картошку своротили.
 Нет ни луку, ни моркошки,
 Нет и золота ни крошки.
 И раздался бабий рев,
 Оглушая мужиков:
 — Как нам зиму зимовать,
 Чем похлебку заправлять?
 Черти угорелые,
 Что же вы наделали!..
 Рев и свара! Но без правил
 Сила мир в селе оставил.
 Парень долго не мудрил,
 Всем хозяйкам подарил
 Он по мерке желтой крупки:
 — Лишь не войте вы, голубки!
 Получай, орава,
 Плату за потраву!..
 Бабы смолкли, засяли,
 Вроде бы довольны стали.

А Шкилет, роня пот,
 Свой лопатил огород,
 Ни крупинки не нашел,
 К Силе вечером пришел.
 — Ты почаще, чертознай,
 Чудо-бабочку дускай!
 Знаю все, но я не выдам,
 Мы с тобою в люди выйдем.
 Дай-ка мне пятьсот рублей —
 Все сокрою от властей...
 Через месяц в день туманный
 Вновь Шкилет явился пьяный:
 — Отвали мне тысяч пять,
 Буду целый год молчать!
 Тут уж Сила не сдержался,
 Сам кулак невольно сжался,
 И Шкилета в зубы — хрясь!
 Тот упал за дверью в грязь.
 — Погоди,— кричал,— стой!

Все узнает становой!
 И пришла расплата к Силе:
 Парня стражники скрутили.
 Отыскали на божнице
 Чудо-бабочку в тряпице
 И свезли по-быстрому
 Становому приставу.
 Становой спросил: — Откуда
 У тебя такое чудо?
 — Я нашел ее в кустах,
 От завода в трех верстах.
 — Ты нашел. Тогда вопрос:
 Почему к нам не принес?
 Мы немедленно узнаем,
 Кто действительный хозяин...
 Становой записку шлет
 На железный на завод.
 А владелец трех заводов
 Флор Иваныч Скороходов
 Вмиг ответил: «Брошь моя!
 Вещь парижского литья.
 Потеряла брошку дочка.
 Привезти находку срочно!»

А Шкилет с побитой рожой
 Ждал заводчика в прихожей
 И, когда тот подошел,
 Ткнулся носом в гладкий пол.
 — Фрол Иваныч, благодетель,
 Знаю тайну, бог свидетель,
 Тайну бабочки твоей,
 Только дай мне сто рублей...
 — Стой, варнак,— скричал заводчик,—
 Я не аленький цветочек,
 И меня не проведешь,
 Пришибу, коли соврешь!

И Шкилет ему сказал:
 — Брошку Сила где-то взял.
 Это штука не простая,
 А ишейка чертозная.
 Может бабочка летать,
 Надо только слово знать.
 Где опустится она,
 Там богатства дополна...
 Призадумался заводчик,
 Нацарапал пару строчек,
 Становому шлет приказ:
 «Нужен Савин сей же час!»
 А Шкилету за донос
 Сторублевку преподнес.
 Силу тут же привезли,
 В кабинет его ввели.
 Барин в шелковом кафтане
 Развалился на диване.
 — А скажи-ка мне, орел,
 Где ты бабочку нашел?
 — Где нашел, там больше нету.
 На лесной дороге где-то.
 Слово мне во сне приснилось,
 Да и то уже забылось.
 — Ну, так я те покажу,
 Разом память освежу!
 И заводчик крикнул грозно:
 — Эй, холопы, где там розги!
 Дайте парню двадцать пять,
 Чтобы память поразмять!..
 Отпороли Силу больно,
 Не стерпел, сказал: — Довольно!
 Ладно, барин, так и быть,
 Буду бабочку будить...
 Ларчик свой принес заводчик,
 Потайной открыл замочек,
 Подал парню чудо-брошку:
 — Ну давай, да без оплошки!
 Сила громко, как на рынке,
 Начал слово Золотинки:
 — Золотая бабочка,
 Закружись по солнышку
 И лети на волюшку!
 Отыщи ты поскорей
 Дом хозяйшки твоей,
 Передай спасибо
 И поклон от Силы...

Чудо-бабочка проснулась,
 На ладони повернулась,
 Полетела, как живая,
 Всеми красками сверкая.
 И заводчик и Шкилет
 Понеслись за нею вслед,
 И какая же обида!
 Скрылась бабочка из вида,
 Посверкала, как звезда,
 И пропала без следа,
 Навсегда.

Тут уже досталось Силе:
Дом его с торгов пустили,
Со двора свели коня,
Обобрали среди дня.
И пошел он на завод,
Где в работах жил народ.

На реке, реке Тоболе

Гарь-завод, плотина, пруд...
Нынче Сила робит тут —
Не по воле, не по сердцу,
Но куда бедняге деться,
Если барин, словно зверь,
На него глядит теперь...
Здесь в цехах кипит работа
До двенадцатого пота.
Сто огней в горнах горят,
Триста молотов стучат,
Под ударами искрится
Раскаленный слиток — крица.
Сила Савин не сробел,
Хоть от сажи почернел.
Натянувши рукавицы,
Подносил клещами крицы,
Мех кузнечный раздувал,
Уголь к печкам подавал.
Но была и гордость в нем,
Непалимая огнем.

На заводе был приказчик,
Забулдыга, из пропащих,

Он на всех, как пес цепной,
Лаял летом и зимой.
А над Силой лютовал —
Вовсе удержу не знал.
Как-то черный день кончался,
Сила за день намотался,
На поленницу прилег,
Трудный выполнив урок.
Вдруг неслышной походкой
Подошел приказчик с плеткой
И давай его пинать,
И давай вовсю базлать:
— Спать-то все вы больно прытки,
А хозяину убытки! —
Не стерпел обиды парень
И злодея так ударил,
Что раскинул руки-ноги
Этот выродок убогий...
А теперь один лишь путь:
Уходить куда-нибудь
От расправы, от неволи,
От собачьей этой доли.
И пошел он по лесам,
По лесам да по горам,
А куда — не знал и сам.
В небе звездочка блестела,
Словно путь сказать хотела,
Чтоб от гибели спасти,
От погони увести,
Вышел он речной долиной
В краснолесье, в край пустынный.
Оглядел места кругом
И решил: — Знать, тут и дом!
Среди сосен высоченных
Он построил пятистенок,
Из ружьишка осенью
Уток бил на озере.
Вынимал он из сетей
Груды желтых карасей.
А с весны пахал землю —
Было некогда лениться.
Ближе к солнцу в Зауралье
Он увез свою Наталью.
Свадьба тихая была,
В гости лишь луна зашла.
На реке, реке Тоболе
Стали жить на вольной воле,
Стали жить да поживать,
Ребятишек наживать.
Стали жить не по удаче,
Хоть и в радости, и в плаче...
Фарт капризен — то хвала,
То разденет догола.
Сила и на пашенке
Говорил Наташеньке:
— Ты моя прибавочка,
Золотая бабочка!

«Незаурядный»

**Зиновий
ЯНТОВСКИЙ**

В вышедшем недавно «Советском энциклопедическом словаре» известный уральский писатель Иосиф Исаакович Ликстанов представлен книгой — повестью «Малышок». Объяснить это недостатком места и вынужденной краткостью изложения, отличающей статьи словаря? По-видимому. Только не в одном этом фундаментальном издании имя Ликстанова ассоциируется с «Малышком», а «Малышок» — с именем Ликстанова. Споры нет, эта книга, удостоенная Государственной премии СССР, сделала имя автора широко известным. По данным Всесоюзной книжной палаты, «Малышок» только в СССР издавался — до 1975 года — 45 раз общим тиражом 1 545 430 экземпляров.

Остальные книги писателя — пусть их и немного — идут часто в обезличенном ряду — «и др.». Право же, незаслуженно. Из написанного им можно выделить несколько рассказов и две остросюжетные книги приключенческого жанра.

Ликстанов сам считал себя романтиком, приключенцем. «Не думайте, — писал он Н. А. Максимовой, редактору всех его книг в Детгизе, — что я выступаю против романтики. Упаса господь, — сам романтик». В другом письме тому же адресату: «Меня продолжает привлекать приключенческая книга. Задумалась в этом плане повесть из жизни ребят на севере Урала, где дремлют лесистые горы, где живут суровые и добрые люди, где мой герой, паренек, попавший на Урал волей случая, волей семейных обстоятельств, растет быстро и хорошо, находит в себе силы полюбить суровый край и хмуроватых людей. Плодом моих размышлений явилась убежденность, что приключенческую тематику можно и надо решать в романтическом ключе».

Писалось это 8 мая 1945 года, накануне Дня Победы, до «Малышка». Замысел этой прославившей писателя книги родился позднее и, можно сказать, трансформировался, выплывал из выше приведенного схематичного сюжета. Подчеркиваю, до «Малышка», но после приключенческих рассказов, после повести «Приключения юнга» — первой крупной вещи писателя, полной флотской ро-

мантики, забавных приключений юнга Виктора Лескова, полюбившего мальчишкам своей бойкостью, находчивостью и неунывностью. Именно по этой книге, давая Ликстанову рекомендацию для вступления в члены Союза писателей, Павел Петрович Бажов характеризовал его как «незаурядного мастера занятной фабулы и прекрасного умения расположить материал».

«Приключения юнга» родились не на голом месте. Им предшествовали рассказы, печатавшиеся в журнале «Вокруг света» — ленинградском издании, журнале «Краснофлотец», газете «Красный Балтийский флот». В ее редакции Ликстанов работал до 1930 года, когда списался на берег и переехал на Урал. Рассказы и романтически, и остросюжетны. Уже в первой пробе пера он решает приключенческую тематику в романтическом плане.

Подписаны ранние рассказы чаще всего псевдонимом «Кожан». И в нем выражено романтико-приключенческое кредо писателя. Мне долго казалось, что «Кожан» — от кожанок, которые в гражданскую войну носили краснофлотцы, деятели революции и, подражая им, многие комсомольцы двадцатых годов. Вспомните, на одном из снимков Яков Михайлович Свердлов снят в кожаной тужурке. Ликстанов с юных лет, восемнадцатилетним, ушел на флот, увлеченный романтикой революции. Мне и думалось, это навяло ему псевдоним.

Существенно поправила мои догадки жена и друг Иосифа Исааковича, его верная помощница Лидия Александровна.

— Нет, его Кожан от кожанов — летучих животных из семи крыланов, невидимых и молчаливых. Ему нравилась и их летучесть, и их таинственность...

Вот один из ранних рассказов Ликстанова — «Золото реки Игрень». Небольшая геологическая партия повстречалась в таежной глухомани с археологом; общей группой они ведут поиски, каждый свои. Неожиданно на археолога набрел хитник-золотишник, бродивший в тайге в поисках золотиносных жил. Копушку археолога он принимает за старательскую дудку, а радость того при-

мастер занятой фавулы»

находке чего-то блестящего — за ошалелость при фарте. Ни минуты не сомневаясь в своих предположениях, хитник из укрытия, из которого наблюдал за археологом, разряжает в него свой зауэр. Течение реки уносит тело убитого, но в дудке ничего золотого не оказалось, только какие-то неинтересные хитнику предметы. Он собирается уходить. Тут, привлеченные выстрелами, подходят геологи. Не найдя у раскопки своего товарища, они заподозревают неладное. Чутье подсказывает им, что здесь замешан хитник. Но чутье — не доказательство. Между геологами и хитником начинается психологический поединок. Победителями выходят молодые геологи-комсомольцы. И тогда встает вопрос о возмездии. До ближайшего населенного пункта, до законных органов власти далеко, сопровождение туда преступника отвлечет от поисков, которые ведет партия, и вести его с собой у нее нет возможности. Комсомольцы настаивают совершить суд на месте. Руководитель партии — профессор — колеблется... А золото это, россыпное и самородковое, оказалось рядом с археологической копушкой...

Читая рассказ, вспоминаешь Джека Лондона. Ликстанов его очень почитал и в раннюю свою пору несомненно подражал ему. Но ликстановские герои иного склада: уже в том, как геологи относятся к обнаружившимся кладом реки Игрень, писатель подчеркнул новую, советскую черту человеческого характера. Богатства вызывали у геологов не алчность, но чувство радости, что они послужат Родине. Эта чистота и бескорыстие и есть высшей пробы золото.

До этого рассказа Ликстанов был преданным маринистом. Все, что он ни написал, было связано с морем, флотом. Тайгу он мог представить себе умозрительно, ибо даже в лесу никогда не бывал. И об Урале еще не подумывал. И все же ему удался, как он говорил, «колорит местности», представленный художническим воображением.

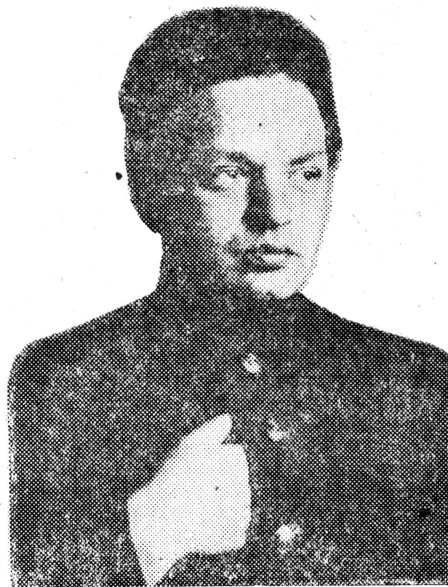
В том же 1929 году, когда появился рассказ «Золото реки Игрень», в газете «Красный Балтийский флот» в семи номерах печаталась остро приключенческая повесть «Сам-

бо». Ее писали два сотрудника газеты, будущие профессиональные писатели — И. Ликстанов и С. Скайф-Кудрявцев. Писали друг за другом, что называется сразу «в набор», и это сказалось на литературных качествах повести. Она эскизна, действие обнажено до предела, авторы пользовались лишь двумя красками — черной и белой. Но и в таком виде повесть с большим увлечением читалась на флоте. Перипетии борьбы решительной комсомолки Насти за порабощенного негра-матроса Самбо никого не оставляли равнодушным. В повести все, как положено по законам детектива: преступники скрываются от властей, упрятывают свои жертвы в тайнике, занимаются контрабандой, персонажи дерутся, стреляют. Занимательная фабула, однако, подчинена высоко нравственной цели — изобличению человеконенавистнического расизма и в противовес ему — изображению человеколюбия интернационализма. Два противоположных мира предстают в повести, не разделенные океанами, а лицом к лицу, в акватории одного порта (американский пароход ошвартовался в Ленинграде) — мир грязи и гнусности и мир света и чистоты.

«Самбо» не было для Ликстанова мимолетным занятием, этаким словесным тренажем. В 1932 году, уже из Свердловска, он писал С. Скайфу в шутовском тоне: «Что ты думаешь делать с нашим милым «Самбо»? Ей-богу, этот негритенок (хороший малый, весельчак, простодушный, зубоскал) родился у очень плохих родителей. Ведь другие непременно выяняли бы из него большую литературную фигуру. Честное слово! А мы... А ну-ко! Возроди Самбо, сделай из него фигуру из фигур, героя Пионерии, пошли его на Урал, а тут я его заставлю домны строить. Из корабельного трюма — на колошник комсомольской домны завода «Титанит». Здорово?!»

Замысел не суждено было осуществиться. В голове писателя созрели «Приключения юнги». А вслед за ними замысел повести «Зеленый камень», лучшей из приключенческих его книг.

Шла война, когда Ликстанов урывками, в редкие свободные от

Иосиф Ликстанов во время службы на флоте.

газетных дел часы, набрасывал страницы нового детектива. Это была большая творческая смелость, вера в жанр, который и прежде не был в почете, а в дни суровых переживаний народа и вовсе оказался на задворках литературы. Сердце ему подсказывало, однако, что книги такие нужны, читатель их ждет. Замысел его одобрила и, можно сказать, благословила Мариэтта Сергеевна Шагинян, первые годы войны жившая в Свердловске. Ликстанов называл ее своим добрым гением. Всячески поддерживал его редактор газеты «Уральский рабочий» Л. С. Шаумян — сын легендарного руководителя бакинских комиссаров Степана Шаумяна. Повесть была на выходе, когда Ликстанов от кого-то услышал, что И. В. Сталин с увлечением прочитал «Лунный камень» и заинтересовался, где советский детектив. Это и вовсе ободрило Ликстанова. Он спешит поделиться услышанным с Н. А. Максимовой. «Если «З-К» и детектив, — пишет он ей, — то с некоторыми советскими черточками».

Первоначально повесть была задумана на событиях Великой Отечественной войны.

«Хочешь знать, что это за повесть? — писал он С. Скайфу. — Представь себе попытку дать романтику времен Отечественной войны, да еще, так сказать, в реалистическом плане. Если добавить, что все построено на детективном сюжете, то контуры чудовища обрисуются

довольно явственно. В повести характеры написаны черным и белым, страсти обнажены, уральцы, как полагаются, решительны, драгоценные камни сверкают, единственный чекист оказывается пресимпатичным парнем, герой побеждает, проявив себя подлинным «горным рыцарем». Чего ты еще хочешь?»

* Повесть писалась несколько лет, и со временем Ликстанов внес в сюжет значительные изменения.

В «Зелен камне» произошли большие перемены,— пишет он Н. А. Максимовой.— Все перенесено в современность, все является откликом в какой-то степени на гнусную политику наших бывших союзников, злодей, открывающийся в конце книги, это не отец Павла, а его бывший компаньон по Самоцветному — английский или американский инженер мистер Р. Прайс, большой негодяй, убивший отца Павла еще в то время, когда этот Прайс вывел шахту из строя. Отец реабилитируется — человек это был особый, но колоритный и честный горняк. Никомед Халузов реабилитируется поповину, но под суд идет. Шпионская линия Прайса показана намеком. МВД показано в окружении честных советских людей, помогающих ему. Вся книга должна быть призывом к бдительности и гимном доверия своим испытанным людям, хотя об этом не говорится в лоб.

Так идеи, эскизно выраженные в «Самбо», получили четкое воплощение в хорошо разработанном и тщательно выписанном сюжете «Зелен камня». Это был если не первый, то один из первых в литературе призывов: быть бдительным к Прайсам, к их звериной идеологии.

Писался «Зелен камень» в муках сомнения. Замысел замыслом, но как он реализуется, как будет встречена необычная вещь? «Я тысячу раз в день и умираю, и воскресаю. То кажется очень плохо, то ничего... Как мне хотелось бы услышать Ваше мнение. Тут дело даже не в том — пойдет книга или не пойдет. Это какой-то мой экзамен на рост...» «Зелен камень» я полюбил, он мне кажется любопытным,— вдруг плохо, вдруг не пойдет, вдруг провал... Я не ребенок, не рассчитываю на путь, усыпанный розами, тем более, что я только учусь писать, неудача меня не срежет, а упорство у меня каменное, но все-таки переживаю всяческие муки ожидания». «Итак, с «З-К» на данном этапе кончено... Закончил я его со стандартным ощущением: ничего не понимаю. Что это получилось?»

Выдержки из разных писем писателя тех лет передают его настроение, переживания.

Поддерживало его то, что все, кому он давал рукопись, читали ее с увлечением, неотрывно. «Недавно я прочитал одну из частей на нашем

литературном «четверге»¹, — делится он с товарищем, — слушали, открыв рты, а теперь ходят по пятам, просят продолжения». В другом письме: «Я писал Вам о первом читателе повести — редакторе нашей газеты Л. С. Шаумяне. Это человек, вкусу которого мы доверяем, с мнением которого считаемся. Меня очень подержала оценка, данная им повести, а особенно то, что 17 листов он прочитал, не отрываясь».

Сомнения, терзавшие Ликстанову, были не беспочвенны. Приключенческие книги встречались критикой без одобрения, даже в штыхы. Добрая, занятая, озорная повесть «Приключения юнги» получила разносную рецензию, и не где-нибудь, а в «Новом мире». Критик А. Дерман углядел в ней апологетику... хулиганства, которое он усмотрел в действиях Виктора Лескова. Было это в 1945 году, и на Ликстанову разнос подействовал удручающе. «Должен сделать признание,— писал он в письме Н. А. Максимовой 20 августа 1945 года,— решение по «Зелен камню»² вызревало так долго, а выступление в «Новом мире» было настолько резким, что я всерьез занялся пересмотром своих планов... Понемногу крепла мысль, что в литературу мне соваться не стоит, что достаточно мне и газеты».

Недобрые предчувствия его не обманули. И «Зелен камень» критика встретила резко отрицательно. Чего тут было больше — вульгаризаторства, перестраховки, неприятия жанра, непонимания его природы? Наверное, всего вместе. После войны это был первый детектив. И более поздним долго отказывали в признании.

Скажем, забегая вперед, что «Зелен камень» выдержал несколько повторных изданий в Москве и Свердловске — увы! — уже после смерти автора. Буквально за день до своей скоростной кончины Ликстанов закончил переработку повести.

Высокую оценку повести дал известный уральский писатель К. В. Боголюбов. В изданном отдельной брошюрой Детгизом критико-биографическом очерке «Иосиф Ликстанов» он писал, что «Зелен камень» «носит новаторский характер». Приведя высказывание Алексея Николаевича Толстого — «Без дерзаний нет искусства», К. В. Боголюбов добавил: «Зелен камень» — одно из таких дерзаний Ликстанова».

Детгиз издал книгу в «Библиотеке научной фантастики и приключений». И в этом ее место в литературе. Она возрождала после войны жанр.

На Ликстанову обрушившаяся критика произвела тягостное впечатление. Не выдержал экзамен на

рост... «Работая над детективом,— если «З-К» детектив, я понял, какой это трудный жанр. Особенно, если хочешь дать и характер, и колорит местности. Кстати, теперь я за детектив не взялся бы, бог с ним. Гораздо лучше писать о простых, обыденных вещах», — писал он Н. А. Максимовой.

Трудно сказать, долго ли это владение бы им. Думаю, он снова пришел бы к детективу, особенно, когда жанр получил признание и занял полноправное место в литературе. От приключений же Ликстанов не отказывался, но мог отказаться, они были в его писательской натуре. Ведь в «Малышке», который начал писаться после «Зелен камня», а точнее, после его первой редакции, он не удержался и поначалу развил «золотую линию». Малышок убежал в тайгу, в Синий туман,— добыть много золота, чтобы вместе с друзьями купить на него много танков, которые сокрушат фашистов. Но найдя эту линию лишней, запутывавшей повесть, Ликстанов вычеркнул ее, хотя признавался в письме, что она ему очень нравилась. «Повесть стала стройнее не в ущерб романтике».

Романтика была душой всех его книг. В романтическом ключе начал он и последнюю, оставшуюся незаконченной, повесть для юношества «Соседка».

Он ушел из жизни в самом расцвете своего творчества, когда все больше и больше перо его оправдывало высокую и добрую характеристику Павла Петровича Бажова.

Нынче И. И. Ликстанову исполнилось бы 80 лет,

¹ В Союзе писателей Свердловска.

² В Детгизе долго читалась рукопись.

СВЕТЛЯЧКОВАЯ ПОЛЯНА

Рассказ

**Сергей
ДРУГАЛЬ**

Рисунки
Е. Стерлиговой

— От-то корова! — сказал восхищенный Олле.

Корова скосила на него огромный, с футбольный мяч, великолепный глаз и жарко вздохнула. Животному было некогда. Животное ело.

— Наша скороспелка, — Сатон погладил корову по животу.

Возле директора Института Реставрации Природы (ИРП) толпились пахнущие одеколоном отпускные волхвы и цокали языками.

— Что вы видите спереди? — продолжал Сатон. — Вы видите степь, бывшую саванну, прилегающую к лесному массиву ИРП. Видите разнотравье, сеноуборочные автоматы и конвейер, подающий дробленую смесь кукурузы, древесного пырея и кустарникового клевера. А также коровьи головы... Посмотрите, товарищи, налево.

Волхвы посмотрели. Лента конвейера с дробленой зеленью тянулась вдоль уходящего за горизонт навеса, под которым в прохладе стояли в ряд черно-белые коровы.

— Посмотрите, прошу вас, направо.

Та же бесконечная линия жующих рогатых голов, то же травяное раздолье.

— Что мы видим сзади? — Сатон и волхвы обошли корову. — Мы видим вымя диаметром полтора метра, видим присоски доильного аппарата и навозоуборочный конвейер. Еда и дойка идут непрерывно. От каждой коровы молоко, примерно триста литров в сутки, поступает в молокопровод и подается на завод. — Сатон махнул рукой куда-то в сторону. — Вот и все.

Огромные, от земли до рогов метра два, коровы мерно жевали, слышалось тяжелое хрумканье, дергались присоски, и журчало в трубах молоко. Вокруг шныряли, надеясь на случайную утечку, взволнованные коты.

Необозримая, густо пахнувшая шеренга рогатых колоссов — это зрелище потрясло воображение. Сатон был доволен произведенным впечатлением.

— Лесостепь, саванну мы осваиваем всего третий год, — сказал он. — И вот первый результат, а? Скороспелку вывели наши генетики: побочный продукт деятельности института. Мутанты. Два приплода за год... Э, вы еще быка не видели! Танкер.

Он оглядел постепенно мрачающих волхвов. Их коричневые лица с белыми пятнами недавно обритых бород и усов были сосредоточены.

— Ну, — Сатон достал темные очки, спрятал за ними глаза. Так он всегда делал перед спором. — Я же знаю, о чем вы думаете!

— То-то и оно, — сказал старший из волхвов, единственный небритый, заросший жутким волосом. — Вытягиваем соки из почвы. Непрерывная косовица... Надолго ли земли хватит?

— Плодородие мы возвращаем. Навоз идет в землю, вводим стимулирующие добавки, нормированное орошение. Экологический баланс сохраняется.

— Не знаю, мастер. И вы не знаете. От этих стимуляторов, от мутагенов в лесу сейчас такое творится, сам черт не разберет. А нас, смотрителей, мало...

— О штатах мы еще поговорим, но в целом за массив я спокоен. В лесу реставрация идет полным ходом. А с годами все уляжется, уравновесится и придет в естественную норму.

— Э, мастер Сатон, — волхв погладил бороду, и Олле не к месту отметил, что уже в третьей партии встречает принципиальных противников бритья. — Эти мясомолочные монстры нужны, не спорю. Но они, пусти их в поле, откинут копыта, ибо к природе отношения не имеют. Господи, жуют-то как!

— Не согласен. Да, эта корова рассчитана на автокормление, и в поле ей делать нечего, она быстрее объедает растительность, чем передвигается. Но так или иначе — она живая и, следовательно, часть природы. У нас даже кибер в природу вписался.

— Я и говорю, к реставрации эта худоба отношения не имеет. Настоящий зверь многофункционален, он сам по себе, а этой без человека не прожить. И потом, как вы определите момент, когда надо поставить точку, сказать: вот теперь все, реставрация закончена? Сейчас в массиве мы сталкиваемся с такими чудесами, что порой оторопь берет. Порой думаешь: может, мы перемудрили, перереставрировали?

Рыжий кот повис на присоске, как гимнаст на перекладине. Олле машинально смахнул его, прислушиваясь к беседе. Диспуты, подобные этому, велись уже несколько лет, с тех пор, как неудержимо стала увеличиваться площадь лесов, затопляя мелкие города и поселки. Человечество уступало землю зеленому хозяину. Пока, но до каких пор?

— Ломать — не строить! — говорил на Совете экологов Сатон. — В свое время мы весьма успешно оголяли землю, и что? Вспомните, во что обошлись человечеству перестройка промышленности на безотходное производство, отказ от тепловой энергетики, наконец, изменение социальной психологии, еще, увы, далеко не завершенное. Я спокоен за новое поколение: миллионы детей проходят дошкольное воспитание при наших центрах реставрации и привыкают уважать живое и сущее. Но меня страшат рецидивы потребительского отношения к природе у нас: взять сейчас! А кто будет отдавать? Наши потомки? Поэтому давайте думать, давайте семь раз отмерять, прежде чем один раз отрезать.

Волхвы усаживались в махолеты и взлетали по одному. В вышине они построились компактным треугольником, и Сатон повел их в сторону океана. Видимо, показывать прибрежный шельф и хвастаться достижениями ихтиологов.

Когда очередная группа волхвов выходила из леса, Сатон всегда устраивал эти ставшие почти ритуальными экскурсии. Он лично знал каждого из волхвов, сильно уважал за подвижность и всякий раз отчитывался перед ними о работе, сделанной Институтом за время их отсутствия.

Встречный воздух тихо шелестел в оперении крыльев, и только при неожиданных порывах легкого ветерка приходилось выравнивать аппарат. Труднее всего это было делать псу — держать равновесие, — и Гром иногда сопел и взлаивал. Нури подумал, что с земли странно, наверное, слышать этот лай в ночном небе.

Полная луна заливала лес призрачным серебристым светом. Частые поляны смотрелись как белесые озера: туман скрывал траву и низкий кустарник. Опираясь на спинку сиденья махолета, Олле держал руки на крыльях и усиливал

взмахи, слившись воедино с аппаратом-птицей. И так при каждом патрулировании, думал Нури. Энергии ему девать некуда... Откажи синтмышцы махолета, Олле, наверное, смог бы лететь своими силами. Пес, в непривычном глазу аппарате, лежал брюхом на мягкой подвеске, лапы его в браслетах биоуправления свешивались наружу и непроизвольно шевелились. Нури улыбнулся, вспомнив ту радостную суматоху, которую подняли его воспитанники из старшей группы, когда он поставил задачу сделать махолет для пса. И ведь справились; если он и помог, то самую чуточку. Гром отличный пес, но воображение у него нулевое, куда там птицей себя представить. Для Грома мир делится на собак и прочих. К собакам, как установили ребята, сняв рабочую энцефалограмму, относятся Олле, Иван, все ползунки и кое-кто из семилетних. Нури тоже относится к собакам, спасибо, удостоился... Пришлось ребятам перестраивать систему биоуправления, использовать, как они говорили, догоняльный рефлекс. И вот летит. Рядом с хозяином.

Нури сильными взмахами поднялся выше, заложил, снижаясь, крутой вираж. Просто так, от радости, от ощущения полета, от того, что внизу был черный лес, а вверх луна, а рядом друзья — Олле и Гром. Хороший пес, умный пес.

Лесной массив, который они патрулировали, тянулся на сотню километров вдоль побережья океана и в глубь материка. Иногда проплывали внизу опустевшие поселки, мерцавшие синевой фотоэлементов на плоских крышах. Улицы, заметные днем, ночью с высоты почти не различались, скрытые растительностью. А ведь всего несколько лет назад многие поселки лежали далеко за пределами лесного массива.

Постепенно светлело, и очертились ломаные силуэты гор на востоке. Потом Нури и Олле почти одновременно заметили оранжевый мигающий огонек на их фоне и взяли курс на него, оставив справа островной массив запретного Заколдованного Леса.

Сотрудники Института избегали пользоваться открытым огнем, и костер ночью мог означать любую беду — болезнь, выход из строя системы жизнеобеспечения у дровосека или волхва, поломку прибора связи...

Снизу доносились шумы пробуждающегося леса, мало знакомые Нури, но понятные Олле, наверное, последнему на земле охотнику. Тихо двигалась лента на указателе состояния растительности и почвы, и иногда вздрагивал писчик, ломая прямизну линии: здесь очаг поражения грибок, а вот здесь невидимый сверху ручей вынес откуда-то порцию вредной дряни. Завтра ленту изучат биологи и примут меры: ликвидируют грибок, а ручей отсосут или временно перекроют.

Поляна внизу горела изменчивым белым пламенем: призрачно светились цветы на низком кустарнике, сгущались и с тихим звоном таяли клубящиеся облачка, рассыпались тысячами огоньков.

— Светлячковая поляна,— шепотом сказал Нури.— Ты видел подобное?

— Однажды...— Олле не договорил. Что-то просвистело в воздухе, послышался звук мягкого удара.— Извини, но, по-моему, у меня пробита ладонь. Вернее, крыло. Взгляни, что там?

Он выпрямил кренящийся аппарат и перешел на планирующий полет, снижаясь кругами. Пес держался рядом, как привязанный.

Нури в коротком пике зашел снизу и увидел: почти в середине крыла торчала оперенная стрела, и стекала по ней подкрашенная глюкоза — голубая кровь синтмышц махолета.

Они приземлились в середине поляны, и, пока Олле, поминутно потирая саднящую ладонь,— реакция на пробитое крыло,— высвобождал от браслетов пса, Нури огляделся. На поляне было светло от мириадом роящихся светлячков, и белый предутренний туман почти скрывал склоненного Олле. Удерживая за ошейник рычащего пса, он протянул бамбуковую стрелу с обожженным наконечником, взглянул в глаза Нури:

— Что это с тобой?

— Мамочка моя,— сказал Нури.— Питекантроп!

Это уже потом они рассмотрели мосластые руки, кривоватые ноги и патлатые нечесанные головы. Потом. А сейчас повеяло на них неизвестной дремучестью и угрозой от приземистой, без шеи, фигуры. В отведенной назад руке, готовый к броску, питекантроп держал копьё.

— Гром, следить! Следить! — неожиданно высоким голосом прокричал Олле, перехватывая на лету копьё. Нури успел заметить, как молча метнулся в сторону и исчез пес, и тут же на них с воем и уханьем навалились со всех сторон, словно изверженные туманом, питекантропы, хватая за плечи, за ноги и норовя укусить куда попало.

Сокрушая чьи-то носы и челюсти, Нури увидел, как, неся на себе груды тел, шагнул к нему Олле, и услышал его восторженный вопль:

— Сдавайся, Нури!

Под руками Нури смачно стукнулись лбами и помертвели на миг двое самых nastyрных нападающих.

— Я вас отучу кусаться!

— Не трогай предков, говорю тебе! Тоже мне, герой нашелся. Делай, как я! — гневно взревел Олле и свалился, увлекая за собой сопящую ораву.

— Дошло,— ответил Нури.— Сдаюсь!

Их связали. Точнее, привязали веревками из прочного лыка к толстым бамбуковым стволам и понесли по каким-то мало хоженным тропам. Следом, усадив на закорки, несли питекантропы и своих поврежденных в драке с Нури соплеменников.

— Держите меня, если я хоть что-нибудь понимаю,— сказал Нури и, глядя вверх перед собой, добавил: — Волхвы такого учинить не могли. Нет, не могли,— он напряг мышцы, привязан крепко.— Одичавшие научные сотрудники?

Олле реагировал по-иному. Он растягивал слова, он почти пел, радуясь уникальной возможности изучить дикарей в лесу, породившем эту волосатую прелесть. Обычно молчаливый, Олле не жалел слов.

— Сюрприз Сатону, новость принесем!

— Пока что несут нас...

— Пускай несут, голубчики, пускай,— тут Олле сбился с белого стиха и задумчиво добавил: — Понять не могу, откуда у них эти бамбуковые стволы. Они что, заранее знали, что нас привязывать будут, а?

Ощувив пинок босой ногой в зад, Олле скосил глаза, увидел неприветливую физиономию с оскаленными не в улыбке зубами и замолк.

Легко приказать: следи. А Старший будет драться один, какие там зубы у Нури? А этих, незнакомо пахнущих, их много. Почему Старший велит Нури прекратить драку? Почему дает связать себя?

Гром заскулил и тут же смолк: сказано, следи. И пес, покорный долгу, крался рядом с первыми двумя, несущими привязанного к стволу Олле. Оставаться невидимым и неслышимым было легко, враги шумно дышали и перекликались. Гром крался и ждал, когда Старший крикнет желанное: фас! И тогда можно будет дать волю кликам.

Мутант Гром был догом чистых кровей, хотя ни один кинолог не признал бы этого. В меру лохматый, с блестящей шерстью, ухоженный пес был ростом чуть не по пояс гиганту Олле. Когда-то в помете он был единственным детенышем, и случайно зашедший в лабораторию Олле долго дивился на это глазастое и зубастое чудо. А потом просил хирургов-генетиков отдать ему щенка на воспитание.

— Берите! Мать все равно отказалась кормить его.

— И правильно. Сколько можно? Месяц, ну два, от силы. Зубов-то, как у рояля, в два ряда.

Хирурги вежливо посмеялись:

— Что вы, Олле? Ему неделя от роду.

Щенок, наступая на собственные лапы, приковылял к Олле и гавкнул басом.

— Гром! — воскликнул очарованный Олле. Щенок куснул его за палец.

Они явились за щенком через три дня — Олле и конь. Олле нес огромный рюкзак, а между вьюками на спине коня было прочно привязано деревянное корыто. Щенка вынесли, усадили в корыто на сухую траву и накрыли тряпками, после чего Олле тепло благодарил генетиков.

— И до нескорого свидания,— сказал он.— Я взял себе длительный отпуск.

С этими словами они ушли в лес и на вторые сутки в полдень добрались до гряды холмов, за озером Отшельника, где мало кто бывал. В нагромождении скал Олле отыскал вход в знакомый грот, услышал глухое рычание и, удовлетворенный, снял вьюк с коня. Потом, невдалеке от текущего рядом ручья, он поставил палатку, разложил вещи, вымылся, переложил в мешок сонного щенка, набрал в корыто воды, бросил туда термотаблетку и вошел в грот, узкий и длинный. Не обращая внимания на громкое фырканье, он прилепил к стене светильник и увидел тигрицу. Она лежала в стороне от входа, щуря глаза и грозно ощериваясь. Рядом копошились два полосатых тигренка, месяцев трех от роду.

Волевым усилием Олле смирил ее первый порыв — кинуться на пришельца — и присел на корточки. Глаза в глаза. Он заговорил спокойно, монотонно, чувствуя, как каменеют мышцы лица и рук, воспринимая сопротивление хищника вторжению чужой воли.

— Ты меня должна знать, ты обо мне слышала, да? Я принес тебе еще одного детеныша, черного и зубастого. Ты дашь ему свое молоко, а я буду кормить тебя и беречь твоих тигрят...

Работать с кошачьими всегда было трудно, а детная тигрица, живущая во власти инстинкта материнства, вообще была неподходящим для таких опытов объектом.

Через несколько трудных минут Олле поднял тяжелые руки, накрыл ладонями глаза тигрицы и вздрогнул от ощущения возникшего контакта. Это мгновение пришло само. Олле уловил его по тому, как непроизвольно расслабились мышцы его и зверя. Он вытер пот со лба и встал. Тигрица лежала с закрытыми глазами, уронив голову на мягкие и такие нестрашные лапы.

Олле ухватил тигрят за шиворот, вынес шипящих на свет и посадил в корыто. В теплой воде детеныши успокоились. Олле вымыл их, выжал в корыто воду с лап и толстых у основания хвостов, обтер вафельным полотенцем, уложил возле матери и в той же воде тщательно искупал щенка. Когда тигрица проснулась, новый детеныш уже присосался к ней, знакомо надавливая на живот то одной, то другой лапой. Тигрица обнюхала его, пахнет по-родному. Ну, а что рубашечка другого цвета, какая в общем

разница. Ткнув носом, она перевернула на спину нового ребенка и облизала тугое щенячье брюшко. Олле передохнул и рассмеялся. Гром будет жить.

В этой операции Олле выделил три момента.

— Покажите мне свору в сто голов, и если в ней есть искусственник — я обнаружу его. Мог ли я допустить, чтобы мой пес всю жизнь носил на морде печать искусственника? Не мог. Далее. Десятки раз я читал, как собака выкармливала осиротевших львят, тигрят и даже поросят. Я не против свиней, у меня есть знакомый бородавочник, и его нельзя не уважать. Подложив щенка тигрице, я только восстановил справедливость. И третье — экзотика. Согласитесь, иметь пса, вскормленного тигрицей, — это приятно. Впрочем... — здесь обычно Олле надолго задумывался. — У Грома о тех днях более приятные воспоминания, чем у меня...

Привезенных с собой газельих потрохов хватило бы надолго, но на четвертые сутки, попив из ручки, тигрица так долго желтым взглядом смотрела на коня, что Олле понял: с газельими потрохами покончено, нормальный хищник консервами жить не будет. Олле отложил в сторону учебник кинологии, поднес к нежному носу тигрицы каменный кулак и молвил:

— Не испытывай судьбу, поняла?

Обнюхав кулак, хищница скрылась в густой траве в распадке, и ее не было целый день. А вскоре из грота, яко наг яко благ, вылез щенок и захныкал, требуя еды. За ним появились тигрячьи дети. Все трое жались к ногам, суетились и лезли в костер, на котором Олле стал спешно готовить приварок — жуткую смесь из крошенных потрохов и сгущенного молока. Поев теплое варезо, детеныши тут же у корыта заснули. Олле промокнул им морды, отнес на место и заварил новую порцию, чтобы снова кормить голодных, когда проснутся.

И начались веселые деньки. Олле жил озабоченный, как кот в овощехранилище. Тигрица уходила и приходила, когда хотела. На него внимания не обращала, не позволяла чесать за ухом, угощением пренебрегала. Не то, чтобы дареный кусок ей в горло не лез, ведь ела же в первые дни, но, видимо, предпочитала свежатину, благо дичь вокруг кишмя кишела.

Вобщем же хищница избегала появляться на глаза. Логово уже не казалось ей безопасным рядом с чужим становищем, и только детеныши побуждали ее возвращаться. Ночами она часто бродила неподалеку, Олле ощущал ее биополе, и трудно было удерживать ее на расстоянии. Ломку же инстинктов он считал недопустимой и незтичной. Конь неренничал, плохо понимая действия хозяина, сам Олле спал вполглаза и изрядно отощал.

— Так до того дня, пока Гром, поев из корыта, больше не вернулся в грот. Грудной период кончился. Святые дриады! Я свернул свое барахло, и мы ушли, не попрощавшись. Отшельник принял нас с радостью, но на второй день стал скучным: все пригодное для жевания жевалось, для разрывания — разрывалось. И тогда я построил шалаш на берегу озера под древней акацией...

Олле сразу стало гораздо легче. Щенок рос на приволье. Любил гонять по берегу коня, хватал его за хвост и гриву, а так как еще не умел соразмерять в игре силы, то иногда кусался больно. Тогда конь брал его зубами за шкуру и бросал в воду. Из глубины тут же возникал замшелый Геннадий, жутко щелкал челюстями. Подвывая и захлебываясь, щенок выбирался на берег, бежал к Олле, жаловался на коня и крокодила и бывал утешен котелком молока с ржаными сухарями.

Генетические изменения первые три месяца были слабо выражены, разве что небывалый аппетит да темпы роста. За это время Гром достиг размеров взрослого дога и продолжал расти. А потом как-то сразу живот его впал, и он вроде как в одночасье обволосател, покрывшись черной, в завитках, шерстью. Щенок превратился в пса-подростка. Теперь он больше времени проводил в игре с Олле. Он забирался в чащу, где мягкий мох делал неслышными шаги, а кусты давали укрытие, и ждал, чтобы Олле — Старший — нашел его. Старший находил. По сопению, слышному, когда пес старался затаить дыхание, по блеску глаз, которые следили из черноты, по дрожанию листвы, ибо хвост, хоть откуси, не мог не шевелиться.

Потом прятался Старший, и пес скачками метался по лесу, путаясь в следах. Вот он, был след и нет его. Исчез. Совсем. Гром взлаивал, а из чащи, уже незнакомой и грозной, кто-то тихо крался к нему. А тут еще паутина налипла на ноздри, и хватали за бока колючки. Жутко в лесу без Старшего. Но вот сверху доносится его смех — и над головой пролетает, держась за лиану, Олле. Пес запоминает урок: нюхай не только землю, нюхай воздух. И хотя шарахаются от него, уступают дорогу все встречные, чужа восаннный с молоком тигриний запах, но еще не скоро Гром станет хозяином в саванне и джунглях.

В саванне, куда ушли они вдвоем, оставив коня на попечение Отшельника, было жарко. К тому же Олле бежал, презрев расстояния, и исчезал порой в знойном мареве, и приходилось его догонять, высунув шершавый от жажды язык. Старший не знает усталости, он самый выносливый...

Окольцовывая в саванне страусов, Олле на-

девал на левую руку десяток звенящих браслетов, велел псу лежать и смотреть. Старший движется малым ходом в открытую, а страусы спокойно поглядывают на него свысока, ковыряясь в песке... Ход кольцевания Олле комментировал так:

— Птица высокомерная. Уверена в своей быстроногости. Полагает, что всегда сбежать успеет. Еще бы, семьдесят километров в час, почти двадцать метров в секунду! Куда там прочим двуногим — это она так обо мне думает. И тут я кидаюсь с места. Маленькая суматоха, заминка, птица от меня, но я уже — за ногу и за вторую. Секунда — кольцо защелкнуто. Рывок в сторону, а то пнет... Вообще, скажу вам, если бы страус умел пинаться с разбегу, весь ход эволюции мог бы стать иным. К счастью — не умеет.

Старший самый быстрый, от него не убежишь, за ним не угонишься...

Однажды Гром, насмотревшись, как это делается, вылез из-за невысокого бархана и фланкирующей походкой направился к одинокому страусу. До лихого прыжка оставалась пара мгновений, но тут страус шагнул навстречу. Пес был пнут в бок. Пес был клонут в лоб. Пес корчился на песке, а страус — налево кругом — ушел, самоуверенно подрагивая толстыми окошками.

На визг прибежал Олле и спас пса. Он сорвал с куста лист, поплевал на него и прилепнул на лоб. Голове стало легче. Он отнес пса в палатку и дал воды. Еще полегло. Он положил пса на здоровый бок и долго гладил ушибленный, приговаривая:

— Дите малое, неразумное...

Стало совсем хорошо. Так бы лежать и ложать...

Олле испугался. Он смотрел в замутненные болью щенячьи глаза и винил себя за недогляд. Удар был страшен. Олле осторожно трогал отек, принимая боль на себя. Он умел это делать. Если очень захочешь, можно уменьшить чужую боль, разделив ее.

Остаток дня и всю ночь просидел Олле рядом со своей собакой. Утром Гром пришел в себя, лизнул руку, напился и заснул спокойно, успев подумать: Старший — он самый добрый, добрее быть не может.

Пес выжил, и это хорошо. Ибо какой может быть охотник без собаки? А заводить другую собаку Олле не стал бы, это уж точно.

У догорающего костра недалеко от овального входа в пещеру одиноко сидел по-турецки бородатый нечесаный вождь. Был он гол по пояс, и только короткое, до колен, кожаное исподнее, мехом внутрь, украшало его массивную фигуру. Он без интереса, скорее с досадой, взглянул на пленников — их бросили рядом — и осмотрел вспухшие лбы и носы.

— Ох! — говорил потерпевший, тыча перстом в синяк.

— Ах! — добавлял другой.

— Эх! — подытожил укоризненно вождь.

— Что-то они сегодня разговорились, — не выдержал Нури. — Что-то разболтались. Ты можешь лежать, если тебе так удобнее, а у меня руки-ноги затекли.

— Ух! — крикнул по-питекантропски Олле, разорвав веревки и вскакивая. Нури уже стоял рядом. Питекантропы мгновенно охватили их кольцом, ошметинились копьями. Сверху, со скалы, донеслось тревожное рычание Грома.

— Дикае люди, — Нури сел на землю, демонстрируя готовность претерпеть. — Сейчас нас съедят. А я уже привык жить.

— Начальство на это не пойдет. — Олле проводил взглядом двух питекантропов, которые подхватили и унесли в пещеру свободные теперь бамбуковые стволы. Вождь, действительно, пробормотал что-то успокаивающее, и копья опустились. На пленников еще поглядывали настороженно, но никто не препятствовал, когда они подошли к костру.

Просторная, ровная, очищенная от камней площадка у входа в пещеру раскинулась, возвышаясь над лесом, окаймленная слоистыми скалами. В стороне небольшой водопад вливался в прозрачное озерцо, и цвели нарциссы, удивительные на этой каменистой почве. Раннее солнце освещало вершины скал, уже светлела зелень леса внизу, и стала видна выложенная цветной галькой дорожка от пещеры к водопаду. В противоположной стороне у покрытого

цветами разлапистого дерева высился штабель ломаного сушняка, лежала солидная горка кокосовых орехов, а на нижних сучьях висели длинные гроздь бананов.

Откуда-то возник питекантропий мальчишка с большой раковиной в руке. Он поднес раковину к губам и затрубил, надувая щеки. Из темного входа один за другим побежали питекантропы, с жизнерадостным уханьем кидаясь в озерцо.

— Семнадцать особей в возрасте от трех лет и более, — подытожил Олле. — Да десять человек, которые нас захватили.

— Итого с вождем двадцать восемь.

Вождь встал, протянул снятый с Олле нож в ножнах. Олле с сомнением оглядел кривую фигуру, нечесаную бороду, растущую прямо от глаз, повесил на пояс нож и медленно проговорил:

— Нет. Его либо вообще считать не следует, либо сразу за четверых.

— Как это? — удивился Нури.

Глаза вождя спрятались под кустистыми бровями. Он жестом пригласил пленников в пещеру, и Олле, пожав плечами, молча шагнул вперед.

Первое, что поражало в пещере, — свет. Он мерцал белыми пятнами на стенах, ровные участки которых были разрисованы бегущими человечками, оленями, слонами и полосатыми черно-желтыми тиграми. На душе Нури сразу потеплело — эта живопись почти не отличалась от рисунков его воспитанников из младшей группы. Та же непосредственность, тот же размах и гордое пренебрежение деталями.

И второе — запах. Сложный терпкий запах сухих трав. Пучки их висели на веревках, растянутых между редкими сталагмитами, лежали у стен. Наметанным взглядом и по запаху Олле различал дудник лесной, пион уклоняющийся, очиток пурпуровый, зверобой продырявленный, лапчатку прямостоячую, козлородник луговой, вороний глаз, василистник малый, горец почечуйный, проломник нитевидный, синеголовик плоскостный, череду трехраздельную и даже крапиву двудомную из семейства крапивных. Были там и мало известные людям травы, которыми лечатся кошки, собаки и другие приболевшие животные. Целая лесная аптека разместилась в пещере.

Два питекантропа плоскими острыми камнями соскабливали со стены слабо светящийся налет. Потом долго размазывали по стене принесенную в раковине смолу дикой вишни. Вытащив из бамбукового ствола лыковую затычку, они доставали из него светящихся жуков и быстро приклеивали к смоле. Работа спорилась, и вскоре этот участок стены засветился настолько ярко, что на гладкий глиняный пол легли незаметные ранее тени. Светящееся пятнышко

придвинулось к ногам Олле, он наклонился, поднял.

— Жук какуюс! — жук суетился на ладони, то затухая, то снова разгораясь переменчивым огоньком. Олле стряхнул его. — Снимаю шляпу, если они это сами придумали. Но с другой стороны, у них не было иного выхода. При свете коптящего факела не очень-то порисуешь, а рисовать, видимо, хочется... Вот и разгадка, зачем они тащили на светлячковую поляну бамбуковые стволы.

Вождь спокойно ждал, пока Олле и Нури ознакомятся с обстановкой, осмотрят покрытые шкурами лежа из мягкой сухой травы, большие плоские раковины, в порядке сложенные в уголке, висащие на кольшках деревянные луки, оперенные стрелы с обожженными концами.

В пещере был свой микроклимат, дышалось легко и приятно, прохладой веяло из соседнего помещения — видимо, пещера продолжалась в глубь хребта.

Вождь повернул к выходу, давая понять, что здесь больше смотреть нечего. А снаружи была в разгаре утренняя трапеза.

Сначала, как и положено, кормили малолеток. Для этого на плоском камне дробились ядра грецкого ореха и полуфундука, потом срубалась обсидиановым довольно острым топориком макушка кокосового ореха, туда засыпалась дробленая масса, все перемешивалось прутиком и елось через край. На закуску каждому малышу, а было их всего три, выдали по банану и дольке папайи. Нури прикинул раскладку и решил, что завтрак достаточен по количеству и калориям, что наши предки питались совсем неплохо. Сытно, и живот не оттопыривается.

Накормив малышей и пригласив жестами пленников, уселись в кружок и ели остальные. Поражало разнообразие и непохожесть лиц: казалось, в эту длинноволосую нечесаную компанию собрались случайно представители разных племен.

— И все же общего много, — сказал задумчиво Нури. — Малый рост, широкие носы, выраженные подбородки, правда, не у всех... Но... Обезьяньи надбровные дуги, низкие лбы, отсутствие рельефной мускулатуры: сплошные сухожилия... Не знаю.

— Главное не это, — Олле поверх ореха уставлялся с интересом в переносицу вождя. — Главное — это полное отсутствие взрослых. Как по-твоему, сколько будет старшему?

— Я бы дал лет пятнадцать плюс минус один-два года, не более, — Нури неожиданно покраснел. — Ты что ж это, — он вскопчил, — сразу понял, да? Сразу?

— Откуда? В такой суматохе? До меня только сейчас дошло.

Воспитатель Нури отошел в сторону, сел на

землю и, стыдясь самого себя, погрузился в сумрачное раздумье. Происшествие на светлячковой поляне виделось теперь совсем по-иному, и не было в нем первоначальной лихости — раззудись, плечо, размахнись, рука. А была драка с детьми, и страшно подумать, что могло бы случиться, если бы не Олле с его криком: сдавайся!

— Не казись... Пятнадцать — еще не известно, много это или мало. А может, это у них самый зрелый возраст? И взгляни на этих деток, крепыши, здоровяки без признаков рахита. Полагаю, никому из них подзатыльник лишним не будет. Что это они себе на лбы налепили? Ага, лепешки из жеваного тимьяна ползучего... Ну и правильно, лбы крепче будут. Подумаешь, обменялись парой оплеух...

— Неравноценный обмен, — пробормотал Нури.

— Ну, если только это — можно помочь. Вставай, я тебя о вождя лбом ткну. Всю жизнь благодарить будешь, если сможешь, — загорелся Олле.

Тем временем питекантропы собрали отходы, сбросили со скалы и подмели площадку. Потом двое с копьями и двое с луками ушли вниз и словно растворились в лесу.

— Чистюли, — Нури постепенно оправлялся от шока. — Только пылесоса не хватает.

— А ты думал — наши предки в грязи тонули? Кошка — и та по пять раз в день умывается. Воробей ни одной лужи не пропустит, купаться лезет... Первой заботой первого человека была забота о чистоте. Иначе он бы просто не выжил, не сохранился как вид. Да и на охоту надо чистым ходить, чем меньше запаха, тем лучше. Грязь — это уже потом появилась, когда кое-кто получил возможность жить, не работая. И стал грязным от лени. Трудящийся всегда стремился к чистоте, а питекантроп с самого начала был трудящимся...

А на площадку уже притащили мохнатую шкуру, накрыли ею кучу хвороста и устроили состязания в стрельбе из лука. Вождь ни во что не вмешивался. Он лишь протянул Олле корявый лук с толстой тетивой из крученой кишки и полутораметровую бамбуковую стрелу, приглашая принять участие в игре.

Стреляли метров с двадцати. Выходил приземистый стрелок; втянув голову в плечи и сутулясь, работал сразу двумя руками: левой подавал вперед лук, правой натягивал тетиву. Олле заметил, что каждый целился точно в середину шкуры, причем стрела лежала справа от древка лука на оттопыренном большом пальце. Естественно, стрела обычно не долетала, втыкаясь в землю метрах в двух от шкуры. Тогда поднимались горестный визг и уханье, и кто-нибудь из младших бежал поднять стрелу... Олле опробовал лук, подивился силе питекант-

ропов, справляющихся с ним, и отошел на край площадки. До мишени теперь было метров пятьдесят. Вождь коротко сказал что-то, и все столпились вокруг Олле, наблюдая.

Олле вытянул левую руку с луком, положил стрелу слева от вертикально поставленного древка, натянул тетиву, пока не коснулся фалангой большого пальца скулы под глазом. Было безветренно, и он, целясь по центру шкуры, взял метра на четыре выше. Стрела со свистом, описав пологую дугу, вонзилась в середину мишени. Окружающие восторженно взвыли и, гулко хлопая себя по плечам, пустились в пляс, с милой непосредственностью радуясь чужому успеху. Все, кроме вождя и Нури. Вождь плясать не стал, он подал новую стрелу, а Нури сказал:

— Вот! Теперь ты должен научить их своему искусству.

— Пouchим.

— Разъяснить, что вдаль стрела летит по баллистической кривой...

— Это уж само собой.

— Что только в одном случае надо бить в середину мишени — когда стреляешь отвесно вверх.

— Не в середину, скорость тела надо учесть. Впрочем, это они и сами знают, иначе мы бы не были здесь...

Питекантропы все схватывали с ходу, обнаруживая явную склонность к прогрессу. Ноги на ширине плеч, ступни под прямым углом, поворот налево, корпус прямо, голова слегка откинута назад, рука с луком неподвижна... Корпус и голова — это не получалось, сколько Олле не бился.

— Пустяки, — утешил Нури. — Какой-нибудь десяток тысяч лет, и они выпрямятся. Не мучай людей зря, оставь что-нибудь для эволюции.

Утомившись от занятий, полезли купаться. И малыши, и старшие подолгу плавали у дна, собирая цветную гальку. Вообще, под водой они двигались более уверенно, чем на поверхности, где господствовал один стиль: по-собачьи. Зато пленники продемонстрировали разные манеры плавания — кроль, брасс, баттерфляй, дельфин, каракатица и угорь. Понравился брасс как самый простой и экономный. Еще не все успели посинеть и покрыться мурашками, а новая манера плавания уже была освоена.

— Отличные ребята, — согреваясь на теплом камне, констатировал Олле. — Только с речью и мимикой у них неважно. Но жестикация просто поразительная!

В этом Олле разбирался: его труды по мимике и жесту древних народов Средиземноморья давно стали классическими. А после того, как на всепланетном празднике сожжения ружей он выступил с этюдом о раненой птице, двое великих мимов стали звать его почтительно — мастер.

— Речь? — Нури задумался. — Порой мне кажется, что язык жестов сложнее. Помнишь, ты давал моим ребятам уроки раскованной мимики... Я пытался подражать им, не получается. Почему?

Олле не ответил: снизу по тропе поднялись четверо охотников, неся на шесте средних размеров антилопу. Они свалили ее у костра и стали разделявать. Глядя, как они орудут кусками обсидиана — жалкими подобиями ножа, — Олле не выдержал.

— Вот это зря, — он смотрел перед собой и мимо вождя. — Если уж вы смастерили для них луки и сами пользуетесь зажигалкой, разводя костер, то иметь в хозяйстве хороший нож просто необходимо.

— Это верно, — сказал вождь по-русски. — Это наша недоработка. Но кто знает, где и в чем допустимо вмешательство в эволюцию? Кстати, вас я знаю, а меня зовут Евгений Петрович. Волхв я.

— Вы уже вмешались! А где остальные?

— Один в отпуске, двое в массиве. Как вы догадались?

— Значит, четверо. Так и думал, необходимый минимум. А догадался по бороде: ваши отпуски не бреются... Вы полагаете, они не замечают подмены?

— Не знаю. Вообще-то мы похожи.

У костра ободранную антилопу насадили на кол и соорудили нечто вроде вертела. До обеда было еще далеко, но тот, кто думает, что жарить на вертеле хотя бы барана — пара пустяков, — жестоко ошибается: дело это длительное. Повар из старших прикрыл голову красивым лопухом и занялся готовкой. А двое младших полезли на дерево, которое дополняли птицы, живущие среди синих цветов. И птицы не улетели. Пацаны, пудря носы пылью, долго нюхали цветы и сорвали самую красивую кисть. Ее потом разделили надвое и вручили Олле и Нури — видимо, в знак признания. Но это уже было позже, а пока они вели неспешный разговор с вождем о том, о сем. Как заведено между настоящими мужчинами, говорили, в основном, о работе, и вождь произнес длинный монолог.

— Вся деятельность ИРП строится на вмешательстве в природу. Мы полагаем это вмешательство благотворным, да это так и есть, если принять во внимание скудость того, что осталось нам от предыдущих поколений. Естественные процессы слишком растянуты во времени, а нам хочется скорее, хочется уже сейчас видеть землю зеленой и чистой. В центрах ИРП микробиологи ведут широкое наступление. В условиях же многостороннего внелабораторного воздействия на наследственную клетку генетические трансформации не всегда предсказуемы. У нас в лесном массиве ежедневно рождаются

мутанты — собственно, в этом основа реставрации. Ведь утраченный вид можно возродить в результате отбора среди множества мутантов. Так делала эволюция, нам, к сожалению, это удастся очень редко. И мы отбора почти не делаем, мы рады всему новому. Если уж возникло нечто жизнеспособное — пусть живет. Вы что-нибудь имеете против зебробобра? Я — нет. Иногда по единственной уцелевшей ископаемой или найденной в музее живой клетке удается восстановить животное, если удачно подобран реципиент. Вы знаете, конечно, что в одном из филиалов таким способом воссозданы мамонт и белый носорог?.. Рождаются здесь и странные химеры, вроде трагически погибшего козлокапустного гибрида, в слившихся клетках которого генетики обнаружили полный набор хромосом козла и цветной капусты. Прижилась соболиная свинья, никому не мешает вкусный зверь Волчья Сыть — полосатый от носа к хвосту, но не барсук. И все рады черничному арбузу и той корове-скоропелке, которую так любит Сатон. Что до меня, то мне милей моя привычная буренка: я сам ее дою, когда бываю дома, — Евгений Петрович славно так вздохнул и прикрыл глаза. — А ведь это все мутанты. Как и ваш, Олле, пес, который, я заметил, мается вон там на скале в одиночестве и, я знаю, хочет пить, но не решается отойти, боясь, что с вами что-нибудь плохое содеется.

— Я сам об этом все время думаю, — пробормотал Олле.

— Значит, родители этой детворы...

— Вот именно, мастер Нури, вот именно. Где-то там на хвостах раскачиваются. — Волхв махнул рукой в сторону леса. — Иногда, очень редко, мы, волхвы, в их среде обнаруживаем человеческого детеныша, мутанта в первом поколении. Мы следим за мамашей и после отнятия от груди забираем ребенка сюда, ибо негоже человеку жить среди обезьян, даже если ему всего год от роду.

— Но ведь это еще младенец! И вы сами растите и кормите? Я понимаю, конечно, год — это крайний срок, потом уже будет поздно... — Нури был взволнован до глубины души. — А ведь среди обезьян такое дитя смотрится уродом, да?

— Как всякий мутант в своей среде... Сами, конечно.

— Вы... — Нури не находил слов. — Вы герои, дорогие товарищи!

— Благодарю вас, мастер Нури. Очень верное наблюдение, — Евгений Петрович потупился. — Но это сначала, потом стало легче. Сейчас мы уже все вместе и кормим, и воспитываем. Уже сложился коллектив вентов.

— Вентов?

— Составное от «венец творения». Хорошо, а? Плохо, что за последние два года мы не на-

шли больше ни одного ребенка. А бывало, приносили сюда двух и даже трех за год. Следим мы сейчас за одной мамашей, у нее обнадёживающий малыш...

— Вас всего четверо?

— Да. Кроме меня еще врач, палеозоолог и лингвист.

— И все же... Почему вы держите это в тайне?

— Ничего мы не держим. Просто работаем, сводя свое вмешательство к возможному минимуму. Это самое трудное — не вмешиваться. И никакой учебы, только показ на собственном примере... Живем среди них, полагая, что лучшего способа познать жизнь перволовцев быть не может. У нас четкая обширная программа, и мы ее выполняем. Или вы сомневаетесь в нашей компетенции?

Олле не сомневался. Он еще не встречал волхва, не имеющего докторской степени.

— Пока мы справляемся сами, понадобятся еще люди — привлечем. И нет ни одного довода в пользу огласки. Изъять вентов отсюда? Но это значит лишить их жизненной среды. Среди нас, в городах, они жить не могут. Так что же, содержать в вольерах? Превратить в подопытные объекты в лабораториях? Ну, предлагайте! Здесь их племя, свое братство, в котором они вырастают до человека...

День уходил незаметно в трудах и заботах. Венты воистину в поте лица добывали хлеб свой насущный, не ища работу, но и не отлынивая от нее. Среди них не было главного, если не считать Евгения Петровича, который трудился на равных и иногда исполнял роль советчика. Олле и Нури как-то сразу вписались в коллектив. Венты с неназойливым любопытством приглядывались к ним, жестом приглашая принять участие в еде или работе. А заняты были все — от мала до велика, и исчезло, растворилось в деле первоначальное ощущение дремучести. Нури видел своеобразную грацию в угловатых движениях жилистых рук, занятых переборкой ягод или низыванием грибов на прутья, или плетением корзин, неуклюжих, но вместительных и прочных. В корзины ссыпали подвяленные на солнце ягоды и фрукты и уносили в пещеру во второй зал, где было темно и холодно. Венты были дружелюбны между собой и ласковы с младшими, конфликты в этом коллективе начисто отсутствовали.

— Похоже, они поют?

— Переговариваются, мастер Нури. Язык мы только создаем. И знаете, достаточно пока ста слов для общения. Это не моя сфера, но наш лингвист, теперь уже палеолингвист, утверждает, что особенности строения органов речи у вентов затрудняют произношение согласных. Отсюда вынужденная певучесть языка: а, о, у, ы, э... Очень сложное дело — отбор слов дей-

ствительно необходимых: наше, работа, на, возьми, хорошо, друг... Мы не спешим, но постепенно расширяем лексикон, ибо замечаем у вентов рост потребности поделиться радостью.

Двое ребят промывали кишки в ручье, вытекающем из озерца, и привязывали их к нижним сучьям дерева. К другому концу крепилась палка, кишка с силой закручивалась и оставлялась для просыхания.

— Заготовка для тетивы.

— А что, нельзя все это доставить из центра в готовом виде?

— То есть взять на иждивение? — Евгений Петрович долго молчал. — И воспитать племя паразитов, отлучив их от труда с самого начала. Мы не рискнули на такой нечеловеческий эксперимент... Лес снабжает нас всем необходимым. Мяса хватает круглый год — живем среди дичи. Фрукты и ягоды запасаем. Добываем и дикий мед, но не вдоволь, и это правильно: лакомство — оно и должно быть лакомством... Слушайте, Олле, ну что вы мучаете животное?

— А можно? А они как?

— Я разъяснил, что у вас есть друг. И они поняли, венты. К некоторым животным они относятся как к членам племени. Иногда сюда приходит в гости почти ручной гепард...

Есть закон: чем меньше собачка, тем больше радости она излучает при встрече с хозяином. Гром опроверг этот закон. Услышав призыв, он чуть погодя выскочил из-за камня по ту сторону озерца, в невероятном прыжке преодолел преграду и кинулся к Олле. Он облизал ему лицо, и плечи, и руки, окружил его черным рычащим вихрем и сплясал собачий танец радости. Потом вежливый пес потерялся о Нури: тебя я тоже помню. И сел, прижавшись к колену Старшего, до ушей полный чистого счастья.

Венты, спрятав младших за спины, стояли с копытами наготове. Видимо, Евгений Петрович разъяснил не все, ибо понятия не имел о неистовом темпераменте этого огромного черного зверя.

Олле обнял пса:

— Это дети, Гром. Дети!

Кто-кто, а уж Гром знал детский запах. Но если Старший говорит — дети, значит, так оно и есть. Гром вильнул хвостом: буду охранять. Впрочем, кажется, немножко детей здесь есть.

Пока венты, видя дружелюбие Грома, успокаивались понемногу, трое младших уже трогали пса за лапы, за усы и норовили залезть на спину.

Южный день перешел в ночь почти без сумерек. Благодарно рыгая жареной антилопой, венты развалились у костра, щурились на огонь. Угомонились на дереве птицы, и тишина накрыла лес: те, кто спит ночью, уже уснули, а те, кто

ночью не спит, еще не вышли на охоту. Никто не расходился, все чего-то ждали, как показалось Нури. И дождались. Двое старших вентов прикатили полую колоду с натянутой на нее шкурой, самодельный барабан. Колоду поставили на попа и вдарили. Протяжный, глуховатый по тембру звук поднял нескольких вентов. Вдрагивая в такт ударам, они начали танец удачливых охотников, подробно воспроизводя отработанные движения. Танец был медленный и, на взгляд Нури, несколько монотонный.

— Цхэ! Как говорят мои предки грузины... Можно вот так? — Нури ударил в барабан. Вент повторил. — Точно, только чуть быстрее!

Нури вышел в круг и вытянулся, подняв руки над головой. Волна прошла по его телу, рукам и спине и кончилась в пальцах ног. И сразу, не ломая ритм, Нури прошел по кругу колесом и после каскада крученых передних сальто пустился вприсядку, импровизируя что-то самобытное, новое для окружающих и его самого.

Завыли, заметались венты, кидаясь в пляску. Отодвинув в сторону барабанщика, вскочил на гулкую шкуру Олле, отбивая ногами сложный, все убыстряющийся ритм.

Сверкая зубами и глазами, озаренный неверным пламенем костра, плясал доктор математики воспитатель Нури, плясал знаток мимики и жеста вольный охотник Олле, плясали и прыгали через костер венты, черным дьяволом метался среди них Гром, сотрясая рыком окрестности, и гремел в ночи барабан, и дико вскрикивал, ударяя себя кулаками в волосатую грудь, ученый-палеоантрополог и волхв Евгений Петрович.

Каждый имеет право на еду, на работу, на добрый огонь и на такую вот пляску, снимающую усталость дня.

Утром Нури подошел к Евгению Петровичу и, глядя в сторону, сказал:

— Видимо, нам лучше уйти, а? Наше присутствие взбудоражило все племя, а им, полагаю, рано еще входить в цивилизацию, если это вообще понадобится. Как-то стихийно все получилось. Не люблю непредвиденного в вопросах воспитания...

— Я понимаю, — ответил волхв. — Я разделяю вашу точку зрения. И... будет лучше, если экопатруль станет впредь обходить нашу территорию, как обходит заколдованный Лес. Во избежание случайностей.

— Так и будет, я позабочусь, — Олле отстегнул от пояса нож, протянул Евгению Петровичу. — Мой подарок... Живут себе лесные люди, кормятся сами, детей растят. Пусть живут. Волхвы им помогают — и пусть помогают. И нечего нам без нужды вмешиваться.

— Спасибо, — волхв вертел нож в руках. — Тут вот какое дело, тут у меня мальчик есть

больной. По-моему, у него что-то с щитовидкой не в порядке, точно не знаю, а врач наш в отпуске. Надо бы стационарное обследование... Вызывать транспорт, ох, как неохота...

— Пусть идет с нами.

Оум, так звали вента, видимо, и не подозревал о своей болезни, как не подозревал и того, что Олле и Нури резко снизили привычный темп движения. Он бодро шагал вслед за Олле, стараясь при удобном случае погладить пса, который челноком шнырял по сторонам, охраняя путников от случайностей. Шли молча. Поскольку Оум не знал языка, то и Нури с Олле считали неприличным разговаривать между собой без крайней надобности.

Для Олле лес был привычным, а Нури раньше видел его сверху, знал окраины, но в самой чаще был впервые.

Здесь перемешивались тропики и север, Азия и Африка, Америка и Австралия, переплелись корнями деревьев, ветвями и лианами, образуя порой непроходимую преграду. Тогда Гром находил звериные тропы и вел в обход, обычно к какому-нибудь ручью. Жизнь была наверху, в смыкающихся кронах, откуда доносились вопли обезьян и голоса невидимых снизу птиц. Временами перед путниками почти внезапно открывались холмистые просторы с островками эвкалиптовых или хвойных беспримесных рощ. Тогда дышалось свободнее, и пропадало ощущение парной духоты.

Пересекая такой почти парковый ландшафт, они увидели, как смешанное стадо антилоп и оленей гнали три усомордика. Эти полухищники были прирожденными пастухами. Любое животное они стремились присоединить к своему стаду, иногда нарываясь при этом на неприятности. Вот и теперь: правофланговый усомордик вытянулся, опираясь на задние ноги и низ живота, смотрел, нельзя ли добавить к стаду этих, идущих мимо. Передние лапы его с верблюжьими мозолями свисали вдоль туловища, шевелились редкие толстые волосины на щеках и переносице.

— Надо бы его погладить,— сказал Нури.

Гром не возразил, и усомордик приблизился. Пока Нури гладил его по шерсти вдоль вздрагивающей спины, с ближнего каштана свесилась Змея Подколотная, обвела всех гипнотическим взглядом и зазывно разинула пасть. Однако никто не окаменел от ужаса, хуже того, Оум швырнул в нее колючую каштановую шишку.

— У, кровожадница,— поморщился Нури.

— А ведь многие путают ее со Змеем Горынычем,— сказал Олле.— Но Змей не такой. Он совсем другой.

Обманутая в ожиданиях, змея выплюнула шишку и убралась восвояси. Усомордик понял,

что и из его затей ничего не выйдет, и кинулся догонять стадо.

— Странные это звери — усомордики,— Олле глядел ему вслед.— Выбирают пастбище и место водопоя, следят за приплодом, охраняют стадо. А сами, между прочим, почти вегетарианцы. Нет, едят и подопечных, но совсем уж больших и старых. Чтоб добро не пропадало...

Не останавливаясь, миновали светлячковую поляну, всю в солнечных бликах, розово-зеленую от созревшей земляники. Оум покосился на махолеты, светлые глаза его под рыжеватыми нависшими бровями засветились любопытством, но он даже не замедлил шага. Вообще, парень отличался выдержанностью — все молчат, и он будет молча шагать, куда ведут, хотя уже пора бы и отдохнуть, хотя уже и пес высушил язык.

— Все,— сказал Нури.— Не надо, чтобы он чувствовал себя слабее нас. Привал.

Оум упал на берегу родничка, напился и смыл пот. Потом перевернулся на спину, прикрыл глаза. Мокрое лицо его блестело непросохшими каплями, в частом дыхании обнажились крупные зубы. Гром посмотрел на Олле, подполз к Оуму и положил голову ему на грудь. Вент обеими руками прижал к себе собаку.

На ночлег расположились в одном из домов оставленного поселка. Оум не проявил к нему особого любопытства. Устав за день почти непрерывной ходьбы, он потрогал босой ногой гладкий пол и сел, привалившись к стене. Нури проверил энергетическое хозяйство коттеджа, включил свет и защиту от насекомых. Мебель хозяева увезли, но это никого не огорчило. Хуже, что встроенный в стену холодильник оказался пустым. Еды с собой не было. Олле и Нури могли обходиться без пищи по нескольку суток и не привыкли таскать с собой запасы; Гром кормился сам, отлавливая мелких зверушек.

— Скотина я,— сказал Олле.— Привык бегать налегке. О парне-то мог бы подумать.

Нури достал из карманов куртки три банана, положил на подоконник возле вента.

— Ладно, мы обойдемся. Бери, Оум.

Проголодавшийся за день вент не спеша очистил и съел банан, скатал в комок и положил на подоконник шкурки. На оставшиеся два он даже не взглянул.

— Ух, благодетель,— сказал Олле, очищая банан.— Кормилец. Скажи ему спасибо, вент. Он, благородный, от себя оторвал, чтобы накормить тебя, сирого и недоразвитого. Он, видишь ли, полагает, что ты можешь сожрать все три банана в одиночку, забыв о товарищах.

— Господи,— с тоской сказал Нури.— И когда я умнее стану? Еще в воспитатели полез... Гнать меня надо поганой метлой.

Вент улегся на полу, положив обе ладони под щеку.

— Ладно уж,— Олле выключил свет.— На этот раз мы тебя простим, понимая, что ты действовал из добрых побуждений, мастер Нури...

Пока они спали, всю ночь между домами, как дух оставленного поселка, бродил при свете луны одинокий кот. Он заглядывал в темные окна, долго стоял у закрытой двери, вдыхая запахи людей и собаки. Потом кот ушел.

Они долго обходили утром территорию Заколдованного Леса, а потом, уловив запах, Гром двинулся по прямой, продираясь через кусты, переходя ручьи и не обращая внимания на выдрят, играющих в воде среди замшелых камней. Следом за ним, как сомнамбула, шел вент, раздувая ноздри. Постепенно лес разомкнулся, и открылось овальное озеро Отшельника с заводями и излучинами, поросшими лотосом и кувшинками, с темной у берегов водой, светлеющей к середине. Недалеко от пологого берега у подножья известковой скалы виднелся вход в пещеру,— тяжелый, расшитый золотыми звездами полог, обычно закрывающий вход, был откинут в сторону. На песке у воды брюхом вверх спал пещерный, если породу определять по месту жительства, лев Варсонофий. К знакомой этой картине был добавлен новый штрих: дымилась под сосной высокая труба, сложенная из кирпича русской печи, рядом на четырех столбах был сооружен навес, а под ним стол и две длинные скамьи. У печи возился Отшельник в белом переднике на голом теле. Спина его блестела от пота... Первым к нему подбежал Гром. Не обращая внимания на прищелькавшегося с детства льва, он таким щепочком смиренно уселся в сторонке, глотая слюны.

— Привет вам, люди и звери! Прошу к столу,— глаза Отшельника вдохновенно блестели, топорщилась припудренная мукой борода.— Знайте: я спек хлеб!

— Здравствуйте, Франсиск Абеярович. Это вент Оум.

— Вент? — отшельник и глазом не моргнул.— Отлично, накормим и вента. Садись, мальчик.— Оум залез на скамью и присел на корточки. Отшельник достал завернутый в холстину каравай, положил его на стол и бережно развернул.— Вы пока смотрите на него, а я схожу за молоком.

Каравай, в обхват, высокий и пышный, источал тот самый удивительный запах, который вывел их из леса. Румянилась чуть присыпанная мукой корочка, круглились ноздреватые бока. Жужжала над ним, не решаясь сесть, удивленная пчела. Каравай притягивал взгляды, на него можно было смотреть бесконечно, открывая все новые достоинства: он был таким, каким и

должен быть,— округлым, естественной формы, которая образуется сама по себе...

Отшельник принес из пещеры полный кувшин, четыре глиняных кружки и поставил все на стол.

— Свежий хлеб любит, когда его едят с холодным топленным молоком,— он разрезал каравай, как арбуз, от центра, накрошил хлеба в плоску, залил молоком и отнес собаке. Потом перед каждым была поставлена кружка с молоком и положено по ломтю хлеба.

Вент, не дотрагиваясь, осмотрел свой кусок, указал пальцем на остатки каравая и посмотрел каждому в глаза.

— Хлебушко,— сказал Отшельник.

И все молча стали обедать. Над ними, вынужденный питаться личинками, обреченно колотился башкой о сосну пестрый дятел.

Поев, Нури смел на ладонь крошки от своего куска и бросил их в рот. То же сделали остальные. Оум поднял брови, уши и щеки его задвигались, взбугрились вены на шее, и он хрипло, по слогам произнес свое первое слово:

— Хле-буш-ко...

Потом все вместе вымыли посуду, улеглись на берегу и стали думать.

А что, можно ведь просто полежать и подумать? Просто так?

Нури, например, думал о том, что завтра нужно показать вента Оума Аканиусу — врачу городка ИРП, непотребно растолстевшему от безделья. И о том еще думал Нури, можно ли реконструкцию природы считать законченной? Если полагать, что человек действительно последнее и главное, чего достигла природа, то, пожалуй, можно. В массиве появились первобытные люди. И мы сейчас у самых истоков нового зарождения человека. Факт, свидетельствующий о поразительной мощи природы, предоставленной самой себе...

Если бы эти мысли он высказал вслух, то Отшельник, в миру Франсиск Абеярович Судьба, зоопсихолог, много лет посвятивший изучению характера и быта сытого хищника, сказал бы:

— Не будьте фетишистом, мастер Нури. Природа сильна, не спорю, но венты — результат нашего вмешательства. Я бы сказал, непредсказуемый результат разумного и осторожного вмешательства поумневшего человечества в дела природы. Доказательство того, что мы, люди, действительно сумели тысячекратно ускорить эволюцию. Слава нам, людям!

Но Отшельник этого не говорил. Он лежал на спине и смотрел в синее небо на медленно плывущий дирижабль-катамаран. Соединяющая его серебристые корпуса смотровая площадка была полна народу. Двести экскурсантов глядели вниз и сладко завидовали.

— Собачка возле льва... — донесся сверху женский голос.

Варсонофий приоткрыл один глаз. На царской морде его было написано:

— А ну вас всех... Только спать мешааете.

Гром тоже дремал, и снилось ему, будто он еще щенок, и Старший несет его на руках, и ему хорошо и сытно.

Олле думал о том, что в условиях поточного производства жизненных благ каждый отход от стандарта желателен и что молодец Франсиск, который придумал себе такое замечательное хобби: печь хлеб. И кормить путников.

— А пластмассовую мебель,— неожиданно сказал он,— мы все равно разрисовываем под дуб.

Вент Оум вспоминал орнитопланы на светлячковой поляне, их распластанные крылья и вздрагивал от предощущения полета. Он тогда прошел мимо, подавив желание коснуться оперения чудных птиц. А подавленное желание, я вам скажу, еще хуже отложенного.

— Зачем спешить? — философски сказал Олле, ни к кому не обращаясь.— Здесь хорошо пахнет хлебом, здесь озеро и песок, лес и трава. Здесь следует провести день, заночевать, а завтра, как солнце взойдет, выйдем и к полудню будем дома, а?

Естественно, так и сделали.

На окраине городка ИРП, возле стадиона, их встретил конь. Золотой, с тонкими ногами, свисающей до земли гривой, с глазами влажными и добрыми. Он уткнулся в плечо Олле, постоял так с минуту. Вент обошел его кругом, дивясь красоте невиданного зверя. Сердце его раздвоилось между прекрасным конем и не менее прекрасной собакой.

А Нури торопил всех в нетерпении. Межсезонье, воспитанники разъехались по домам, но в детском саду оставались ребяташи сослуживцев ИРП, и за три дня, что воспитатель Нури их не видел, душа его изболелась, и он казнил себя еще и потому, что почти не думал о них.

И вот они увидели площадку между сосен, увидели, как трехлетние малыши, голенькие и в панамках, сосредоточенно строят замки из желтого песка. А между ними — Нури не поверил глазам своим — сидел, на коленках и тоже в панамке, питекантропий малыш и неумело улыбался.

К вопросу о неординарных строках

Ст. обзор викторины-80:

а) Неординарность строк: «Бабушка!.. Я помню, как она родилась...» —ясна. Нет людей, которые бы помнили рождение своей бабушки. Но такая ситуация возможна в некоторых случаях:

1. Бабушка воскрешена, то есть родилась вторично,— либо методом клонирования, либо пройдя через «воскреситель».

2. Бабушка искусственно создана,— электронная бабушка-робот. Эта ситуация описана у Р. Брэдли в рассказе «О теле электрическом я пою» (другие названия: «Я пою электрическое тело», «Электронная бабушка»), и именно из этого рассказа взята цитата.

3. В шуточном, юмористическом рассказе, как у М. Твена в «Великой революции в Питкерне». Здесь «родственные отношения самым поразительным образом усложнились и перепутались», так что стал возможным следующий монолог: «...да, она моя тетка, и в то же время моя кузина. А также моя сводная сестра, моя племянница, моя троюродная сестра, моя тридцатитрехюродная сестра, моя сестра сорок второй ступени, моя бабушка, моя внучатая тетка, моя вдовая свяченица, а на будущей неделе она станет моей женой».

б) «Своего хирурга глотайте быстро и решительно...» — эта неординарная фраза из «Свода Космических Знаний (т. XVII. Медицина)» взята эпиграфом к рассказу Г. Гуревича «Глотайте хирурга». Более ранние сведения о глотании хирурга можно обнаружить в рассказе И. Ефремова «Сердце Змеи».

г) «— Будьте так добры, мистер, не могли бы вы угостить крекером моего дроматерия!» Неординарность ситуации в рассказе П. Андерсона «Поворотный пункт» есть, но в самой фразе ничего необычного я не вижу.

в) «Я приближался к месту моего назначения...»

Я знаком с этой фразой уже около тридцати лет, а в фантастике она появилась только пятнадцать лет назад. Кажется, дважды я пытался привлечь внимание «Уральского следопыта» к этой фразе, правда, писал не «открытым текстом», а лишь намекал на связь Петруши Гринеза с современной фантастикой. Боялся,— считал, что это знание — моя монополия, и... стоит ли говорить об этом камешке в огороде псевдопушкинистов, о камешке, который ни один критик до сих пор не заметил?

Но из вопросов викторины стало понятно, что кто-то еще открыл необычность этой фразы, и мне ничего не остается, как написать о ее неординарности.

«Я приближался к месту моего назначения...» — так начинается повесть А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу», и эта же самая фраза есть в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка», близко к началу второй главы. Последующие фразы (типа «Машина катилась по узкой дороге» — «Кибитка ехала по узкой дороге» и др.) у Стругацких и у Пушкина тоже очень похожи, что должно исключить мысль о случайном совпадении.

Я думаю, что эта мистификация Стругацких направлена против псевдопушкинистов (и против псевдочитателей). Много их развелось в последнее время: «Ах, Пушкин! Ох, Пушкин!» — и ставят книгу на полку, не раскрывая. Или роются в белых поэтах, обсуждают пикантные подробности его жизни, с позиций сегодняшней морали оценивают поступки более чем полутравековой давности, знают наперечет все плевательницы, в которые соизволил плюнуть великий поэт... но самого Пушкина, его произведений, именно то, что надо знать,— не знают...

Г. ПРОКОПИК,
Вязники Владимирской обл.

Знатоки отвечают...

Вот и опять декабрь,— пора подводить итоги очередной нашей викторины... По прикидке А. и И. Канищевых (Сумы), объем ее вопросов в полтора раза вырос по сравнению с викториной-79. Естественно, не уменьшились и трудности по обработке ответов, сведению их в связанное и удобочитаемое целое. Что ж, посетовав на это и привычно уже отложив на будущее часть вопросов (№ 3, 5 первого тура и № 3, 5, 6 второго,— среди участников викторины не нашлось, пожалуй, никого, кто так или иначе не высказался бы по каждому из них), попробуем осветить все остальное: как оно представилось нашей поистине могучей — хотя, возможно, и не безупречной — коллективной памяти...

Первый тур

1. В КАКИХ НФ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЕЙСТВУЮТ ОЛИМПИЙСКИЕ ЧЕМПИОНЫ! ПО КАКИМ ВИДАМ СПОРТА!

Бесспорно, в почте вопроса первенствует герой-марафонец Олимпиады 3114 года из романа С. Лема «Магелланово облако». (Кстати... «Обратите внимание, год не високосный!» — пишут нам особо наблюдательные читатели. Ошибка? Или фантаст считает, что олимпиады станут проводиться чаще, чем раз в четыре года?)

Почти вплотную за безымянным олимпийцем С. Лема идут по популярности среди читателей поэт Леон Травинский, в олимпийском многоборье победивший Улисса Дружинина («Плеск звездных морей» Е. Войскунского и И. Лукодянова), и Ким Перов из рассказа К. Булычева «Протест», на Олимпиаде в Песталоцци прыгнувший в высоту на два пятнадцать четыре. А далее... Общими усилиями участников викторины подобралась целая галерея олимпийцев!

Штангу весом в 220 килограммов толкает на XXIII Олимпийских играх (совсем скоро: в 1984 году!) первый венерианский тракторист Мишукин («Пояс жизни» И. Забелина). А еще один штангист — Билл Шорти? «Не слышали про такого? Мировой рекордсмен, чемпион, олимпиец и прочая...» — эту цитату из повести Г. Гуревича «Под угрозой» приводит В. Колядин (Рязанская область). Опять бегаёт и опять побеждает — уже с регенерированными легкими — олимпиец-стайер Всеволод Левицкий («Второе испытание» И. Росохватского, другое название — «Возвращение олимпийца»). Звание олимпийского чемпиона заслужил рапирист и шпажист Монжюссо, «первая шпага Франции» («Всадники ниоткуда» А. и С. Абрамовых). Чемпионом Олимпийских игр в десятиборье стал симпатичный, вне всяких сомнений, геолог Тераи Лапрад («Львы Эльдорадо» Ф. Карсака). Очень, напротив, несимпатичный гимнаст Краткий становится чемпионом Игр в Мельбурне. Впрочем, через

четыре года, в Риме, он вынужден уступить первенство вполне положительному герою («Римская победа» Й. Несвадбы). Майю Верней, чемпионку Олимпийских игр по подводному спорту, разыскивают герои «Зеленой жемчужины» Ю. Тупицына.

Героини В. Журавлевой («Снежный мост над пропастью») в олимпиадах, правда, не участвовали, однако вот что говорят о себе: «...к двум часам дня нам принадлежали почти все олимпийские и мировые рекорды. Даже в заплыве на восемьсот метров я могла рассчитывать на серебряную медаль, а Настя — на бронзовую...»

Впрочем, не будем перечислять потенциальных олимпийцев. Даже не упоминая олимпийцев-роботов (чего только не найдешь в фантастике!), даже не принимая в расчет юмористические повороты сюжета, мы уже получили достаточно внушительную картину.

2. «ШЛИ ИГРЫ ПОСЕЙДОНА...» КЕМ ИЗ ФАНТАСТОВ ОНИ ПРЕДЛОЖЕНЫ!

«...Ингрид и Лума раздвинули стереозюкран. Фильм был выбран удачно. Голубая вода Индийского океана заплескалась у ног сидящих в библиотеке. Шли игры Посейдона — мировые соревнования по всем видам водного спорта. В эпоху Кольца все люди дружили с морем так близко, как это могли только народы приморских стран в прошлом. Прыжки, плавание, ныряние на моторных досках, на ветровых плотиках. Тысячи прекрасных юных тел, покрытых загаром. Звонкие песни, смех, торжественная музыка финалов...»

Теперь-то вы, разумеется, легко сообразили — кем они предложены, игры Посейдона? «Странный вопрос! — считает студент-москвич Юрий Алексеев. — Кто не знает Ивана Антоновича Ефремова и особенно его хрестоматийную «Туманность Андромеды?» Тем не менее вопрос этот оказался достаточно труден: лишь треть участников викторины дала на него верный ответ.

4. ФАНТАСТЫ НЕУСТААННО ПОЛНЯЮТ МНОГОБОРЬЕ НОВЫМИ

ВИДАМИ СПОРТА. КАКИМИ! И КТО ИЗ ФАНТАСТОВ ПРЕДЛАГАЕТ ВВЕСТИ СТОБОРЬЕ!

О новых видах спорта, предлагаемых фантастами, мы писали неоднократно, в том числе — в нашем июльском номере. Потому отметим только, что фантасты охотно конструируют и новые виды многоборья. Это может быть необычное сочетание уже известных видов спорта. Таков, например, «комплексный бег» в романе А. Казанцева «Пылающий остров» (метание гранаты, бег с препятствиями, бокс).

Умение не только бегать, летать на крыльях, стрелять из лука, метать диск и фехтовать, но и, как в древних олимпиадах, сочинять стихи, петь под собственный аккомпанемент, дискутировать, а также рисовать и решать уравнения предполагает участие в олимпийском десятиборье Е. Войскунского и И. Лукодьянова («Плеск звездных морей»).

В выполнении различных упражнений в одном (зато новом) виде спорта соревнуются спортсмены-«пузыристы» в рассказе К. Булычева «Трудный ребенок»: фигурный групповой полет, скоростная гонка, воздушный слалом...

А стоборье не является секретом для четырех пятых наших читателей: его «ввел» Г. Гуревич в романе «Мы — из Солнечной системы».

6. КОМУ ИЗ ГЕРОЕВ НФ УДАЛОСЬ РАЗГАДАТЬ ТАЙНУ СВЕРХДЛИННЫХ ПРЫЖКОВ, КОТОРЫМИ СЛАВИЛИСЬ ДРЕВНИЕ ЭЛЛИНЫ!

«В литературе по истории олимпийских игр,— пишет Э. Кобликова (Волгоград),— указывается, что первым известным нам победителем в беге на I стадию и прыжке с гантелями был спартаец Эхион (VII в. до н. э.). Результат его прыжка — 16 м 66 см. Затем в 500 г. до н. э. Файл (Фаилл) из Кротона на 70-й олимпиаде прыгнул с гантелями на 55 дельфийских стел, или на 16 м 31 см».

Впечатляет? Безусловно... Ну, а в фантастике, пишут ростовчане М. Якубовский и А. Тетельман, «ясное дело, это был робот! Роботы в НФ всегда додумываются до того, на что не хватает ума у людей...»

Действует он в рассказе В. Михановского «Испытание».

«Поставленный перед необходимостью прыгнуть на явно недоступное для него расстояние,— пишет челябинец А. Безлатный,— робот сам изобрел этот способ: взял в «руки» два куска породы и... прыгнул! В полете он размахивал этими грузами взад-вперед, вследствие чего его путь превратился в волнообразную кривую и почему-то удлинился. Робот допрыгнул! Не будем спорить

о литературной стороне дела, но с точки зрения физика... Похоже, это понял и сам В. Михановский — во всяком случае, он полностью переработал свой рассказ. Новый вариант называется «Тобор Первый», и в данном варианте физик уже не будет иметь никаких претензий к способу, изобретенному Тобором. Теперь робот в полете просто с силой отбросил свои гири назад и, естественно, приобрел при этом дополнительную скорость».

7. В КАКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ НА ЗЕМЛЕ ПОВСЕМЕСТНО ПРОВОДЯТСЯ ОЛИМПИАДЫ ПО САМЫМ РАЗЛИЧНЫМ ПРОФЕССИЯМ!

«Завтра Первое Мая! Начало Олимпиады!» — с тоскою говорит соседу по комнате Джордж Плейтен в рассказе А. Азимова «Профессия». В этих олимпиадах, проходящих повсеместно, будут участвовать счастливики, получившие образование, и победители получат работу на престижных планетах... А Джордж лишен возможности бороться: его мозг не способен воспринимать информацию, заложенную в образовательных лентах. И влачить юноше жалкое существование в Приюте, получая крохи знаний прадедовским методом: из книг!

Но... Согласимся с Г. Прокопиком (Вязники Владимирской области): этот чудесный рассказ с полным правом мог бы называться «Гадкий утенок!» Ведь Приют для слабоумных обернулся здесь Институтом высшего образования, а неполноценность Джорджа — гениальностью...

8. В ОДНОМ ИЗ РАССКАЗОВ А. И Б. СТРУГАЦКИХ (КАКОМ ИМЕННО?) РЕЧЬ ИДЕТ О ТОМ, ЧТО ДОЛЖЕН РОДИТЬСЯ «ПЕРВЫЙ РЕБЕНОК НА МАРСЕ, ПЕРВЫЙ МАРСИЯНИН». КТО ИЗ ГЕРОЕВ СТРУГАЦКИХ ИМ ОКАЗАЛСЯ!

«Ну, это совсем просто! Через тридцать секунд после прочтения вопроса я открыл сборник «Путь на Амальтею» на нужной странице, откуда и узнал, что будущего счастливого папашу зовут Спицын. У Стругацких есть только один «знаменитый» Спицын — Богдан, второй пилот «Хиуса» («Страна барговых туч»)»

Рассказ, из которого взяты «разведанные», имеет два названия: «Ночь в пустыне» и «Ночь на Марсе».

Мало кто не ответил на этот вопрос. Но он был не так прост, как кажется, и очень многие (почти четыре пятых) приняли неполное знание — за полное! Дело в том, что у Стругацких есть... еще один «первый марсианин». После того, как рассказ — под вторым названием и в переработанном виде — вошел в

повесть «Полдень, XXI век», этим «первым» стал Евгений Славин, врач корабля «Таймыр».

9. В КАКИХ НФ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЕЙСТВИЕ РАЗВОРАЧИВАЕТСЯ В 1980 ГОДУ!

Наиболее упорным нашим читателям (москвичам В. Вельчинскому и Л. Филатову, а также «трем жителям Горловки, познакомившимся благодаря нашему журналу», — Е. Кулинич, В. Чернику и П. Роскладно) удалось отыскать по одиннадцать таких произведений! Общими усилиями мы воссоздали довольно популярную хронику 1980 года иной — фантастической! — реальности, какую и помещаем на этих страницах.

Второй тур

1. «— КАМАРАДО ТОРЖЕВСКИЙ... КАК ЕГО... ЛИ ЭСТАС САДЖА ХОМО,— ОБЪЯСНИЛ СТОРОЖ.— ТОЛКОВЫЙ МУЖИК, ГОВОРЮ.»

— ЧТО ЖЕ... В ЭСПЕРАНТО ВСЕ СУЩЕСТВЕННЫЕ ОКОНЧИВАЮТСЯ НА «О»!

— ВСЕ! — РАДОСТНО ПОДТВЕРДИЛ ПРОСВЕЩЕННЫЙ ДЕД И УКАЗАЛ НА СОБАКУ.— ХУНДО. А ЗОВУТ ТРЕЗОРО. СОКРОВИЩЕ, ЗНАЧИТ...»

ОТКУДА ВЗЯТ ЭТОТ ОТРЫВОК! КАК ДРУГИЕ ПИСАТЕЛИ-ФАНТАСТЫ ОТНОСЯТСЯ К ЭСПЕРАНТО!

Без малого две трети участников викторины опознали в «хундо Трезоро» и его хозяйне персонажей рассказа В. Журавлевой «Снежный мост над пропастью». Но вторая часть вопроса оказалась каверзной.

Наши читатели нашли в романе А. Азимова «Сами боги» общепланетный эсперанто, а в повести «Черный столб» Е. Войскунского и И. Лукодьянова — энтузиаста-эсперантиста инженера Кравцова. Упоминания об эсперанто отыскивали в романе И. Давыдова «Я вернулся через 1000 лет», в рассказах С. Минкова «Возможная утопия (В зеркале фантаскопа)» и Г. Гаррисона «Уцелевшая планета». Наконец, «дельфиний эсперанто» обнаружили в повести В. Назарова «Зеленые двери Земли». Но, хотя — по свидетельству В. Борисова (Абакан) — «японский писатель Кониси Гаку пишет саму фантастику на эсперанто», — этим наши общие успехи и исчерпываются: сдержанно, крайне сдержанно относятся писатели-фантасты к эсперанто.

Чем это объясняется? Не тем ли, что эсперанто с самого начала был задуман как язык «вспомогательный, второй для человека»?

Разнообразные «космолингва», «универсальный», «юнион», «глоба», «линкос», «интерлинг» и всевозможные автосупермикрорепродукторы кажутся фантастам достовернее для будущего, нежели эсперанто. Реальный, выживший на суровых ветрах эпох, но до сих пор распространенный не столь широко, как хотелось бы...

2. ДЛЯ ГЕРОЕВ КАКИХ НФ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЗАГАДКОЙ ВЕЛИКАЯ ТЕОРЕМА ФЕРМА?

Знаменитое утверждение выдающегося французского математика XVII века уже не составляет секрета: для «профессора» Вовы Королькова («Победитель невозможного» Е. Велтистова), для суперсовершенного компьютера («Ученик Герострата» С. Шарова), для братьев-детективов Роя и Генриха Васильевых («Умершие живут» С. Снегова), для сверходаренных обезьян-неопитеков («Внимание: неопитеки!» В. Митыпова), наконец, для могучего коллективного интеллекта из повести Р. Подольного «Четверть гения».

Чаще же всего в почте вопроса фигурировал, по выражению В. Гуревича (Комсомольск-на-Амуре), «антиответ» — рассказ «Саймон Флэгг и дьявол» А. Порджеса. Дьявол в этом рассказе, соблазнившись «легкой» добычей, но не сумев решить по договоренности знаменитую теорему, становится ее фанатиком и вместе с математиком С. Флэггом продолжает искать ее доказательство...

4. 33 МАРТА... 31 ИЮНЯ... 34 АВГУСТА... 3 АВГУСТА-II... 30 ОКТОБЯ... 4 ЯНВЕУАРА... 43 АПРЕЛЯ... 86 МАРТОВА... ФЕВУАРИЙ ТРИДЦАТЫЙ... ЯНВАРЬ ТОГО ЖЕ ГОДА, СЛУЧИВШИЙСЯ ПОСЛЕ ФЕВУАРА...

ТАКОЙ КАЛЕНДАРЬ ВОЗМОЖЕН, ОЧЕВИДНО, ТОЛЬКО В ФАНТАСТИКЕ! В КАКИХ КОНКРЕТНО ПРОИЗВЕДЕНИЯХ?

Первые даты взяты непосредственно из названий фантастических повестей В. Мелентьева и Д. Пристли. 34 августа — из «Звездных дневников» С. Лема. Следующие три даты — из рассказа К. Эвила «История с песчанкой». Ну, а все прочее — из повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего»... Пертурбации с календарем приключаются, как видите, не «только в фантастике!» И нам приятно было еще раз убедиться, что любители НФ, даже самые рьяные, читают все-таки не только фантастику: полностью на этот трудный вопрос ответила лишь четвертая часть участников викторины, но еще для такого же коли-

чества повесть Гоголя отнюдь не была тайной за семью замками.

7. КАКИЕ НФ ПРОИЗВЕДЕНИЯ НАЧИНАЮТСЯ С ПРИВЕДЕННЫХ НИЖЕ НЕОРДИНАРНЫХ СТРОК: а)... б)... в)... г)...!

Мы не повторяем сами строки: они приведены в ответе Г. Прокопика. Отметим лишь, что полностью на вопрос ответили две пятых от общего числа участников викторины. При этом по поводу неординарности пункта «в» кое-кто высказал сомнение, большинство промолчало, и лишь Г. Прокопик да ростовчане М. Якубовский и А. Тетельман вскрыли подоплеку этого пункта.

8. «— ПАПА, ДАЙ МНЕ ПЯТНАДЦАТЬ КЛАРКОВ!» — В КАКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ ФАМИЛИИ ДВУХ ИЗВЕСТНЕЙШИХ ФАНТАСТОВ НАЗВАНЫ... ДЕНЕЖНЫЕ ЗНАКИ ВЫМЫШЛЕННОЙ СТРАНЫ?

«Кларки» и «лемы» в качестве денежных знаков используются в государстве Ньюкомби, описанном в повестях П. Багряка «Кто?», «Перекресток», «Пять президентов», «Оборотень» и «Синие люди». На этот вопрос ответили две трети участников викторины. А десятиклассник из Майкопа Марат Губжоков утверждает, что фамилиями фантастов в книге П. Багряка названы и два крупных промышленника — Уиндем и Саймак...

Как всегда, за рамками обзора осталось немало интересных рассуждений, любопытных мыслей, заманчивых предположений... Коснемся в заключение лишь одной стороны дела.

Кое-кто из читателей сетует на слишком уж трудные вопросы — из числа сугубо конкретных. Ответим на это словами А. Безлатного:

«Почему вы боитесь «сверхтрудных» вопросов? То и дело попадает от читателей?.. Не понимаю... А чего же читатели хотят — игры в поддавки? Пусть вопросы будут трудные, но при этом обязательно — интересные. Интересный! Вот, по-моему, единственное требование, которому обязательно должен отвечать вопрос. Сверхтрудный? Ну и что? На то и викторина... Сверхлегкий? Если очень уж интересный, то можно. Малоинтересный? Ни в коем случае: холостой выстрел! Вот мое мнение...»

Разделяем это мнение и мы.

Виталий БУГРОВ,
редактор отдела фантастики.

ИТОГИ ВИКТОРИНЫ-80

Полностью ответили на все вопросы В. Борисов (Абакан), В. Забирко (Донецк) и В. Рыбкин (Ростов-на-Дону). Лишь вторую ипостась «первого марсианина» не обнаружили В. Вельчинский и Л. Филатов (Москва), В. Гуревич (Комсомольск-на-Амуре), М. Якубовский и А. Тетельман (Ростов-на-Дону); лишь каверзные даты Гоголя — А. и И. Канищевы (Сумы); лишь олимпийские планеты — Е. Ладыгин (Усть-Каменогорск). Вплотную за перечисленными — споткнувшись только на одном-двух вопросах — следуют С. Битюцкий (Ростов-на-Дону), В. Карабаев и Р. Кадиков (Уфа), А. Смирнов и Ю. Левин (Донецк), Б. Толстиков (Иркутск), А. Бушков (Абакан), А. Еезлатный (Челябинск), Е. Кулинич, В. Черник и П. Роскладно (Горловка), А. Засеев (Солнцево Московской области), Г. Прокопик (Вязники Владимирской области), С. Карасик (Минск), Л. Зяткова (Челябинск), К. Мзареулов (Баку), А. Коротков (Ангарск Иркутской области). Среди школьников отметим десятиклассника А. Киришина (Курган), частично спасовавшего в трех конкретных вопросах.

Отметим и тех, кто преуспел в разгадывании рассказа «Туда и обратно», составленного из названий НФ произведений (см. № 4, 5, 6 7 и 10). Всего в этом «сюжете для романа» было использовано 272 названия. Не нашел авторов лишь к двум из них В. Савченко (Кишинев), к трем — Г. Кузнецов и В. Лепилин (оба — Новосибирск), к пяти — В. Турентинов и С. Шабанов (Фрунзе), к шести — К. Шадрин (Новосибирск), к семи — В. Вельчинский и Л. Филатов (Москва), к восьми — В. Карабаев и Р. Кадиков (Уфа), к десяти — В. Борисов (Абакан) и С. Пошевеля (Новочеркасск Ростовской области). Среди школьников первенствует десятиклассник В. Кононов (Омск), для которого остались загадкой 38 названий.

Всем названным здесь читателям высланы книги с автографами советских писателей-фантастов.

1980-й... 1980-й?!

Краткая хроника событий, «запланированных» фантастами

1980. Достигнута новая ступень в развитии электронно-вычислительной техники: Минский и Гуд разработали методику «выращивания» искусственного мозга. (А. Кларк. Космическая одиссея 2001 года. Рус. перевод — 1970).

1980. Последние капли нефти упали в 70-х годах в моря и реки Земли: начиная с 1980-го порча природы рассматривается как тягчайшее преступление. (С. Гансовский. Спасти декабра! 1967).

1980. Профессор Неизвестного университета Генри Хассель создал машину времени и отправился переделывать историю. (А. Бестер. Человек, который убил Магомета. Рус. перевод — 1970).

1980. Благополучно долетев до Венеры, автоматическая ракета начала транслировать на Землю пейзажи Утренней звезды. А на Земле в угольном пласте обнаружено послание инопланетян. (В. Соловьев. Триста миллионов лет спустя, 1956).

1980. С этого года введено Междугодье — «день развлечений» между последним днем старого и первым новым года. (Г. Каттнер. День не в счет. Рус. перевод — 1968).

1980, 9 мая. Обнаружены записки доктора Семпера Фиделиса Ли, поведавшие о пробуждении сверхразума в электронном мозге, сооруженном в горах Аризоны. (Г. Гаузер. Мозг-гигант. 1958, рус. перевод — 1966).

1980. Премия «Оскар» присуждена зулусскому режиссеру, чей фильм оказал большое влияние на творчество кинематографистов всего мира. Потерпело полный крах пахучее телевидение. (Ж. Садуль. История мирового кино вплоть до 2005 года. Рус. перевод — 1972).

1980, лето. От ближайшей звезды к Земле прилетел корабль с вестью от вневземной цивилизации. (Г. Амнуэль. Икартия Альфа. 1959).

1980, лето. По Главной улице города Милвилла прошел бронтозавр, извлеченный из прошлого «времена-смесителем» профессора М. Догер-

ти. Пострадало не меньше четырех человек. (Р. Туми. Мгновенье вечность бережет. 1970, рус. перевод — 1971).

1980, лето. В Мэйнарде, штат Канзас, Стил Келли выступил в поединке против боксера-робота. (Р. Матесон. Стальной человек. Рус. перевод — 1968).

1980. Первый в мире космический корабль с термоядерным двигателем отправился в первый полет — к Луне, в толще которой уже выстроен Луноград с населением в 65 человек. Составлен черне список кандидатов в первую экспедицию к Сатурну. (Ю. Шпаков. Кратер Циолковский. 1962).

1980. Всемирный съезд церковных организаций в мире, параллельном нашему, осудил теорию фазовых траекторий пространства как самую вредную ересь за последние две тысячи лет. (А. и С. Абрамовы. Хождение за три мира. 1966).

1980, 15 июля. Старший лаборант Саня Добряк встретился со своим двойником, прибывшим из прошлого года. (К. Булычев. Письма разных лет. 1978).

1980, 20 июля. В наше время прибыли пришельцы из XXVII столетия, чтобы оборудовать перевалочную базу для путешествия в 1215 год. (К. Булычев. Похищение чародея. 1979).

1980, 18 августа. Состоялось общее собрание обитателей Ла-Рока и Мальвила, налаживающих жизнь после термоядерной войны 1977 года (Р. Мерль. Мальвиль. 1972, рус. перевод — 1977).

1980, август. Палеонтолог Джил Плэтт, раскопав в штате Вайоминг полный скелет 20-метрового тиранозавра, занялся реставрацией и оживлением древнего ящера с помощью электролизной ванны. (Л. Спрэг де Камп. Такая работа... Рус. перевод — 1971).

1980. Страшный голод охватил всю планету, вследствие чего учреждена Всемирная Служба Контроля над народонаселением. (Д. Блиш. День статистика. Рус. перевод — 1980).

1980. В дальний полет с околосветовой скоростью отправился звездолет «Аврора», с интернациональным экипажем на борту. (А. Хлебников. Третья мировая война. 1977).

1980. Нарастает поток литературных новинок. В 1970 году их было полмиллиона, в 1980-м — около 700 000 названий. (Г. Шах. «...И деревья, как всадники...» 1972).

Кроме того, спят, замерзнув, во льдах и снегах герои книг «Внуки наших внуков» Ю. и С. Сафроновых (1958), «Прыжок в послезавтра» П. Воронина (1970), «Завещание каменного века» Д. Сергеева (1971) и многих других.

Кроме того, невозможны радио- и телесвязь из-за появившихся в 1957 году в окрестностях Земли «волновиков». (Ф. Браун. Волновики. Рус. перевод — 1979).

Кроме того, находятся в пути туда и обратно и потому неощутимы для нас многочисленные путешественники во времени...

Как видим, масса событий, эпизодических и совсем незначительных, должна была произойти в истекшем году. «Скоро сказка сказывается», — улыбаемся мы, вместе с В. Забирко (Донецк), по поводу одних из них. «К счастью, не оправдалось», — вслед за А. Листопадовым (Петрозаводск) повторим с облегчением по поводу других. И, как В. Вельчинский и Л. Филатов (Москва), пожелаем в итоге плечами: действительность (никуда не денешься!) оказалась, конечно же, «значительно интересней фантазий»...

Месяцы-переростки

Что касается месяцев-переростков в фантастике, то в ответах на викторину читатели назвали немало других вполне странных дат. Существуют, оказывается, в фантастике и 36 апреля, и 32 июля; особенно же «повезло» июню и февралю: 30, 32 и 42 февраля, 66 и даже... 1967 июня!

(Где именно?.. А вот этого мы вам не откроем: пусть останется маленьким секретом тех, кто эти даты уже обнаружил!)

Уместно также, вслед за А. Пучевым из Тульской области, вспомнить здесь и знаменитого барона Мюнхгаузена, в двухсерийном телефильме «Тот самый Мюнхгаузен» как-никак подарившего родному городу «экономленное» 32 мая...

ЗНАТЬ ЖИВОЕ по имени - отчеству

«Лешева дудка», «Черный дрозд», «Воротник», «Островишко», «Балчуг», «Лунный копр», «Ермак», «Подснежники», «Золотой дождь», «След рыси» — эти повести, рассказы, публицистические поэмы Николая Григорьевича Никонова были опубликованы в «Уральском следопыте».

Известный писатель, наш постоянный автор, он получает большую читательскую почту.

Читатели делятся впечатлениями о прочитанном, их волнуют, глубоко трогают произведения Н. Никонова, и они просят его рассказать о себе, о своих привязанностях и творчестве.

В связи с этим наш корреспондент задал Н. Никонову несколько вопросов.

— Николай Григорьевич, известно, что вы уроженец города Свердловска и даже его потомственный житель. Мы знаем, что вы родились в наиболее старой части города — Мельковской слободе. В вашей книге «Солнышко в березах» слобода названа Основинской, а речка Мельковка Основинкой. Не скажете ли вы читателю, что дала вам Основинка, как отразилась в формировании вашего мировоззрения!

Н. НИКОНОВ:

— Я действительно уроженец города, а исчезнувшая ныне слобода Мельковка (последние ее дома сносятся сейчас) была моей журавлиной родиной. Наверное, если бы можно было выбирать место рождения, то я не пожелал бы родиться в каком-либо ином, чем здесь, на уральской земле, в той части славного града Екатеринбург — Свердловска, которая и по всем историческим и прочим изысканиям была его основой. Основинская улица (ныне Испанских рабочих), идущая от подножия Вознесенской горы, мимо «Космоса» и далее в сторону вокзала, по-видимому, была местом, где жили первопоселенцы на реке Исети, строители плотины, первых заводов, набережных, городских домов и вообще всего, что составило главную и самую старую часть города. Улицу Основинскую пересекало пять улиц Мельковок (по названию речки), и та, что была на ее берегу, обозначалась как Мельковка-набережная. Именно здесь, в исчезнувшем теперь доме под номером пять, а позднее, когда улицу пышно переименовали в переулок Спорта, под номером двадцать, находился уютный дом с беленым кирпичным полуподвальным этажом, в котором и прожил я с годовалого возраста до тридцати четырех лет.

Все мельковские улицы не избежали переименования, так, году в тридцать седьмом были переназваны и превращены 1-я Мельковка в улицу Физкультурников, 2-я — в улицу Лермонтова, 3-я — в улицу Быкова и 4-я — в улицу Азина, древнейшая же и единственная мощеная

булыжником Основинская, как уже было сказано, превратилась в улицу Испанских рабочих. Не знаю, имела ли она отношение к Испании, так же как 2-я Мельковка к Лермонтову, но от переименования мало что изменилось, а полудеревенская суть слободы сохранялась почти до шестидесятых годов и лишь со строительством «Космоса» — бетонной трапеции, напоминающей мне почему-то, особенно с тыла, гигантский ларек, живописным улицам пришел конец, и я не знаю, чем осветится память Лермонтова, когда от улицы не осталось уже как будто ни одного дома.

Я еще помню, что на месте «Космоса» был широкий заливной луг, под ветром серебрилась осока, скрипели коростели и летали фиолетовые стрекозы-дриады. Это было сорок пять лет тому назад. То заливая солнцем, то замывая дождями, вся в зелени столетних, склоненных к югу, тополей, в рябинах, в сирени и в черемухах Мельковка была столь красива, что сюда постоянно забредали художники, и много раз сопел я за чьей-то сутулой спиной в линялой рубахе, с восторгом наблюдая, как на невеликом пространстве картона или холста рождается, словно бы по волшебству, под движением волшебной палочки-кисти ясный и милый мне кроткий мир моих улиц, крыш, заборов, осветительных столбов, близкого неба и недалеких далей. Как я любил свою слободу, как любил постоянно видный, выше ее, город, — наверное, так любают только самое родное: мать, отца, своих детей, своих домашних животных — собаку, kota.

Полагаю, что эта детская горячая любовь и дала мне первичные импульсы неосознанного созидательного напряжения, которое накапливалось в душе, позднее искало выхода и находило его в попытках творчества.

Если будет позволительно назвать себя словом художник, то понятие сути его не может родиться на пустом месте. Для подлинного художника нужен особый склад души, настроенность на самое чуткое,

на грани болезненного, восприятие мира. Тогда этот мир, сам собою как будто, станет перевоплощаться в нечто близкое к прекрасному, ибо взгляд художника, его восприятие обладает «дорисовывающей», проявляющей отдельные стороны явления или факта, силой. Может быть, это глубина резкости, может быть, резкость глубины. Скажу, чтоб не обидеть иного слишком мнительного читателя, что не художник, но человек с развитыми чувствами и, возможно, великолепно одаренный в каких-то других сферах, по-видимому, так же хорошо может чувствовать величие, многоцветность и тайное очарование окружающего мира, однако художник отличается еще способностью и выразить это очарование, запечатлеть, обобщить, остановить на холсте, картоне, бумаге кистью, углем, словом, в звучании музыкальных аккордов.

Итак, возвратясь к понятию, скажу определеннее: не родился я в этой чудной стране Мельковка-Осно-винка, я, возможно, был бы кем угодно, но не литератором. Живопись исчезнувшей слободы стоит во мне и теперь. Вот тихий, розовый и голубой пруд, с полосами чеканной рыбы по ветровой синеве. Круги от рыбы в затишке, под берегом. Ласточки, чирикающие и взмывающие, белея брюшком, над огородом и берегом речки. Коршун-цып-лятник, загадкой плывущий высоко, а иногда и кружащийся в ему одному понятном парении. Горихвостка-малиновка, уже повторяющая самозабвенно на синей заре свою летнюю, грустно стекающую с тополя песенку. Какая-то церквушка или часовня с исписанными мелом дверьми. Тяжелые саврасые, гнедые битюги, мерно ступающие мохнатыми копытами, отщелкивающие по булыжнику Основинской свой ровный конотоп. Речка в золоте отелей, в голубизне склоненных над ней заборов. Сапожник с перекошенной походкой, с пьяной песней, с радостным взглядом налитых безумием глаз. Воробы, осенним громом, серой тучей слетевшие с муравки, осевшие крыши и забор. И даже косяк-другой журавлей, прямо над слободой, над городом, устремленно и неостановимо, а чаще вереницы гусей, шеренги уток-нырков в уже студеной, уже ломающей душу проголуби октябрьских небес... Все куда-то к югу, к западу, в теплую, в бесконечно далекую, казальсь, и счастливую сторону.

Люди в Мельковке. Мир ли становится нивелированнее, сужается ли его разнообразие? Или в детстве стоишь ближе к людям, непосредственнее их восприятие? Слобода была населена удивительным разнообразием, в ней словно вместилась вся

ушедшая и уходящая Россия, а кроме того, подрастала и проявлялась Россия новая, нынешняя. Заскорузлые мещане, бывшие лавочники, извозчики, дворники, прачки, нищие, ремесленники всех видов этого сословия, камнерезы, ювелиры, швеи, даже какие-то вылинявшие полублагородные, а сверх того воры, голубятники, птицеловы, тележечники — кого только не было наряду с заводскими рабочими, совслужащими, продавщицами из «Церабкопа» и работницами-пролетарками и комсомолками, лихо носившими красные косынки.

На всех этих людях точился глаз, изощрялось знание, росла, наверное, тяга к изобретательности, хотя никаких серьезных прогнозов на будущее не было. Просто душа уподоблялась какой-то бесконечно просторной кладовой, куда, не знаю зачем, но очень радостно и старательно укладывал я и полянку, всю вышитую зеленой узорной гладью с чашечками желтой гусиной травы, и запах свежих осенних листьев, и без меры толстые бедра какой-то женщины, внезапно открытые мне шальным летним вихрем и поразившие некой неожиданной, а словно бы всегда ожидавшейся предувверенностью.

И сколько, господи, в мире есть и пребудет дальше не знаю каких счастливых знаков и примет вечной неисчезающей жизни, хотя все это меняется и столь горестно кратко, скажем так, эфемерно, что просто не задумываемся мы, привыкли не задумываться: вот ласточки, вот кисть нынешней рябины, чулок на ноге некой девушки, чулок «побежавший» и повыше подколенных ямочек прихваченный черным досадливым стежком, облако, закат, чье-то обещающее дыхание... И не столь же ли кратковременно кратки и линии дальних голубых гор, покрытых лесом, даже гранитная твердь под ногами, где замечаешь вдруг силуэт спиральной раковины?

Время. Пространство. Жизнь. Чем измеряется? Древние римляне имели для обозначения единицы пространства меру с названием стадия. Понятие это ныне совмещено и со временем. И думаешь иногда, не стадиями ли этой жизни меряется время, и чем дальше в бездны крушения либо совершенства катится мир, тем короче становятся эти стадии, словно само время ускоряет свой бег, а пространство сжимается, ведь даже на мизерном пространстве человеческого бытия мы с удивлением замечаем это.

— В ваших книгах в равной степени сочетается изображение жизни природы и жизни человеческой. Ка-

ким путем вы шли к пониманию этих процессов?

Н. НИКОНОВ:

— Для меня человек и природа понятие единое, неразделимое. Не помню, кому принадлежит определение человека в значении природы, осмысливающей и обзоревающей себя саму. В некотором смысле то «преобразование природы», которое мы совершаем, и есть по сути деятельность как бы ее самой, ведь она произвела человека, вполне возможно, для ускорения «самопреобразовательных» процессов. То, что до человека вершилось силами стихийной эволюции, теперь довершается целенаправленной деятельностью человечества.

Здесь можно возразить, что человек совершил и совершает множество ошибок и тяжелых просчетов. Но ведь и природа в процессе эволюции все время творила ошибки, и лишь через них, преодолевая их, шла к совершенству, и здесь она подчас наносила ущербы, по крайней мере для живой материи, гораздо большие. Чего стоят одни только фантастические оледенения или стирание с лица земли целых сформированных и по-своему высокосовершенных геобиоценозов, допустим, мира мезозойских ящеров. Итак, через ошибки к совершенству, от плюса через минус снова к положительному, от неустойчивого несовершенства к уравновешенной устойчивости.

Следуя этим заповедям и столь же стихийно, я начал работать как литератор и столь же робко первично изображал то, что было мне понятно и доступно. Мир животных и растений был более близок и понятен мне, чем мир человеческих отношений. С детства настроенный на волну созерцания, обозрения, изумления и преклонения перед миром природы, я именно через него пришел к пониманию человека в той степени, которая необходима для образительной работы. Итак, от природы к человеку. Таковы были мои первые книги: «Сказки леса», «О птицах», «Лесные дни». Ряд моих книг критика, пусть со степенью уменьшения, сравнивала с книгами Михаила Пришвина. Этих оценок я не разделяю, ибо, признавая Пришвина как большого мастера изображения природы, никогда не следовал ему и не могу назвать своим учителем. На мой взгляд, Пришвин шел в своем творчестве совершенно противоположным путем — от человека к природе, от глубин человеческой мудрости к изображению каких-то простых

и чарующих явлений природы. Я же выбирал более доступную мне тропу — от первичного восторженного восприятия сути природы к углубленному пониманию ее, а затем уже себя и людской жизни в целом. Думаю, что мои повести «Солнышко в березах», «Воротник», «Балчуг», «Подснежники», книги «Певчие птицы» и «Созвездие кактусов», поэма «След рыси» — подтверждают сказанное.

— Известно, что ваши книги проникнуты точным и углубленным знанием природы. Что содействовало этому!

Н. НИКОНОВ:

— Частично я уже ответил на ваш вопрос, остается прояснить детали. Стремление к отражению, а значит, и к пониманию, осмыслению жизни — свойство, присущее каждому человеку. Желание же понимать природу наиболее остро в годы детства сопряжено с общим познанием мира. Желание это и сформулировано как «любовь к природе». Однако степени «любви к природе» весьма разные. Начиная от фанатической приверженности, от любви горючей и слезной, которая родни жертвенности (такую именно я и попытался изобразить в повести «Балчуг»), от любви, которая родила Бремоз и Фабров, Дарреллов и Адамсон, через любовь, скажем так, усредненную, на которой старательно воздвигаются монографии и ученые степени, через любовь, — к природе ли? — где растут книжечки про Зайку Петю и Мишку Потапыча, до любви, что называется, всеобщей, разлитой и потребительской уж без всякого стыда: если в лес, то «по грибы», «за черникой». «А больше-то зачем?» На озеро? «За окунем. Двести штук вчера съел». Нет, не осуждаю. Хоть и не очень приветствую. От потребливки до грабировки так близко. Осуждаю я лишь такую любовь к природе, когда на солнце глядят через поллитра, птичий голос глушат транзистором. Думаю, что мое стремление к познанию природы было в какой-то степени врожденным и унаследованным качеством, но не обошлось и без поощрения со стороны родителей, в особенности отца, Григория Григорьевича Никонова, в прошлом и охотника, и рыболова, и просто любителя леса, поля и воды, умевшего ненавязчиво поддерживать устремления своего сына. Отец так же, как и я, в раннем детстве ловил птиц, собирал коллекции жуков и бабочек, рано начал ружейную охоту, пристрастился к книгам о при-

роде и путешествиях. Наши интересы таким образом были созвучны, хотя бы первично, совпадали (кроме решительно оставленной мною охоты).

Первичное же узнавание шло, как всегда, стихийно, — весь этот сбор жуков, бабочек, ловля птиц, лишь позднее, более взрослым, я перестал относиться к этим делам как к увлекательной забаве, увидев в них средство самоусовершенствования, накопления каких-то необычайно нужных знаний. Мне уже не просто хотелось поймать самого красивого яркого чижика, но добиться, чтобы эти птицы гнездились в клетке, стало делом престижа добыть птицу редкую, вроде соловья-красношейки, королюшка, ястребинья славок, певчих дроздов, а бабочки и жуки собирались с тщательностью исследователя, снабжались этикетками по всей форме. Доставляло огромную радость добыть не просто редкостную бабочку громадной величины, белую с красными пятнами, но и установить, что это особый вид — Аполлон Уральский.

Кстати, о исчезающих редких бабочках, допустим, из рода Парусников. Они исчезают отнюдь не от того, что стали добычей любителей. Безудержное, хотя и необходимое, увеличение посевных площадей, применение ядохимикатов, гербицидов и инсектицидов сокращает ареалы распространения многих диких растений, на которых живут гусеницы, как результат все реже встречаются теперь те виды, которые четверть века назад были обычны, в то время как прежде редкие уже неизвестно сохранились ли вообще. Этого же самого Аполлона за тридцать лет я видел еще всего один раз! — хотя на природе бываю много чаще рядового горожанина, можно даже сказать, живу в деревне. Разумеется, помня о редкости этого вида бабочек, теперь я уже не рискнул бы его добывать и более того, сделал бы все от меня зависящее для его охраны.

Познание природы, даже сопряженное на первых порах с каким-то первичным уроном и ущербом, далее обращается на пользу самой природе и человеку, занятому ее углубленным изучением. Человек знающий и почти всегда любитель, а значит, способен встать на защиту природы и ее детей от хищничества, произвола, невежества, неразумного потребительства.

Познавать природу громадное счастье. Ходить по лесу, по лугу и по болоту, зная голос каждой птицы, принадлежность всякого встреченного насекомого, хотя бы к известному вам роду и семейству, зная «по имени-отчеству» травы и цветы, предугадывая изменения погоды по ветру, облакам, сиянию

солнца и запаху тех же трав, — разве может сравниться с этим всемогущим проникновением в лики жизни какое-то осязательное, иначе не скажешь, «гудение» на природе, которому так часто предаются якобы «туристы» и словно бы отдыхающие на лоне.

Замечу с радостью, что число этих человек по подобным всетаки потихоньку уменьшается, в то время как число людей, восторженно любящих природу, зверей, птиц, насекомых и растения, просто эстетику дикой жизни, просто ее красоту, непрерывно растет.

Для содействия этому процессу не худо было бы создать и новые журналы по отраслям любительского знания. Будь моя воля, я издавал бы и журнал о тропических животных и растениях, массовые издания, доступные желающим, о птицах, рыбах, насекомых, комнатных растениях, орхидеях, кактусах. Было бы очень полезно на первых порах капитально расширить «Юный натуралист», сделать его еще более красочным, содержательным и объемным, тиражи книг авторов, как Даррелл, Гржимек, должны быть больше, ждут переиздания и старые авторы, такие, как Брем. Много, много делается, много гуманного, доброго, надо еще больше. Надо, чтобы учебники Природоохраны, Природознания, Красные книги были в каждой семье. Надо, чтобы эти книги написали талантливые авторы, живым, незащищенным, доступным для всех языком. Надо уже в школах готовить действительных натуралистов, искать новых Дарвинов, не щадить сил для сохранения «живых уголков» Земли, без пощады карать браконьеров, объявить им священную войну всюду. Новый закон об охране и использовании животного мира — прямое свидетельство заинтересованности в сохранении и процветании природы, его можно считать задачей, поставленной перед всеми и каждым.

— Какова, по вашему мнению, роль природы в формировании личности, особенно человека молодого, юноши, подростка?

Н. НИКОНОВ:

Мне представляется, что мы еще очень мало даем этому молодому человеку сведений о природе. Гораздо меньше, чем в свое время неандерталец, кромаонец, и те народы, что живут еще на уровне родового строя. Жизнь среди природы, без удобств и без теплого туа-

Вторая «Красная книга»

Что растет в ущельях Памира? Чем отличаются альпийские луга Северного Урала от горных лугов Киргизии или Кавказа? Какие животные и растения живут в пустыне? На эти и другие вопросы такого порядка можно будет найти ответы в «Красной книге редких и находящихся под угрозой исчезновения растительных сообществ», материалы для которой собирает ВНИИ охраны природы и заповедного дела Министерства сельского хозяйства СССР.

Биоценозы — это сообщества, подразделяющиеся по климатическим и природным зонам (луговые, пустынные, лесные и т. д.), по месту расположения (растительность меловых обнажений или, например, у выходов термальных вод) и по другим признакам. Некоторые из биоценозов уникальны, учесть их на территории всей нашей страны, взять под охрану, разработать меры по сохранению — такова задача института охраны природы и заповедного дела, создающего еще одну «Красную книгу».

Как говорят рыбы

— Да как угодно! — утверждает ученый секретарь Института океанологии имени Ширшова АН СССР Л. Розенберг. — Ведь они издают самые разнообразные звуки: хлопки, скрежет, хруст, хрип. Это свидетельствует о существовании у рыб самых разных тем для «разговоров».

Ихтиологи установили, что рыбы общаются на тех же частотах, на которых звучит человеческая речь, но звук распространяется в воде с поглощением в тысячу раз меньше, чем в воздухе. Потому «речь» рыб улавливается лишь гидрофонами. Самый быстрый и звучный сигнал — типа барабанной дроби — рыбы издают по случаю тревоги.

Александр ШАРАПОВ

лета может быть и тягостна, однако человек, прошедший школу такой жизни, замечательно приспособлен к любым трудностям и невзгодам, и вот ведь парадокс, гораздо бережливее, сострадательнее, внимательнее, чтобы не сказать нежнее, к этой самой природе. Вспомним Дерсу Узала, вспомним всех литературных фантомов, вроде Соколиного Глаза.

Если бы все мы росли закаленными по-индейски, какое прекрасное дополнение было бы к нашим знаниям, к нашей культуре и нашему здоровью, все чаще поддерживаемому пеницилинами и валерьяновыми каплями.

Сейчас многотысячелетний опыт общения человека с природой и животными забывается. Он забывается стремительно, ведь мы отвергаем даже народную медицину, часто объявляем знахарством и невежеством исключительно полезные знания из копилки народного опыта, мы не знаем, а вернее, забыли, тысячи полезных свойств диких растений, мы забыли и знаковый язык общения с меньшими братьями, который несомненно понимал неандерталец.

Мы прошли через стадию жизни, которая выражалась лозунгом: «Взять у природы!» Сегодня эта задача давно под сомнением. Понять природу, не брать у нее лишнего, оберегать от загрязнения, хищничества, наплевательства, признать право на жизнь у какой-нибудь водомерки, лягушки, бабочки, жука, — примерно так должны формулироваться взаимоотношения человека и природы сегодня. Хотя из правила и может быть исключение, там, где речь идет о чрезмерном размножении каких-либо животных или вредителей.

Итак, мне думается, что человек, которому с детства внушают: не убий! Думай над своими поступками! Стыдись жестокости! Не будь хищником! — такой человек постепенно, хотя и не без ошибок, вырастет в своем подлинно человеческом, гуманном качестве.

Буквально на днях я был приятно удивлен, встретив на луговине, возле своей дачи, гурьбу ребят из пионерского лагеря. Дети вели себя как дети: бегали, прыгали, смеялись, что-то искали, но все время я слышал и голос руководительницы: «Цветы не рвать! Цветы не рвать!» И действительно, цветы на лугу уцелели. Трава распрямилась. Луговина и после ухода людей осталась луговой. Как жаль, что книга Арсеньева «Дерсу Узала» не включается в хрестоматии. Как жаль! Очень бы я хотел, чтобы каждый подросток прочел ее, каждый потом воспитывал в себе прекрасные черты Дер-

су: бережливость, сдержанность, любовь к живому. «Его все равно люди, только рубашка другой!» Как же это хорошо. Как хорошо, когда ясно, душой поймешь, тогда и муравей, и пчела, и всякий цветок, и дерево, шумящее на ветру, покажутся тебе братьями, и, как старший среди них и самый разумный, ты протянешь к ним руку, погладишь, поможешь, ободришь, утетишь, порадуешься жизни вместе с ними.

— Читатели могут спросить: следуют ли вы сами тому, что говорите!

Н. НИКОНОВ:

— Отвечу так: стремлюсь следовать, учу себя, подчас застаю, негодую, когда не могу сразу выполнить, наверное, во многом грешен еще: не постиг, не подумал, проленился, не учел. Но главное, главное, наверное, понимать и стремиться исполнить, уже в этом есть что-то, облегчающее душу.

— В декабре этого года вам исполняется пятьдесят лет. Для писателя-прозаика это пора зрелости. Хотелось бы спросить: над чем вы сейчас работаете? Ваши планы!

Н. НИКОНОВ:

— Я не умею рассказывать о том, что не сделано, может быть, из суеверия. Тем более, что планы всегда легко строить, а выполнять трудно. Скажу лишь: работаю, стараюсь работать всерьезнее, с каждым годом это труднее дается, возраст уже дает себя знать, особенно память, имею в виду память творческую, ассоциативную. Хотелось бы написать еще одну книгу о моих друзьях-птицах, книгу о растениях, может быть, учебник природоведения, а в более широком литературном плане книгу о своем поколении. Работаю и в этом нахожу все лучшее, что есть в жизни. Желая и читателям успехов в первую очередь в работе.

КРЫЛАТАЯ СИБИРЬ

**Александр
ЛЕЙФЕР**

Летом 1911 года омичи впервые увидели самолет.

В городе тогда проводилась первая Западно-Сибирская сельскохозяйственная, лесная и торгово-промышленная выставка. Ее устроители организовали для публики различные развлечения, гвоздем которых стали так называемые авиационные торжества. Приглашен был пилот Васильев, один из известных в то время авиаторов. Для взлетов и посадок устроили специальную площадку. И вот вечером 1 июля состоялся первый полет. Самолет Васильева поднялся, сделал несколько кругов и, пробыв в воздухе около шести минут, приземлился.

Показательные полеты продолжались три дня и вызвали огромный интерес: посмотреть невиданное зрелище собиралось до 15 тысяч человек.

Однако только после революции открылись широкие возможности для развития воздушного транспорта, в том числе — и в Сибири.

С первых же дней своего существования Советское государство начало заботиться о становлении отечественной авиации. Большое внимание уделял этому Владимир Ильич Ленин. В июне 1918 года прошел второй Всероссийский съезд авиаторов. Одно из его решений — развитие авиации на периферии.

В двадцатые годы члены «Общества друзей воздушного флота» стали пропагандистами и организаторами показательных полетов в Сибири. В мае 1925 года над тайгсой впервые пронеслись самолеты, пилотируемые летчиками Поляковым, Томашевским, Волковым, Найденовым, Екатовым и Громовым. В Чите авиатехник Я. Г. Савин собрал самолет, и показательные полеты на нем состоялись во многих городах.

В это же время началась подготовка к освоению небывалой по протяженности воздушной трассы Москва — Иркутск. Вскоре решением правительства вся трасса от Москвы до Иркутска была разделена на четыре участка: Москва — Казань, Казань — Свердловск — Курган, Курган — Омск — Новосибирск, Новосибирск — Иркутск.

Омский аэродром построили за северной окраиной поселка Куломзино на огромном пустыре возле березовой опушки. Сохранился снимок: обыкновенный одноэтажный деревянный дом со ставнями и парадным крыльцом. До революции он принадлежал омскому купцу Емельянову. Здесь и разместились службы аэропорта, а в здании бывшей купеческой мельницы — ремонтные мастерские.

1 августа 1927 года был открыт третий участок сибирской трассы Курган — Омск — Новосибирск, самолет «Фоккер-Ц4» пилотировал Федор Николаевич Кононенко.

В Омске приземлялись пять советских самолетов, совершавших испытательный международный перелет по маршруту Москва — Улан-Батор — Пекин, а также экипаж С. А. Шестакова во время перелета Москва — Токио.

В комнате трудовой славы Омского аэропорта висят фотографии тех людей, что начинали создавать большую авиацию Сибири. Среди них есть и портрет И. П. Рогуля. Он — старейший работник аэропорта, пришел сюда в 1929 году. Иван Павлович рассказывает:

— В первый год работы в коллективе аэропорта было человек 20—25. Пять машин «фоккеров» и, соответственно, пять летчиков: Кононенко, Лункевич, Редин, Полозенко, Яхонтов. Некоторые из них участвовали в гражданской войне, уже имели опыт. Вскоре Омск получил

и отечественные машины. Это были П-5 — военные самолеты, переоборудованные для гражданских нужд, а в 1930 году — пассажирский вариант АНТ-9, рассчитанный на девять пассажиров.

Вначале производились одни почтовые полеты и только в летнее время. С 1930 года начались зимние полеты на АНТ-9 и открылось регулярное пассажирское движение на трассе Москва — Иркутск.

С самого начала Отечественной войны сибирская воздушная магистраль стала важной артерией, связывающей центр страны с ее восточными районами. Транспортные самолеты перевозили оборудование и дефицитные материалы для заводов, эвакуированных на восток, дальние бомбардировщики ИЛ-4 перегонялись с востока в прифронтовую полосу.

Не хватало кадров. Не хватало запасных частей и авиационных материалов. Были перебои с топливом, с горючим. Значительная часть работников Омского аэропорта была призвана в армию, а на их место приняты были новые люди, среди которых много женщин. Возникла проблема обучения кадров.

Работа в аэропорту приравнивалась тогда к воинской службе. Регулярные пассажирские рейсы были отменены, и все сосредоточено на главном: без всяких задержек, отлично обслужить идущие на запад самолеты.

Сегодня нельзя не вспомнить тех авиаторов-сибиряков, которые боролись с врагом на фронте. Летчики на своих гражданских самолетах совершали чудеса героизма. Они помогали партизанам, поддерживали связь фронта с тылом, участвовали в снабжении армии, вывозили раненых, доставляли в тыл врага десанты и разведчиков.

В 1926 году связал свою жизнь с авиацией командир одного из авиационных командиров Омского аэропорта Дмитрий Петрович Кузнецов. К началу войны он был уже опытным летчиком. Воевать пришлось на той же машине, на которой летал в мирное время в Сибири. Только теперь на борту были не газетные матрицы, а боеприпасы и продукты для партизан, десантники, раненые. Более 60 посадок в тылу врага совершил летчик.

Перед войной пилот Николай Васильевич Алексеев облетал всю Западную Сибирь, водил машину и на Север, до самого Ледовитого океана. Возил продукты, почту, горючее, меха. Профессиональные навыки, приобретенные в нелегких сибирских условиях,годились на фронте. Приходилось садить свой ПО-2 буквально на «пятачке», на изрытых воронками небольших площадках. Летал к партизанам Ленинградской, Псковской и Новгородской областей, 117 раз садился в тылу врага!

Пилот Николай Алексеев стал прототипом знаменитого киногероя летчика Булочкина, которого сыграл в популярном фильме «Небесный тихоход» артист Николай Крючков. Алексеев помогал кинематографистам создавать фильм, дублировал актера во время съемок. На том же самом омском ПО-2, что снят в кино, провоевал до самой победы.

Несколько слов о ПО-2. Молодые пилоты знают об этой машине лишь понаслышке, а старые летчики испытывают к ней огромное уважение. Эксплуатировалась она примерно с 1928 по 1956 год. Вначале называлась У-2, а потом была переименована в честь погибшего авиаконструктора Поликарпова.

Немцы устраивали на ПО-2 постоянную охоту — уж очень насолил им этот крохотный самолет! Он мог ночью, набрав высоту над нашей территорией, выключить мотор, бесшумно спланировать за линию фронта и сбросить там бомбы. Немцы знали, что ПО-2 летает к партизанам, вывозит оттуда разведанные, именитых пленных, знали, что на этой машине часто летают ответственные штабные работники. Поэтому сбить ПО-2 было мечтой каждого немецкого летчика. Говорят, что за это сразу давали железный крест.

— Тяжелая, напряженная работа у нас была на фронте, — рассказывает ветеран авиации Владимир Сергеевич Соловьев. — Не было понятия «нелетная погода». Летали каждый день, придет с утра синоптик, проконсультирует, и лети. Все зависело от мастерства пилота, от его выдержки. Рядом линия фронта, патрули немецких истребителей, поэто-

му разрешались только бреющие полеты.

Отличная маневренность ПО-2 спасла жизнь не одному советскому летчику. Даже разницу в скоростях они умело использовали: у ПО-2 110—120 километров в час, у немецких истребителей 250—300. Были случаи, когда, спасаясь от преследования, ПО-2 подолгу крутился вокруг заводской трубы или церковной колокольни. Полетает фашист над ним, выработает горючее и убирается ни с чем.

В начале пятидесятых годов Омский аэропорт стал пополняться новой техникой. На смену честно отслужившим свой срок ПО-2 приходили самолеты АН-2 и ЯК-12. Устаревшие ЛИ-2 начали заменяться на ИЛ-12 и ИЛ-14.

А 15 сентября 1956 года омские авиаторы считают знаменательной датой: в этот день реактивный лайнер ТУ-104, который вел командир экипажа Е. П. Барабаш, совершил посадку на омской земле. Было положено начало регулярной эксплуатации реактивных самолетов в Сибири.

ДОЛГИХ ВАМ

**Владимир
МЕЗЕНЦЕВ**

*Рисунки
С. Малышева*

Сказки, мечты и действительность

«Дней Адама по рождении им Сифа было восемьсот лет, и родил он сынов и дочерей. Всего же дней жизни Адамовой было девятьсот тридцать лет; и он умер».

«Сиф жил сто пять лет, и родил Еноса... Всего же дней Сифовых было девятьсот двенадцать лет».

Так, если верить Библии, начал свою историю род человеческий. Долше всех жил седьмой потомок Адама Мафусаил, который умер девятьсот шестидесяти девяти лет...

Через тысячелетия прошла мечта человечества о вечной молодости, о бессмертии. Рождались легенды о людях, победивших смерть. Алхимики средневековья отдавались поискам «философского камня», который способен возвращать молодость.

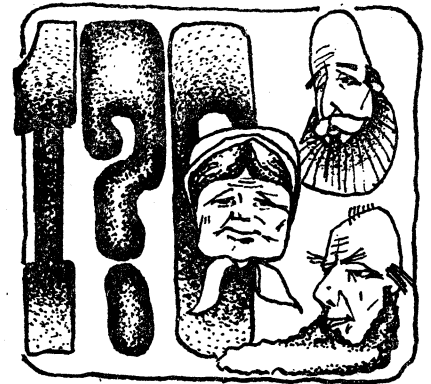
Но оставим сказки. Что нам говорит о долголетию человеческая история? Вот некоторые факты, правда, не всегда достоверные.

Венгр Петр Зортай прожил, по уверению историков, 185 лет и умер в 1724 году. Норвежец Дракеберг, несмотря на злоключения (около пятнадцати лет был в рабстве у пиратов), прожил почти 150 лет. В Англии в 1721 году скончался в возрасте ста пятидесяти лет крестьянин Томас Парр. Смерть его настгла, можно сказать, случайно — после обеда у короля, пожелавшего увидеть столь старого человека. Изведав королевской пищи, он умер от заворота кишок. А в наше время азербайджанец Махмуд Эйвазов прожил 151 год...

К сожалению, подобных примеров немного. В прошлом у людей была значительно более короткая жизнь, чем сейчас. Изучая захоронения каменного и бронзового веков, ученые крайне редко находят останки людей старше пятидесяти лет. Средняя продолжительность жизни тогда не превышала двух десятилетий. В Европе до позднего средневековья она держалась в пределах двадцати — тридцати лет,

В Древнем Риме на сорокалетнего человека смотрели как на старика, а тех, кто доживал до шестидесяти, называли не иначе, как допонтансом, то есть пригодным только для жертвоприношений.

Но желание жить дольше было, конечно, всегда. Когда в 1964 году в Анкаре скончалась 169-летняя Хаждер Нине, последние ее слова были: «Я еще недостаточно пожила на этом свете».

Ныне восемьдесят лет — уже критический возраст. Однако ученые утверждают издавна, что человек способен жить не одну сотню лет. Врач и естествоиспытатель позднего средневековья Парацельс называл 600 лет, а Роджер Бэкон полагал, что человек может прожить и тысячу лет. Как библейские патриархи.

Кстати, не исчисляли ли года этих долгожителей по древнему египетскому обычаю — из расчета один месяц за год? Или по обычаю древних евреев — два месяца за год? Тогда все встает на свои места.

В гипотезах недостатка нет

Сколько же может прожить человек? Или скажем иначе: сколько должен жить? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, очевидно, хорошо знать другое: почему наш организм стареет. А вот это-то мы

ЛЕТ ЖИЗНИ

знаем лишь в первом приближении, причем ни одно из объяснений загадки старения не может претендовать на всеобщее признание. Стремясь проникнуть в тайну жизни, многие исследователи ищут в нашем организме главного виновника старения — тот механизм или, может быть, какой-то отдельный орган, который переключает молодость на старость. Ищут и приходят к самым различным выводам.

...Предельный возраст каждого человека запрограммирован в его генах. Ответственность за старение несут гормональная и иммунная системы. Все дело в работе клеток нашего организма, с возрастом эти микроскопические фабрики белка начинают выдавать «производственный брак». Старости помогают некоторые металлы, накапливающиеся в органах человека... Нелегко даже перечислить все гипотезы, объясняющие так или иначе наступление заката жизни.

Есть среди них и такие, что невольно напоминают времена алхимиков. Вот какое, например, сообщено было напечатано в американской газете «Нью-Йорк таймс»: «Профессор зоологии Гарвардского университета К. Уильямс сообщил, что в тканях человека и высших животных он обнаружил «гормон молодости», который задерживает развитие насекомых на ранних стадиях и удлиняет срок их жизни.

Действие, оказываемое «гормоном молодости» на человека и других млекопитающих, неизвестно, но, по-видимому, в наивысшей концентрации он содержится в железе ти-

мус. Этот орган имеет большие размеры, весьма активен в молодости, особенно в период достижения половой зрелости, с возрастом же съезживается и может даже исчезнуть совсем.

Уильямс и его помощники извлекали «гормон молодости» из тканей однодневных крысят, гипофиза овец, костного мозга, снятых с молока сливок и различных внутренних органов овец и рогатого скота».

Со дня этой публикации прошло уже два десятилетия, однако никаких дальнейших подтверждений столь сенсационного открытия так и не поступило.

Простейшие задают загадку

Как известно, в самом низу эволюционной лестницы живой природы находятся организмы, состоящие всего из одной клетки. Это самые простые и самые древние жители нашей планеты.

Их обителью был океан, а сейчас простейшие нередко живут в чужих организмах и порой приносят болезни. Таковы, например, амебы — возбудители дизентерии.

У одноклеточных есть сказочное свойство: из одного простейшего организма возникает два. И так продолжается до бесконечности.

Но ведь наш организм это не что иное как скопление таких же клеток. Структура их в принципе не отличается от строения одноклеточных, обитающих в какой-нибудь луже.

Однако клетки, составляющие сложный организм, уже не бессмертны. Правда, если их поместить в питательный раствор и как бы вернуть им прежнюю первоначальную свободу, они сперва начинают делиться, но проходит некоторое время, и все клетки гибнут. Случается, после пятидесятого деления. И, оказывается, то же самое происходит в нашем организме.

Почему же клетки тела умирают, а одноклеточные организмы

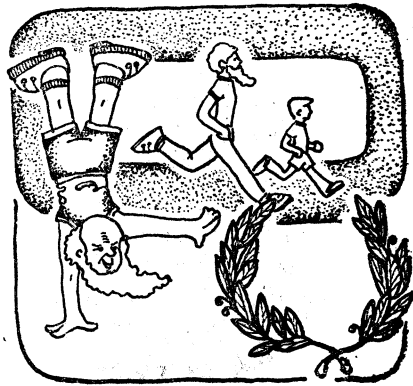
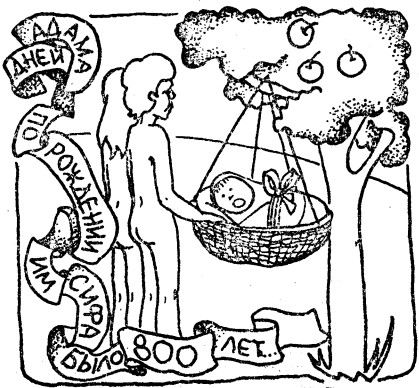
нет? Поисками ответа занята теперь целая армия исследователей.

Каждая из многих миллиардов клеток человеческого организма представляет собой нечто вроде автоматической «фабрики белка». Иногда она может производить негодные продукты. Если это редко — опасности нет. А если наша «фабрика» начнет выпускать брак постоянно? Некоторые ученые думают, что именно в этом и кроется причина старости — клетки начинают производить дефектные белки.

Но если это так, то, может быть, вышедшие из строя белковые «фабрики» следует как-то ремонтировать? Первые попытки уже делаются. Доказано, что вред клеткам наносят те же вещества, от которых портится, например, масло, их называют свободными радикалами. Между тем, пищевики знают средства (консерванты), позволяющие обезвреживать такие вещества. Что если этот опыт использовать в борьбе со старостью?

Консерванты, применяемые для сохранения продуктов, были испытаны на мышках. Результат обнадежил исследователей: подопытные зверьки жили в среднем почти в полтора раза больше, чем обычно. Применительно к человеку это означает, что его жизнь можно было бы продлить с 70 до 100 лет...

Как известно, естественными защитниками организма являются антитела. Нельзя ли заставить их действовать, когда необходимо уничтожить дефектный белок? Антитела образуются, в частности, в костном мозге. И вот ученые при-

вили взрослой мыши костный мозг, взятый у мышонка. Максимальная продолжительность жизни у этого вида мыши составляет около трех лет — подопытная прожила четыре года.

Значит, мы уже можем «чинить» клетки. Пусть это еще лишь первые попытки, но они открывают необозримые возможности!

Эта уверенность подкрепляется и таким фактом. Академик В. Ф. Купревич исследовал секвойю. Величественное хвойное дерево способно прожить пять тысяч лет. И что поразительно: клетки, которые, по словам ученого, целые тысячелетия активно размножались, ничем не отличаются от клеток молодых саженцев! Эти 100—150-метровые гиганты погибают от бурь и болезней, но то, что мы называем старением и смертью, у них отсутствует. Но ведь живая природа едина. Нельзя ли надеяться, что в будущем наука раскроет секреты вечной молодости клеток секвойи?

И опять эликсир молодости?

Как это нередко бывает в науке, геронтологам помогли работы в других областях знания. Речь идет об открытии так называемых нейротрансмиттеров (норадреналина, дофамина и серотонина). Эти вещества переносят сигналы между нервными клетками — нейронами — и оказывают решающее влияние на наши эмоции и работу мышц. А действуют они через две соседние части мозга: таламус, контролирующий мышечные движения, и гипоталамус, который управляет «главной железой» организма — гипофизом.

Гипофиз вырабатывает гормоны, регулирующие процессы обмена веществ и роста. Другие системы нейронов в гипоталамусе контролируют чувство голода и насыщения, температуру тела, кровяное давление, частоту сердцебиения и многие другие функции.

Когда ученые поняли, что гипоталамус представляет собой столь важный центр контроля в организме, они задумались и о роли, которую этот орган может играть в процессе старения. А затем возникла мысль, что определенное участие в нем могут принимать и «нейротрансмиттеры».

Сейчас в этом направлении ведутся исследования. В опытах на тех же мышах было обнаружено, что по мере старения в гипоталамусе падает содержание дофамина. А ког-

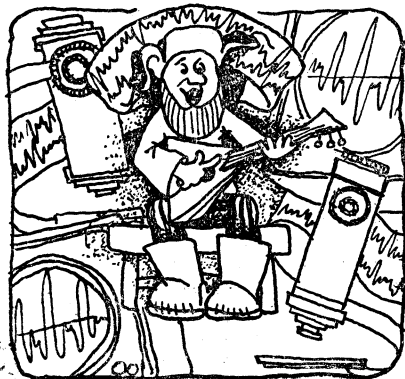
да животным стали давать большие дозы этого вещества, мыши жили дольше.

...В проблеме старости есть один грустный аспект: не исключена возможность того, что природа враждебна к живым организмам, как только они дали потомство. Так, тихоокеанский лосось завершает свою жизнь от полной сил юности до старости и смерти всего за две недели после того, как он добирается до нерестилища. Рыбу убивает особый гормон, который вырабатывается гипофизом после того, как она выметет икру.

По мнению американского биолога Д. Денкла, почти такие же процессы протекают и в организме человека: после достижения половой зрелости гипофиз начинает выделять особый гормон старения.

Все дороги ведут в клетку

И все-таки, каким бы путем в поисках победы над старостью ни шел исследователь, он приходит к клетке. Ведь старение любого организма при всех обстоятельствах начинается с его клеток. Что же там происходит? В последнее время все больше ученых утверждают в мысли, что на жизнедеятельность орга-

низма очень большое влияние оказывает генетический аппарат клетки. Он и определяет в конечном счете сроки старения, а затем и смерти индивидуума.

О том, сколь решающее значение имеют здесь гены, конечно, еще спорят. Нельзя, скажем, не согласиться с тем, что записанная в генах жизнь до ста лет возможна только при благоприятных внешних условиях. С другой стороны, вполне возможно, что человек, которому в жизни созданы наилучшие условия, способен прожить дольше, вопреки записанной в его генах «судьбе».

Кроме того, теперь мы знаем: ресурсы здоровья — биологические, физиологические, психологические, — данные наследственностью, намного больше, чем это представлялось раньше. Возможно, что в генетическом коде почти у каждого из нас «записано» не менее 100 лет жизни. И только непростительное отношение к полученным «задаткам» сокращает наше пребывание на земле. Долголетие человека в большинстве случаев в его собственных руках!

Одна из крайних точек зрения такова: возрастные изменения в нашем организме жестко запрограммированы в наших генах. В каждой клетке существуют своего рода часы, ход которых и определяет срок жизни. Лишь замедлив их ход, можно прожить дольше. Другими словами, существует только один путь: вмешательство в механизм наследственности.

Возможно ли оно? Пока еще нет, но именно — пока! Открытия молекулярной генетики уже позволяют вносить благоприятные изменения в генетическую программу организма, на десятки лет задерживать приход старости.

Таким образом, если даже согласиться, что в генах записан срок жизни, то и в этом случае наука подарит человечеству ключ к биологическим часам клеток. А возможно, с генетическим кодом все обстоит не так. Есть и другая мысль: суть и причина старения в том, что гены со временем повреждаются и нарушают синтез белков, в результате — расстройство жизнедеятельности всего организма. Если мы найдем средство поднять сопротивляемость генов вредным веществам только в полтора раза, то наша жизнь, возможно, станет почти в десять раз продолжительнее... Вот что говорит, например, лауреат Нобелевской премии Лайнус Полинг: «С помощью соответствующего питания и некоторых витаминов можно замедлить процессы старения и удлинить жизнь человека в среднем на двадцать лет. В будущем большие дозы витаминов позволят бороться с сотнями болезней». Особое значение этот известный ученый придает витамину С.

Наконец, выясняется отрицательная роль металлов в механизме старения. Взаимодействуя с ДНК, они могут выводить ее из строя. Обнаружено, что старческая дряхлость связана с увеличением в мозге содержания алюминия. Проблема состоит в том, чтобы научиться удалять из клеток организма лишние вредные металлы, и тем замедлить угасание жизни.

География «мафусаилов»

Мы искали причины старения внутри организма. А разве внешний мир не накладывает свою тяжелую руку на всех нас?

Сколько лет жить человеку — кто скажет, что тут играет главную роль? Жизнерадостность? Любимый труд? Разумное питание? Физическая закалка? Наследственность? Наверное, и то, и другое, и третье... А что решающее?

Геронтологи давно отметили: на земном шаре есть несколько мест, где совсем не в диковинку бодрые столетние старики. Скажем, долгожители Кавказа. Если в США на сто тысяч жителей приходится всего 1,5 долгожителя, в нашей стране в целом — 8, то в Нагорно-Карабахской автономной области их 100! Весьма существенную роль играет кавказская пища. Большое количество необходимых человеку витаминов — круглый год на абхазском столе. Обед здесь немислим без зеленого лука или чеснока, помидоров, баклажан, всевозможных трав. Бульонов и других мясных отваров абхазцы практически не едят. В большой чести фасоль, кукуруза, грецкий орех, хурма и гранат, виноград и мед, а также простокваша — мацони.

При одном обследовании выяснилось, что только 22 процента горцев ограничивают себя в еде, причем ограничения касаются в основ-

ном мяса. Остальные едят самую разнообразную пищу, но в одном все единодушно: переедание вредно, и этим пороком долгожители не страдают.

Перечисляя главные секреты долголетия кавказцев, иногда называют горный воздух. Это справедливо. Теперь установлено, что у горцев некоторые гормональные системы функционируют слабее, чем у жителей низин. Почему? Из-за привыкания организма к пониженному содержанию кислорода, когда защитные функции организма, как известно, усиливаются.

Долгожителями славится и высокогорная долина Вилькабамба в Эквадоре. Надо сказать, что рождение детей здесь с давних пор регистрируется в церкви. Поэтому возраст долгожителей не вызывает сомнений.

Когда в Вилькабамбе уже в наше время впервые появились врачи, местные жители были немало удивлены, зачем вдруг их гостям потребсвалось слушать, как человек дышит, и стучать молотком по коленным суставам. А врачи дивились, узнавая, что обследуемые, вполне здоровые люди, уже перешагнули вековой рубеж.

Каковы здесь условия жизни? Климат не подвержен большим перепадам, среднегодовая температура держится на уровне 15 градусов тепла. Характер местности требует при ходьбе усилий: вниз-вверх, вверх-вниз, это развивает у людей мускулатуру. Более существенно, однако, другое: все, кто живет в Вилькабамбе (так же, как и среди долгожителей Кавказа), с раннего возраста и до последних дней заняты постоянным трудом. Никто не мыслит себе жизни без ежедневной работы, которая требует немало сил. Еда круглый год проста: овощи, кукуруза, изделия из пшеничных зерен. Мясо — редкость.

Вот еще одна долина «мафусаилов» — Хунза в северном Пакистане. Все, кому довелось бывать в этом высокогорном районе, обращали внимание на стариков, энергичных, бодрых и трудолюбивых. Даже глубокие «старцы» заняты работой — ухаживают за скотом, занимаются прополкой посевов, готовят пищу.

Обращает на себя внимание то, что жители Хунзы и Вилькабамбы питаются до удивления схоже. Слово нет между этими двумя географическими точками великого океана. Пища одна, и главным образом растительная...

Прочитав все это, можно подумать, что для долгожителей необходимы горные районы. Однако не будем торопиться с выводами. Столетние здоровяки живут не только в горах. Отменным здоровьем отличаются многие народы севера. Мно-

го долгожителей, скажем, в Якутии. Об одном из них писала несколько лет назад «Литературная газета»: Егору Вениаминовичу Ефремову из села Тасагарцы Вилюйского района Якутской АССР 108 лет, но он и сейчас ездит на сенокос. «Взмахнешь косой — и чувствуешь, как кровь бежит по жилам. А охота? И сейчас хожу на медведя».

Искусство жить

Размышляя о секретах долголетия, нельзя забывать о нашей психике. О нашем отношении к жизни — к другим людям, к различным обстоятельствам, к своим успехам и неудачам.

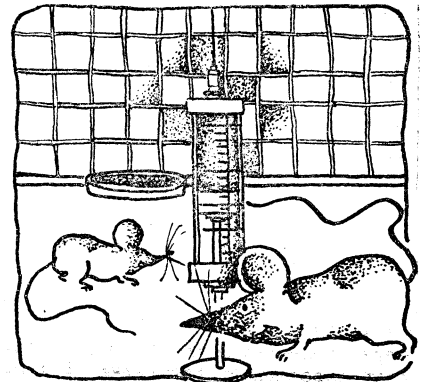
«Искусство жить — это непоколебимая вера в свое долголетие. Это — обязательное и повседневное требование к себе быть подтянутым, никогда не опускаться физически, внешне и главное — внутренне!» Не помню, кто высказал эту мысль, но она бесспорна.

Главное — в искусстве жить. Если вы бездумно сжигаете свое здоровье, если не можете, не хотите или не умеете бороться за разумную и здоровую жизнь, то не рассчитывайте на чудеса медицины.

Когда «Литературная газета» проводила заочный опрос долгожителей страны, редакция получила от каждого четвертого из них такую оценку своего характера: «веселый, жизнерадостный».

«Нашей бабушке, — писал Ашот Вартамян, — нельзя дать больше 70. Иногда смотрю на нее и думаю, кто из нас моложе. Она часто смотрит футбол, хоккей. Любит художественную литературу... А если бы вы видели, как она танцевала вальс на своем столетнем юбилее!»

«Секрет моей долгой жизни, — ответил абхазец Миха Джобуа, — в спокойствии. Гнев и зависть укорачивают жизнь. Я никогда никому не завидовал и держался дальше от тех, кто завидовал мне». Заметим тут же, что еще древние врачевате-

ли утверждали: жизнерадостность — не только признак здоровья, но и самое действенное средство, избавляющее от болезней (заметим, что теперь мы знаем и биохимические пути благотворного воздействия положительных эмоций на человека).

А как хорошо сказал 107-летний Сафаров Гюльгаз Мадат гызы: «Нервы свои всегда держал в веселом состоянии. Противны мне были скандалы».

Вот необходимая всем нам мудрость жизни! В ней, если хотите, и заключен эликсир молодости.

Очень и очень многое зависит от того, как человек относится к окружающей действительности, к людям, к своему труду. Оптимизм и увлеченность, благожелательность и уверенность в своих силах — все это надежно способствует долголетию. «Нельзя иметь весну круглый год», — писала немецкая писательница Фанни Левальд, — но можно остаться юным в душе до конца дней своих, если... не отрывать глаза и сердце от красивого, великого, доброго и истинного».

Сама жизнь дает нам тысячи и тысячи примеров благотворного влияния на организм человека добрых и уравновешенных отношений в семье, в коллективе. И, наоборот, сколь разрушительное действие оказывают на нас даже мелкие, но повседневные ссоры, затянувшиеся склоки, желчная зависть к успехам других, вечное недовольство своим положением.

А какие огромные резервы хранит в себе наша психика, наша воля! Известен такой исторический пример. Среди многочисленной литературы о продлении жизни есть книга венецианца Корнаро «Как дожить до ста лет». Автор написал ее после того, как сам убедился в необыкновенных возможностях человеческой психики. В молодости он жил, как говорят, «в собственное удовольствие» и к тридцати пяти годам истощил все силы, данные ему природой. У постели собрались лекари и вынесли заключение: смерть неизбежна. Но один из врачей не согласился и прописал больному... здоровый режим, бодрое настроение и веру в выздоровление.

Угроза близкой смерти так повлияла на Корнаро, что он решительно изменил свое отношение к жизни. Во всем следуя советам врача, он прожил еще более пятидесяти лет. И написал о себе книгу.

Очень большое значение для продления человеческой жизни имеет разумное сочетание физических нагрузок с умственными. Наши мышцы не терпят неизменного покоя, их нужно постоянно упражнять.

Умеренные физические усилия активизируют кровообращение, влияют на состав крови, на общее

самочувствие человека. Улучшается обмен веществ в организме, человек как бы входит в особый жизненный ритм, преодолевая старость.

Особенно важна активность целесообразная, проявляющаяся в сознательном труде. Долголетие и труд неотрывны друг от друга. Лентяй и лежебока никогда не доживали до ста лет! Жить, чтобы трудиться, и трудиться, чтобы жить — вот подлинный источник нашего долголетия. «Всю сознательную жизнь», — говорит академик Н. Амосов, — люди трудятся. На производстве, в быту. На себя и на общество. Работа человеку необходима. И не только социально — для других, но и физически — для себя самого. Но он далеко не всегда это понимает. Поскольку от природы человеку дана потребность расслабляться, а труд издавна воспринимался как тяжелое бремя (труд тяжелый, физический, надоедливо-однообразный — скучный!), вот и вошло в психологию людей, что для счастья надо поменьше напрягаться. Но природа не дремлет. Она мстит. И очень крепко. Потому, что напряжение есть главное условие тренированности. В свою очередь, тренированность есть условие эффекта работы. А эффект работы есть условие человеческого счастья».

Люди активного творческого труда занимаются любимой работой до последних дней жизни и этим несомненно продляют свою жизнь. Баснописец Крылов в 68 лет начал изучать греческий язык и овладел им за два года. Гете написал последнюю часть бессмертного «Фауста» в 82 года. Тициан продолжал работать над своими картинами до 99 лет.

И еще один очень важный совет: не забывайте общаться с природой. Постоянно и вдохновенно. Правнуки одного «старика» с Кавказа написали: «Мы получили квартиру с удобствами. Но прадед наш и сейчас проходит несколько километров, чтобы искупаться в горном ручье». Вот как надо сочетать дары цивилизации с дарами природы.

И, наконец, последнее, о чем надо помнить даже самым юным. Есть много свидетельств того, что организм начинает стареть уже с самого момента своего возникновения. Значит, о долголетию следует думать смолodu — заботиться о своем телесном и душевном здоровье. И главный секрет в продлении жизни в том, чтобы не сокращать ее!

«Лет до ста расти нам без старости» — в этих емких словах поэта очень хорошо выражена глубокая мысль: мало только прожить долгую жизнь, нужно прожить ее так, чтобы все годы, до самых преклонных лет человек рос духовно — обогащал свою жизнь новыми и новыми знаниями, находил счастье в своей творческой работе и дарил окружающим свои нравственные богатства. Такая жизнь достойна Человека.

Мысли о жизни

Ж. Санд: «Мы не можем вырвать ни одной страницы из нашей жизни, хотя легко можем бросить в огонь самую книгу».

Сенека: «Жизнь долга, если она полна... Будем измерять ее поступками, а не временем».

В. Г. Белинский: «Много людей живут, не живя, но только собираясь жить».

Леонардо да Винчи: «Поистине тот, кто не ценит жизнь, тот ее не заслуживает».

В. Шекспир: «Молодость изнашивается тем скорее, чем больше ее расточают».

Д. Беллерс: «Неприятности, от которых человек спасается праздностью, постигнут его в виде болезни... Труд подливает масло в лампу жизни, а мысль зажигает ее».

Г. Береговой, летчик-космонавт СССР: «Я давно догадывался, что человек по натуре немного лентяй. Подсознательно он всякий раз стремится делать не то, что нужно, а то, что хочется. Я сказал себе: нужно догнать тех, кто моложе лет на десять с гаком, и всесторонне подготовил себя физически. Еще я сказал себе, что мне этого хочется. Каждый день. Каждую минуту. Всегда».

МОСТЫ ЧЕРЕЗ НЕВУ

Ирина
ЛЕГОНЬКОВА,
Аркадий
КОНТОРОВИЧ

Сегодня нам трудно представить Неву без повисших над нею мостов. А ведь Петербург жил без мостов через Неву на протяжении ста пятидесяти лет.

Существует несколько версий относительно причин такого положения. Отсутствие мостов при жизни Петра объясняют тем, что царь хотел приучить русских людей к морскому делу. В специальном указе предписывалось, чтобы не только хозяева домов, но и каждый не совсем бедный постоялец имел у берега во всякое время перевозное судно, которое бы употреблялось точно так же, как на сухом пути кареты и коляски. Считают также, что мосты затрудняли бы судоходство на Неве.

В то время через Неву переправлялись преимущественно на лодках, а затем по наплавным мостам, которые сооружали на плоскодонных плашкоутах, поставленных на якоря. Перед ледоставом мосты разбирали, а после ледохода сооружали вновь.

Ежегодно об открытии санного пути через Неву жителей Петербурга барабанным боем оповещал один из придворных шутов. В каком-либо причудливом наряде он первым переходил реку во главе специальной команды. Прокладывая дорогу, они обозначали ее границы воткнутыми в снег зелеными елками.

О вскрытии Невы и начале переправы через нее по воде жители столицы извещались тремя пушечными выстрелами из Петропавловской крепости. Первым переплывал Неву на лодке сам Петр, а в его отсутствие — комендант города.

Исаакиевский наплавной мост был построен в 1727 году. Мост получил свое название от церкви Исаакия Далматского, которая находилась недалеко.

После смерти Екатерины I малолетний император Петр II со своим двором переселился в Москву, поэтому Исаакиевский мост перестали наводить.

Лишь в 1732 году вступившая на престол императрица Анна Иоанновна переехала в Петербург, и наплавной Исаакиевский мост был сооружен вновь.

С 1779 года мост начали наводить не только весной, но и зимой. Для этого во льду прорубали каналы, по которым блоки моста подтаскивали к месту их установки.

Работы, связанные с ежегодным сооружением и разборкой моста, а также уход за ним требовали значительных средств и большого труда.

За переправу по мосту взималась плата: с пешехода — копейка, за лошадь — две копейки, за карету — пятак. Правом бесплатного прохода и проезда пользовались пожарные, полицейские, государственные курьеры и акушерки. Плата за переправу по мосту была отменена в 1754 году императрицей Елизаветой, которая по случаю рождения престолонаследника «высочайше соизволила» упразднить плату мостовых денег.

После сооружения в 1850 году Благовещенского моста — первого постоянного металлического моста через Неву (на месте нынешнего моста Лейтенанта Шмидта) — наплавной Исаакиевский мост был построен у Стрелки Васильевского острова. Тогда он получил название Дворцового, его неоднократно перестраивали.

В 1879 году на мосту установили электрические фонари конструкции знаменитого русского изобретателя П. Н. Яблочкова. Это был первый в России опыт использования электрической энергии для освещения города.

Наплавной мост перестал действовать лишь в 1912 году, когда началось сооружение металлического Дворцового моста. А конструкции моста были снова наведены у Сенатской площади и вновь названы Исаакиевским мостом.

Многие центральные улицы Петербурга к этому времени уже имели электрическое освещение. Между тем на Исаакиевском мосту стояли керосиновые фонари, запас керосина для которых хранился в одном из плашкоутов. Это явилось причиной потрясающего события, которое глубоко взволновало жителей города. В жаркий день 11 июня 1916 года от искр проходившего парохода

Окончание см. на 3-й стр. обложки.

КАК УДАЛИТЬ БОЛЬНОЙ ЗУБ

У одного мальчика заболел зуб. Вот он и придумал: «Привяжу-ка я его к какому-нибудь предмету. Например, к трамваю. Трамвай тронется, веревочка натянется и вырвет больной зуб».

А бабушка ему не советует.
— Ты что, с ума сошел? Трамвай тронется и тебя за собой потащит. Но мальчик не послушался, взял веревочку и пошел на трамвайную остановку. Один конец веревочки привязал к больному зубу, а другой — к здоровому вагону.

Трамвай тронулся, веревочка натянулась — и от трамвайного поезда оторвался один вагон.

Бросился мальчик бежать с испугу. А вагон за ним на веревочке катится.

Пассажиры кричат:
— Безобразия! Почему не в ту сторону едем?

Добежал мальчик до кольца и назад помчался.

Пассажиры опять кричат:
— Безобразие! Почему трамвай остановки не делает?

Стал мальчик остановки делать.
— Остановка такая, — говорит. — Следующая такая-то.

А на одной остановке столько народу в вагон набилось, что мальчик за веревочку потянул и...

Упал он на землю и говорит:
— Вте! Тъямвай дайфе не пойдет!

К. МЕЛИХАН

ПУГОВИЦА

Колька Петров рвал и метал. Он только что вернулся из райцентра и собирался в клуб на танцы. Примеряя перед трюмо свое приобретение — изрядно потрепанную импортную куртку, Колька с ужасом обнаружил, что второй пуговицы сверху нет. Проклятие! Во всем поселке не было другой такой куртки с фирменными пуговицами, на которых было четко вытиснено «US».

Стрелки часов приближались к восьми, а король танцев, как прозвали Петрова друзья, с потеряннным видом сидел на табуретке. И вдруг он вскочил...

— Ура, Никола идет! — грянул хор голосов в фойе клуба, и приятели радостно кинулись к Петрову. Тут же один из них гнусно хихикнул, сдержанно фыркнул другой, затем неудержимый хохот охватил всех.

На импортной куртке красовалась обычная черная пуговица от рабочей телогрейки.

— Че это? — презрительно спросил самый главный соперник Петрова по экипировке,

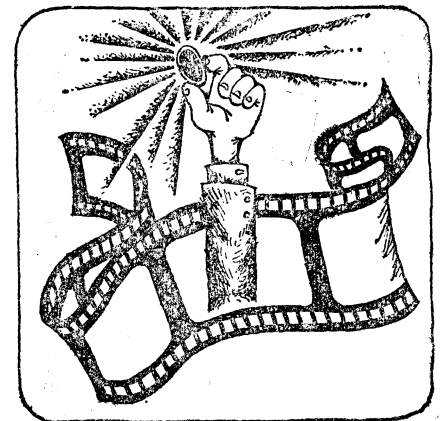
Король танцев невозмутимо стоял, выставив вперед ногу и выпятив грудь. Смех мало-помалу утих.

— Эх вы, сероглупые, — с печалью в голосе произнес Колька. — А ну, кто из вас видел новый заграничный кинобоевик «Лев Техаса»?

Все озадаченно молчали. Наконец раздался робкий голос:

— А ты?..

— В том-то и дело, вчера в го-

роде видел,—отвечил Петров.— Вот это картина! Умрешь... закачаешься... Там этот самый, ну как его... Ну, короче, Лев Техаса сам. Главный герой, так сказать, ковбой прерий... Он пуговицей от других и отличался... Это, брат, особый шик!

И Колька вздохнул стал рассказывать содержание фильма, выдумывая его на ходу.

На другой день у большинства парней и подростков поселка вторая пуговица сверху на куртках была другого цвета и формы, чем остальные. Мода начала разбег!

Г. БЕЛОУСОВ

НОВОГОДНЯЯ СКАЗОЧКА

В давние, старые времена, когда на свете было много неимущих людей, в ночь под Новый год одинокая пожилая супружеская чета тоскливо коротала свое время около разожженного очага. Там стоял котелок, а в нем кипятилась только вода. У бедняков нечем было встретить праздник.

Добрая сказочная фея пожалела обездоленных людей. Она явилась к ним и сказала, что они могут высказать три любых пожелания и все они, по ее волшебству, сбудутся. Сказала это фея и исчезла.

Измученные супруги начали обсуждать, какие же жизненные блага им пожелать. Ведь все, что только заблагорассудится—и горы золота, и новый дом с плодоносящим садом, и полные лари всякого добра,—может быть в их распоряжении. Но все это пока были только мечты. И самое досадное, что нельзя было пожелать все сразу. Что-то надо было выбрать. И голодная женщина, вздохнув, сказала:

— Эх, варилась бы сейчас в нашем котелке хотя бы одна сосиска.

Едва успела она это вымолвить, и—о, чудеса!—из трубы прямо в котелок с кипящей водой плюхнулась сосиска.

Значит, фея не лгала. Но муж, поняв, что жена уже истратила одно желание на такой сущий пустяк, сгоряча воскликнул:

— Чтоб тебе эта сосиска вскочила на нос!

Сосиска мгновенно выпрыгнула из котелка и крепко-накрепко укрепилась на носу старухи.

Итак, два желания бедняков были уже исполнены, а они по-прежнему

оставались нищими, да вдобавок старуха получила еще и уродство. Она взглянула на себя в зеркальце и обмерла: сосиска торчком стояла на ее и так длинном носу.

Расстроенные супруги поглядели друг на друга. Мужу, естественно, хотелось, чтобы исполнение последнего, третьего желания принесло им богатство, а жена ни о чем другом и слышать не хотела, как только убрать с носа безобразную сосиску.

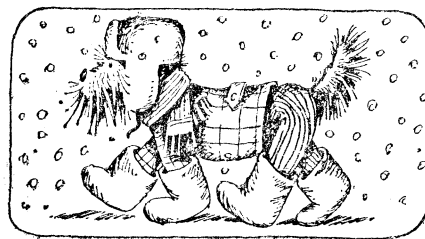
Долго они спорили, и, конечно, старуха настояла на своем.

Вот так и встретили они Новый год, как говорится, не солоно хлебавши.

В. НЕКРАСОВ

НЕЖЕНКА

Посмотрите-ка во двор:
Вот потеха! Вот позор!
Неженку-болонку
Укутали в попонку!
Кто-нибудь в лесу под елкой
В тельогрейке видел волка?!
У заснеженной сосенки
Кто встречал лису в дубленке?!
Белок в валенках и в шапках,
С рукавичками на лапках?!
Или, может, видел кто
Мишку белого в пальто?!
Под палящими лучами
Разве ходит слон в панаме?
В сорок градусов мороза,
В сорок градусов тепла
Ходят звери очень просто —
В чем их мама родила!

Ну, а этот хилый пес —
Где он вырос? Как он рос?
Может, вырос он в теплице,
Раз боится простудиться!
Как его, бедняжку, жалко!
Вот наука, верь-не верь.
Вот пример, как без закалки
Пропадает даже зверь!

Е. ВЕРБИН

МУДРЯШКИ

Как жаль, что в школе жизни нельзя остаться на второй год!

Камнем преткновения оказался гранит науки.

Науки юношей питают — на средства родителей.

Педагогические раздумья: «Кого бы проучить?»

Имел философский склад ума, в котором обнаружилась большая недостача.

Ну и что ж, что человек произшел от обезьяны. Родителей не выбирают.

Тот, у кого нет никаких способностей, способен на все.

Обыкновенных детей находят в капусте, а вундеркиндов — в лаврах.

У школьника все было написано на лице. Оставалось только поставить двойку.

О. СЕИН

Некуда пойти по вечерам — иди в вечернюю школу.

Минус на минус дает плюс, а хочется — пять с плюсом.

Вышел сухим из потока информации.

Мало наверстать упущенное, надо еще не упустить наверстанное.

Дети — цветы жизни или это только цветочки?

В. ВОРОНЦОВ

Бестолковый ученик: ему указали на дверь, а он пошел на все четыре стороны.

Знаешь, кем не быть, — значит, хоть кем-то будешь!

Г. МОСКВИН

«Уральский следопыт»

ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ. НАЙТИ СЕБЯ. ТРЕБУЮТСЯ СПЕЦИАЛИСТЫ. ДАЕМ АДРЕСА РОМАНТИКАМ. ЮНОСТЬ ОТЦОВ. ЛЮДИ ПОДВИГА. ДЕЛАТЬ ЖИЗНЬ С КОГО?

Абрамов А. Наследники Нестерова. № 10.
Баранов Л. Юнармейцы. № 2.
Богоявленский Л. Камбарские коммунары. № 3.
Борисихин Ю. Слово чаша неотптая... № 9. На зов приполярных вершин. № 11.
Борисов Ф. Солдаты Дзержинского. № 10.
Васькова Е., Широкова Н. «Вот вырастешь — узнаешь!» № 8.
Вишневу П. Орден. № 4.
Вы спрашивали... № 5, 12.
Гайнулина Ф. Мы помним тебя, Настя... № 9.
Головин Н. «Ты заменишь его...» № 9.
Голубев Л. Эти удивные парни. № 10.
Зигуненко С. Рабочее лето, или хорошо уметь самому! № 8.
Зюскин В. В чем сила человеческая. № 9.
Иванов М. Что такое разведка. № 10.
Каплун И. Благодарность рабочим. № 2.
Кулешов Н. Ребята заводские. № 9.
Лобов В. Трудная школа. № 11.
Львов С. Быть или казаться. № 5.
Любарская А. Подходящая ситуация. № 9.
Мешавкин С. Завод имени Ленина. № 3.
Мыльников Н. Строгий и добрый маршал Жуков. № 5.
Нагибин А. В краю черного золота и белых ночей. № 6. Судьба пилота. № 9.
Надточий Ю. Три вершины Тобольска. № 12.
Николаев Н. Эхо войны. № 8.
Новый Н. Первый. № 9.
Ошуев М. Броней в броню. № 9.
Петров М. Земной лимб. № 12.
Попова А. Модельеры. № 5.
Пузанов А. Им спасенный хлеб. № 9.
Рыков С. Аристократы барахолки. № 2.
Грачев как Грачев... № 8.
Самсонов В. Тараны. № 9.
Сапов В. Обелиск. № 9.
Скажи, кто ты... № 8.
С Лениным в сердце. № 4.
Селиванов Л. Нам было восемнадцать... № 11.
Соларев А. Сантимы для... брони. № 2.
Сыркин Л. Девиный тралщик. № 9.
Телегин А. Возьми свою высоту. № 9.
Урал в век Ленина. № 4.
Училище — порог жизни. № 3.
Федоров С. Комсомолы XX века... № 6.
Чугаев Г. Телеграмма вожда. № 2.
Швирикис А. Арифметика подвига. № 9.
Шипанова З. Слово о брате. № 9.
Шмерлинг С. Хитрован. № 1.

ПРОЗА

Алмазов Б. Презент. № 9.
Банькин В. Кротова вылазка. Сним-

ские близнецы. Нежданные заступницы. № 10.
Богданов О. Гюрза в засаде. № 10.
Валеев Р. Вечером в испанском доме. № 11, 12.
Грин А. Волчок. № 8.
Давыдычев Л. Дядя Коля — поп Попов жить не может без футбола. № 6, 7, 8.
Крашевинников А. Перо ястреба. № 10.
Путилов Б. Сокрушение Лехи Быкова. № 1, 2, 3.
Сафонов В. Чудак-человек. № 10.
Тулин В. Старые нашивки. № 1.
Фомин Л. Лесные курьезы. № 11.
Фролов Л. Амбарная музыка. № 3.
Чуманов А. Нянечка. Бестолковый снег. № 11.
Юзюфович Л. Блюдо шахиншаха. № 4, 5.

МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА

Биленкин Д. Бремя человеческое. № 1.
Бульчев К. Упрямый Марсий. № 2.
Другаль С. Светлячковая поляна. № 12.
Колупаев В. «Толстяк» над миром. № 6, 7.
Новиков В. Звездная лодка. № 5.
Савченко В. Встречники. № 3, 4.
Фирсов В. Срубить Крест. № 9, 10, 11.
Калейдоскоп. № 3, 4, 6, 7, 9, 10, 11, 12.

ПОЭТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ

Архипов Ф., Иванов Г., Казарин Ю., Клипинидер М., Назаров А., Суворов В. Теплый ветер по стеклам бьет... № 3.
Балдин П., Зыков Ю., Ковалев Н., Комиссаров А., Курбатов В., Кузнецов Л., Легкобит В., Мурзавлев Е., Останин П., Семеновников С., Уланов В., Чурилин В. И никто не собьется с дороги. № 9.
Басовский Н., Борисов В., Карпенко Б., Лаптев В., Носков В., Николаев В., Разумов Е., Рудаков Е., Теличко Н., Цветков Г., Чуяко Д. Из синевы скатился гром... № 6.
Вориводина А., Дубровина Э. Млечный мост. № 1.
Гараева С. Равною шагаю среди равных. № 4.
Горин И. Есть сладкое слово «хочу»... № 9.
Горьев И., Мережников Н., Смирнов Э. Жизнь по-ленински. № 4.
Карасев Е. Студенческий отряд. № 3.
Комлев А. Азия. № 8.
Куликов Л. Золотая бабочка. № 12.
Куницын А. Звездный дождь. № 10.
Лившиц Д. Алье паруса. № 8.
Молчанов Э. Рудокоп. № 8.
Найдик М. Давний снимок. Поле было в белых бугорках... № 4.
Орлов С. Его зарыли в шар земной... № 9.
Поскребышев О. Трудная работа у цветов... № 7.

Сибирев В. Горный флагман. № 2.
Сляднева В., Шкавро Л. Все то, чем я живу. № 11.
Сорокин Л. Как манят серебристые вершины. № 5. Олимпийский мишка. № 7.
Суворов В. Отца фотокарточку... Опять встает передо мной... № 3.
Гер-Акопян А. Восхищает Земля... Наши радости, наши напасти... Давай позабудем укоры... № 8.
Шамсутдинов Н. Олень. Белый Яр. № 8.
Шенгели Г. Памяти Грина. № 8.
Шицын А. Ходоки у Ленина. № 6.

ДАВНЫМ-ДАВНО. ТРОПОЙ ПОИСКА. ПО БЕЛУ СВЕТУ. КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА. РУКОМЕСЛА. РАССКАЗЫ О КНИГАХ. НЕ СЧЕСТЬ СОКРОВИЩ. ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ.

Алебастров И. Опальный изобретатель. № 1.
Андреев Я. От века к веку... № 11.
Блинкин С. Подвиг анатома. № 3.
Блюм Э. Публикуется впервые... № 4.
Большаков Л. Посмертная маска Пушкина. № 6.
Бусыгин С. «Красная звезда» идет по Капе. № 11.
Воронов Г. Что в имени твоём. № 3.
Гаглоева В. Этот дом на Чистых Прудах... № 12.
Гончарова В. «Я люблю остро отточенную шашку...» № 6.
Диденко В. ...Был красным дипкурьером. № 2.
Ермаков А. Записки из крымского блокнота. № 1.
Забоев А. Беличьи шкурки в роли денег. № 9.
Зеличенко Б. Киностранцы великой жизни. № 3. Максим — кто он? № 8.
Калмыков Ю. Возвращение. № 8.
Каплун И. Кремль, тов. Ленину... № 1.
Дело подпоручика Ильинского. № 3.
Коверда П. Почетный забойщик. № 8.
Знамя горнорабочих. № 12.
Козлов В. Салдинские тайники. № 11.
Козырев А. Как создавалась одна скульптура. № 4.
Кониц М. Можайский — художник. № 1.
Кончин Е. «До кончины жизни ее не исходило...» № 1.
Кривошеин В. Музей поэтов. № 9.
Курочкин Ю. Цирк на Урале. № 7.
Легонькова И., Конторович А. Мосты через Неву. № 12.
Лейфер А. Красная Сибирь. № 12.
Липатников Ю. Страницы неизданной книги. № 8.
Литвинов Р. Первый автоброневой. № 1.
Лыткин С. Слушайте, товарищи потомки! № 8.
Ляпцев К. Сан-Дonato. № 4.
Мезенин Н. Миру на изумление. № 1.
Мешков Ю. «Издать в первую очередь!» № 5.
Нагибин А. Сокровища Ижевского арсенала. № 11.
Никифоров Н. Атаман Хлопуша. № 6.
Новоселов Е. Избы с жар-птицами. № 3.

В 1980 ГОДУ

Омельчук А. Заговор хантыйской княгини. № 8.
Осинцев Л. За что уволили поэтессу. № 9.
Павлов В. Еще об атамане Метелке. № 4.
Паранин М. Увольняется по ненадобности. № 5.
Пашин В. Сабля Павла Катенина. № 5.
Памятные трубки. № 8. Костромской друг Льва Толстого. № 12.
Пензин Э. За шахматы бит батожем... № 6.
Патрунов Ф. Земля, где рождаются лавины. № 10.
Печенкин Л. Гвардия. № 8.
Плашевский Ю. Вита — знак огневой. № 3.
Пономарев В. Сей камень заветный. № 12.
Преснецов Р. Артист с Вятки. № 12.
Прокопенко Л. Кто такой Янко? № 1.
Прусс П. Жил в переулке волшебник... № 10.
Ранова Е. Экскурсия по квартире. № 3.
Раппопорт А. Записка Маяковского. № 8.
Рощаховский В. Здравствуйте! № 3.
Абракадабра. № 4.
Рязанов Ю. Собиратели и избиратели. № 5.
Ситникова М. Столица Урала в прошлом. № 5.
Соларев А. Уральский значок. № 3.
Планета «Целина». № 11.
Сорокажердье В. На каком языке говоришь, Лапландия? № 4.
Супрунов Н. Кое-что о лыжах. № 10.
Тумбасов А. Портреты Евгения Широкова. № 12.
Харчев В. Капитан Грин. № 8.
Чаплин С. «Еду пить чай в Москву...» № 6.
Челышев Б. «Коллежский ассессор Пушкин». № 3.
Чемляков В. Выговор за... память о Л. Н. Толстом. № 3. Как в год приезда Ильича... № 10.
Черкашин Е. Памятники вождю. № 4.
Шакинко И. Легенды и были Невьянской башни. № 9, 10.
Шаталов Д. Солдат революции. № 11.
Юрин В. Ирбитский жезл Меркурия. № 12.
Янтовский З. «Незурядный мастер занятой фабулы». № 12.
Яценко В. Мангазея. № 6.

НА СЛЕДОПЫТСКОЙ ЛИНЕЙКЕ. ИЩУ И НАХОЖУ. МУЗЕЙ ОДНОГО ЭКСПОНАТА. СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ. НАШИ ИНТЕРВЬЮ. ЧИТАТЕЛЬ — РЕДАКЦИИ, РЕДАКЦИЯ — ЧИТАТЕЛЮ. МУЗЕЙ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА».

Бенедиктов И. Не только соловьиное рыданье. № 6.
Борисихин Ю. «Приступаю к действию...» № 3.
Вахнин Ю. А дома лучше! № 6.
Ежиков И. Стихи за колючей проволокой. № 5.
Знать живое по имени-отчеству. № 12.

Коваленко А. Бессмертное племя матросовцев. № 5.
Красовский Г. Письмо. № 5.
Кузнец своего счастья. № 1.
Ланской М. Красные командиры. № 6.
Леонидов Л. Вручение судьбы. № 10.
Новоселов Е. Пуля в сердце. № 5.
Рязанов Ю. Слово в слово. № 10.
Сенокосов С. Танки с хлебозавода. № 5.
Случанко Б. 1 Мая 1920 года... № 4.
Следы далеких олимпиад. № 7.
Швецов А. Сафьяновская заимка. № 4.
Широква Н. «Пойдем же нынче по своему отечеству...» № 6.
Эхо. № 1.

НАУКА И ТЕХНИКА. НТ-80. НА ВСЕ РУКИ. НАУКИ ЮНОШЕЙ ПИТАЮТ.

Берлин И. Летать севернее всех! № 1.
Зайцев Ю. Взлет мысли. № 9.
Ищенко Е., Ионов В. С автомобилем на «вы». № 5.
Липатников В. Как тянут резину... № 4.
Лынев Р. Чудо-человек. № 6.
Мезенцев В. Долгих вам лет жизни. № 12.
НТ-80. № 6.
Печерский А. Исцеляет озеро. Нейрохирургия... тысячу лет назад. № 6.
Путилов Б. Детство президента. № 10.
Черемискин Л. Городские грозы. № 1.
Яровой Ю. Шаги гиганта. № 6.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

Акимущкин И. Племя длинноухих. № 3.
Вакланов Б. По закону сердца. № 1.
Баньковский Л. Сохранить навечно. № 4.
Барков А. Пернатые кудесники. № 8.
Богоявленский Л. Краса Камы. № 2.
Беляев И. Травы, травы... № 11. Что умеет дятел. № 8.
Васанов К., Васанова Л. Кто такие, кто такой? № 2.
Верзаков Н. Роднички. Лесная аптека. № 4.
Гисматов Ф. Дитя и царь земли. № 2.
Дедов П. Тропа на болоте. Снежное письмо. Звонкий домок. № 4.
Дудочкин П. Вернуть туманы и ручьи. № 2.
Дуняшин А. Болото-дом. № 2.
Живаго В. Едем в саванну. № 2.
Заянчковский И. Сорока — умное око. № 2.
Золотарев Б. Кто выпил бочонок меда? № 4.
Капелька вселенной. № 2.
Ларин О. Первопроходец. № 8.
Левенко А. Памятник собаке, лебедю, пчеле... № 10.
Лынев Р. Стальные и пернатые. № 3.
Первый продукт. № 2.
Полковников И. Шатун. Рыбаки. Зорька. № 1.

Прокопенко И. Орлиное племя. № 2.
Савельзон В. Чудеса в палисаднике. № 2. Возвращение земли. № 5.
Рябинин Б. Северка и ее приметы. № 2.
Сердце-озеро. № 4. Как жизнь, старина Косотур? № 11.
Терешкин И. Русская хохуля. № 2.
Храмцов А. Кармен. На туманной реке. Лесная музыка. № 1.
Черников Е. Поймать соболя. № 10.
Шарапов А. Вторая «Красная книга». Как говорят рыбы. № 12.
Экологический словарь. № 2.
Яковлев В. Алтай неприкосновенный... № 2.
Ярков С. Художественная школа Урала. № 10.

СПОРТ

Азерный М. Тынзян летит далеко. № 7.
Алебастров И. Требую сатисфакции! № 7.
Богоявленский Л. Трудовая спартакиада. № 7.
Бугров В. Гель-Гью, Лисс, Зурбаган... № 8.
Вы спрашивали... № 7.
Горбачева Н. Доброе мастерство. № 8.
Демян В. Карполь и его команда. № 7.
Кулешов Н. Медали мужества. № 7.
Лебедев И. Парад-алле. № 7.
Лелеко С., Муиземнек Ю. Дискбол и арфа. № 7.
Липатников Ю. Скейтбол, ракетбол и... № 7.
Мавлеев Е., Уткина Л. Рассказывает Эрмитаж. № 7.
Михайлов А. Последний пас. № 7.
Омельчук А. Санаркавал. № 7.
Семенчик И. Красные чемпионы. № 7.
Скориченко А. Рапиру придумал Нерон. № 7.
Токарев С. Ты и спорт. № 7.
Чемляков В. Куреш. № 7.
Что? Где? Когда? № 7.
Шарапов А. Старейшины московских улиц. Бактерии вместо яда. № 8.

В УМА ПАЛАТУ. СМЕШИНКИ.

Белоусов Г. Пуговица. № 12.
Вербин Е. Неженка. № 12.
Воронцов В. Мудряшки. № 12.
Мелихан К. Как удалить больной зуб. № 12.
Некрасов В. Новогодняя сказочка. № 12.
Подольский Г., Шапиро Б. Проблемы, проблемы... № 5.
Сейн О. Мудряшки. № 2, 12.
Тарабукин И. Смех с барьерами. № 7.
Цыпин С. Дедушка. № 5.
Шипулин Р. Узелки на память. № 2.

Б. Путилов

В. Савченко

Ю. Рязанов

С. Рыков

Наши лауреаты

Подведя итоги минувшего года, редколлегия журнала отметила наиболее интересные, на ее взгляд, материалы. На эти публикации уже есть читательские отклики, которые были также внимательно изучены и учтены.

Призами журнала отмечены:

повесть свердловского прозаика Бориса Путилова «Сокрушение Лехи Быкова» (№ 1, 2, 3);

фантастическая повесть киевлянина Владимира Савченко «Встречники» (№ 3, 4);

очерк «Собиратели и обиратели» (№ 5) и большая краеведческая работа свердловчанина Юрия Рязанова; публицистический очерк журналиста Сергея Рыкова «Грачев как Грачев...» (№ 8);

поэтический клуб «Светунец» при Челябинской писательской организации (подборка стихов участников клуба в № 9).

ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШИХ НОВЫХ ЛАУРЕАТОВ!

ПРИЗ УЕХАЛ В ТЮМЕНЬ

Впервые за историю розыгрыша кубка «Уральского следопыта» по велосипедным гонкам приз за личную победу уехал за пределы Свердловской области, а именно — в Тюмень. Победил представитель «Урожая» семнадцатилетний Сергей Усламин.

Факт отрадный: велосипедисты северного края не замедлили с освоением отличных асфальтированных дорог, проникающих во все дальние пределы.

Расширена была и сама программа соревнований. Теперь в ней шесть видов — групповые гонки на 80, 90, 100 километров, командная — на 100 километров и гонки критериум на 50 километров. Последний вид — новшество нынешних соревнований.

Приз за командную победу завоевала дружная команда Верхней Пышмы.

И вот недавно в редакцию пришла весточка от победителя: Сергей Усламин поступил в Омский институт физкультуры и спорта, неплохо выступил в соревнованиях по шоссейным гонкам на Кубок СССР. Так что приз «Уральского следопыта» был как бы трамплином для Сергея и в профессию, и в большой спорт.

МОСТЫ ЧЕРЕЗ НЕВУ

См. 75-ю стр.

загорелся бак с запасом керосина. Пламя быстро охватило весь мост. Пожарные не смогли унять разбушевавшуюся на воде огненную стихию. Так оборвалась жизнь самого первого неевского моста, просуществовавшего почти два столетия.

В каменной облицовке набережной у площади Декабристов и сейчас можно увидеть характерные выступы для наводки этого моста.

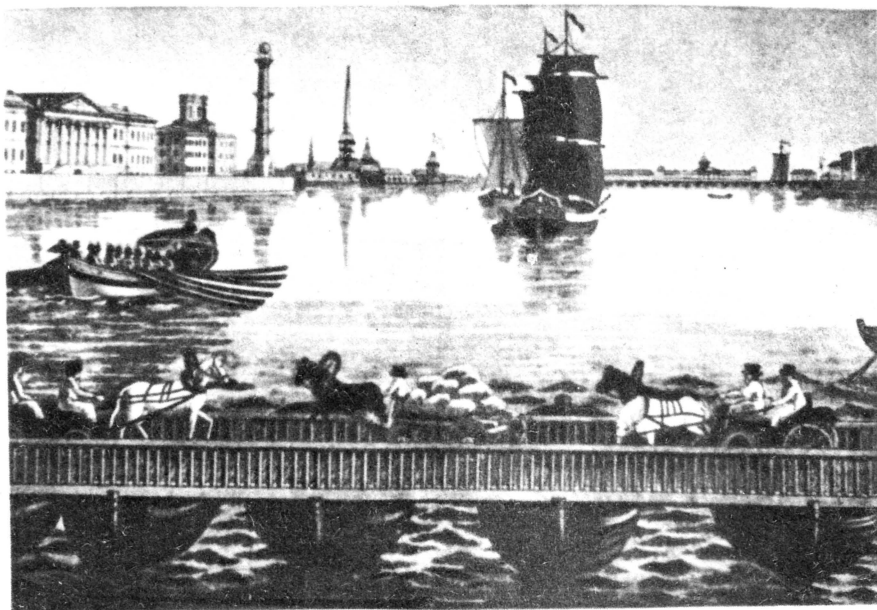
Помимо Исаакиевского в Петербурге были построены другие наплавные мосты через Неву и ее рукава — Тучков, Сампсониевский, Каменноостровский, Воскресенский, Строгановский, Троицкий (теперь Кировский), Литейный.

Наплавные мосты решали транспортную проблему Петербурга, но они были сезонными и недостаточно надежными. Вот что писал А. С. Пушкин своей жене:

«Милая моя женка, вот подробная моя Одиссея. Ты помнишь, что от тебя я уехал в самую бурю. Приключения мои начались у Троицкого моста — Нева была так высока, что мост стоял дыбом: веревка была протянута, и полиция не пускала экипажей. Чуть было не вернулся на Черную речку. Однако переправился через Неву выше и выехал из Петербурга».

Это письмо было написано Пушкиным в августе 1833 года из Торжка. В то время семья поэта жила на даче на Черной речке.

Наплавные мосты были дороги, мешали судоходству. Поэтому на смену им постепенно пришли мосты постоянного типа.

Сенатская площадь и Исаакиевский мост в конце 30-х гг. XIX в.
Автография Бишсбуа.

Грибы-гиганты

В заливе близ Сан-Франциско обнаружены гигантские грибы — до 120 сантиметров в диаметре. Они выросли на стенках контейнеров с радиоактивными отходами, затопленными тут несколько лет назад. Специалисты по атомной энергии про-

вели анализы необычных грибов и установили, что те впитывали радиоактивный материал, постепенно просачивающийся из контейнеров. В результате этого грибы в десять раз превысили свои обычные размеры.

Вместо миль и градусов

Морская навигация остается одной из немногих отраслей, где основные единицы измерений не согласуются с международной метрической системой.

Ученые предлагают перейти на метрическую систему в навигации, ввести новые единицы измерений углов и времени. Квадрат предлагается делить не на 90 градусов, а на 100 так называемых радиалов. Тогда, согласно определению метра как десятиллионной части расстояния от Северного полюса до экватора по меридиану, один радиал будет соот-

ветствовать 100 километрам, один децирадиал — 10 километрам, один сантирадиал — одному километру, один миллирадиал — 100 метрам...

Сутки предлагается разделить на 20 новых часов. Новый час будет делиться на 100 новых минут, а новая минута на 100 новых секунд. Эта система устанавливает 20 новых часовых поясов шириной каждый по экватору две тысячи километров.

В навигации основной единицей предполагается новая минута. Обозначение 0000 новых минут соответствует полуночи, 0500 — шести часам утра, 1000 — полудню, 1500 — 18 часам и 1999 — новым минут — без одной минуты новой полуночи.

Д. ЭЙДЕЛЬМАН

Лесные плотники

Именно так — лесными плотниками — часто называют трудолюбивых дятлов. Их производительность при обработке дерева долблением достойна удивления. Гнездо имеет диаметр около 15 сантиметров и глубину до 40 сантиметров. Строительство гнезда продолжается две или три недели. Дятел (в основном это самец, самка участие в постройке почти не принимает) ежедневно трудится полных шесть часов. Из гнез-

да в общей сложности он извлекает до четырех килограммов древесины.

Конечно, в какой-то мере здоровые деревья страдают от трудов дятла, но опытные лесники рады видеть этих птиц на своих участках — они уничтожают вредителей. Покинутые гнезда дятлов охотно используют другие полезные птицы — синицы, поползни.

В. РОЦХОВСКИЙ

И вырос кедр...

В деревеньке Макарино Сусанинского района Костромской области на приусадебном участке пенсионера Гадаловых растет необыкновенное для здешних мест дерево — сибирский кедр. Хозяева считают, что ему никак не менее двух веков.

Существует семейное предание, будто предок Гадаловых привез из-за Урала берестяной коробок с зеленой хвоинкой. Посадили саженец в горшок, водрузили на окно. Через десять лет подросло и окрепло дерево — пересадили его в кадку и поставили на пол. Но вскоре стало кедру тесно в избе. Не стали хозяева, как в русской народной сказке, прорубать потолок и крышу, а вынесли дерево на волю, отвели почетное место в огороде. Ухаживали, лелеяли, берегли от морозов...

И вырос кедр большой-пребольшой. Выше его нет сейчас в деревне дерева. Не остался кедр должником перед своими хозяевами — стал каждый год одаривать их гостинцами. Что ни шишка — то стакан орехов. В лучшие годы по четыре мешка орехов собирали Гадаловы — всей сельской детворе радость.

Юные следопыты местной школы взяли дерево под свою опеку.

В. ПАШИН

БРАТЬЯ ЧЕРЕПАНОВЫ. Резьба по дереву.

Игорь ЛИЗУРО, г. Нижний Тагил.

Фото В. Соница